

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 3

Материалы III Международной научной конференции,
посвященной 100-летию исторического образования
в Саратовском университете (Саратов, 18–19 мая 2017 г.)

Под редакцией В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой

Саратов
Издательство «Техно-Декор» – 2017

УДК 94(47+100)(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(0)я43
И90

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
Мезин Сергей Алексеевич,
доктор исторических наук, профессор
Эльфонд Ирина Яковлевна

Историческое прошлое и образы истории: материалы III Международной научной конференции, посвященной 100-летию исторического образования в Саратовском университете (Саратов, 18–19 мая 2017 г.). Вып. 3 / под ред. В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой. – Саратов: Издательство «Техно-Декор», 2017. – 174 с.

ISBN 978-5-9500428-8-1

В сборник вошли материалы III Международной научной конференции «Историческое прошлое и образы истории», посвященной 100-летию исторического образования в Саратовском университете, которая была организована кафедрой отечественной истории и историографии, кафедрой всеобщей истории СГУ и Саратовским отделением РОИИ и проходила в Институте истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского 18–19 мая 2017 года.

В сборнике представлены статьи участников конференции, в которых рассматриваются различные аспекты социальной, политической, социокультурной и интеллектуальной истории России, стран Запада и Востока, история образов и представлений, проблемы исторической памяти и национальной идентичности.

Для специалистов и всех интересующихся историей.

УДК 94(47+100)(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(0)я43

ISBN 978-5-9500428-8-1

© Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет, 2017
© Коллектив авторов, 2017

К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В. Н. Данилов (Саратов)

E-mail: danilovvik@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В САРАТОВЕ: СТОЛИЧНЫЕ СТАНДАРТЫ И МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Формирование научного исторического знания происходило в Саратове путем соединения местной историко-краеведческой традиции, берущей свое начало с середины XIX в., и опыта историков-профессионалов, главным образом из Москвы и Петрограда (Ленинграда). Определяющее значение в процессе становления исторической науки в городе имело открытие в 1917 г. в Саратовском университете историко-филологического факультета, а завершился он в первое послевоенное десятилетие.

Ключевые слова: историческая наука, Саратов, краеведение, университеты, факультет, СУАК, ИСТАРХЭТ, НВОНОК.

Открытие осенью 1917 г. историко-филологического факультета знаменовало собой в Саратовском университете не только начало подготовки кадров, но и проведения научных исследований в области истории. Временное совпадение этого события с революционным переломом в жизни страны позволило видному представителю саратовской школы историков Л. А. Дербову в своей известной работе 1983 г. заявить, что «историческая наука в СГУ может с полным основанием считаться ровесницей Октября»¹, своеобразно подчеркнув тем самым его значение.

Вместе с тем, как представляется, рождение нового факультета в составе университета коренным образом изменило в целом историографическое пространство региона и стало точкой отчета нового этапа в развитии исторического знания в Саратове. Отныне его содержание уже будет определять, прежде всего, профессиональная наука, базирующаяся на принятых в ней принципах, подходах

---

¹ Дербов Л. А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 7.

и, если так можно выразиться, стандартах научной работы, формировали которые в России тогда в первую очередь Москва и Петербург. В то же время следует иметь в виду и то немало важное обстоятельство, что почва для восприятия профессиональной работы в области истории готовилась в Саратове задолго до создания в университете исторических кафедр. Здесь, как и во многих провинциальных центрах европейской России, в течение нескольких десятилетий формировалась неакадемическая историографическая традиция, связанная с изучением истории местного края.

Таким образом, становление после 1917 г. исторической науки в Саратове означало, по сути, не только артикулирование привнесенных столичных научных стандартов, но и соединение их с местным историографическим потоком. Сам же этот поток представлял собой далеко не однозначное и довольно пестрое явление. Ставшая в 1917 г. преподавателем Саратовского университета М. Е. Сергеенко, в будущем известный советский антиковед, профессор Ленинградского университета, так говорила об этом: «В Саратове издавна шли краеведческие работы, иногда успешно, часто кустарно и неуклюже»². Безусловно, большинство работ саратовских краеведов по тому времени уже представляло, как это определяют ныне адепты «новой локальной истории» М. Ф. Румянцева и С. И. Маловичко, эрудитский и антикварный тип исторического знания³, но по некоторой проблематике, в частности, археологии золотоордынского времени и колонизации края имелись изыскания на вполне приличном научном уровне.

Обращаясь к истории саратовского краеведения, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что схема генезиса провинциальной историографии – городские летописи, историко-географические описания, авторские исторические сочинения, – представленная известным исследователем данного вопроса А. А. Севастьяновой⁴, не совсем работает относительно Саратова.

---

² Сергеенко М. Е. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 295.

³ См.: Румянцева М. Ф. Локальная история в актуальном социокультурном пространстве // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика. Ставрополь, 2002. С. 28–34; Маловичко С. И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 5–27.

⁴ См.: Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998. С. 22.

Летописей здесь в XVII–XVIII вв. не велось (дневники происшествий Скопиных таковыми можно назвать с определенными оговорками), а авторские произведения по истории местного края стали появляться только во второй четверти XIX в. Однако столь поздний, по сравнению с некоторыми другими губернскими центрами, такими как Ярославль, Кострома, Вологда, Архангельск, краеведческий старт вместе с тем позволял Саратову заимствовать многие образцы историописания, как собственно и в других областях культуры (литература, театр). При этом часто носителями таких образцов являлись и местные уроженцы, но подготовленные к творческой деятельности и определившиеся мировоззренчески в столичных городах. К их числу принадлежат два «пионера» саратовского исторического краеведения – Андрей Филиппович Леопольдов и Даниил Лукич Мордовцев.

Уроженец с. Ртищево Сердобского уезда А. Ф. Леопольдов закончил словесное отделение Московского университета, в Саратов прибыл в 1829 г. после полуторагодового заключения, имея уже публикацию с описанием Саратовской губернии. В последующем он опубликовал свыше 250 статей и заметок по местной экономике, этнографии, фольклору и археологии, а также отдельный очерк по истории края. Выпускник Петербургского университета Д. Л. Мордовцев, прежде всего, был отмечен своими работами по изучению истории народных движений XVIII в. на территории края.

Большое влияние на местное интеллектуальное сообщество оказало пребывание в Саратове с 1847 по 1859 гг. крупного русского историка Николая Ивановича Костомарова, высланного сюда из Киева за принадлежность к Кирилло-Мефодьевскому братству. Публиковавшиеся им в губернской газете и отдельными очерками труды по истории устного народного творчества, социально-экономическому развитию края, о разинщине, Петровске и Вольске были выполнены на высоком профессиональном уровне.

Существенный вклад в историографию Золотой Орды внес профессор истории Саратовской духовной семинарии Г. С. Саблуков, окончивший Московскую духовную академию.

Но и местные силы со второй половины XIX в. активно продвигали саратовскую провинциальную историографию. Вначале своеобразным центром изучения прошлого Саратовского Поволжья становится губернский статистический комитет, вокруг кото-

рого объединилась большая группа краеведов-энтузиастов: Н. Ф. Хованский, С. А. Хоризоменов, А. Н. Минх, Ф. Ф. Чекалин, А. И. Шахматов и др. Именно они составили ядро созданной в 1886 г. Саратовской ученой губернской архивной комиссии (СУАК). Эта научно-просветительная организация сыграла выдающуюся роль в развитии общественного исторического краеведения. Своеобразным итогом деятельности СУАК стали обширная библиотека, архив и музей, 33 выпуска «Трудов СУАК», историко-географический словарь А. Н. Минха, подробное изучение местных исторических реликвий, проблем демографического и хозяйственного освоения Нижнего Поволжья.

Одной из линий деятельности СУАК являлось стремление выйти за региональные рамки, наладить внешние связи. Поэтому в числе членов комиссии мы видим имена известных русских историков Н. Ф. Дубровина, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского, М. Е. Забелина, Н. А. Попова, В. А. Городцова, А. А. Спицына и др. Особенно активно сотрудничал с СУАК М. И. Семевский, издатель знаменитого исторического журнала «Русская старина»⁵. В последние предреволюционные годы связующим звеном между СУАК и столичными историками стали студенты, а потом аспиранты Петербургского университета, ученики С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова, саратовцы Сергей Николаевич Чернов и Павел Григорьевич Любомиров, которые в 1920-е гг. будут во многом определять облик исторической науки в Саратове.

К началу XX в. СУАК уже имела значительный общественный авторитет, что позволило ей быть в ряду тех местных сил, которые ратовали за открытие в Саратове университета. В декабре 1921 г. на торжественном заседании по случаю 35-летия СУАК тогдашний ректор СГУ профессор В. В. Голубев прямо заявил, что комиссия «была одним из предшественников университета, подготовившим ему почву в Саратове»⁶.

То, что историко-филологический факультет создавался в условиях всероссийской смуты (революционных ломок и гражданской войны), конечно, вносило значительные трудности в органи-

---

⁵ См.: Захаров В. М., Захарова Т. А. Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920). Волгоград, 2005. С. 55.

⁶ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 373. Л. 38.

зацию работы и просто существование ученых. Но это же обстоятельство способствовало тому, что Саратов смог получить из Петрограда и Москвы перспективных специалистов практически по всем областям исторической науки. Как пишет уже упоминавшаяся здесь М. Е. Сергеенко: уезжали из беспокойной, голодной и холодной столицы, надеясь на интересную работу и мирный достаток в спокойном и сытом южном городе, каким им тогда казался Саратов⁷.

Имена тех столичных историков, кто стал работать в 1917–1918 гг. в Саратовском университете хорошо известны. В основном это были еще достаточно молодые люди, ученики крупных ученых. По кафедре русской истории – это первый ее заведующий В. И. Веретенников (учился в Петербурге, защищал докторскую диссертацию в Москве), историк права С. В. Юшков, С. Н. Чернов; по кафедре всеобщей истории – это ее заведующий, специалист по истории Франции нового времени, ученик крупного русского историка Н. И. Кареева В. А. Бутенко, античники С. И. Протасова и М. Е. Сергеенко; археолог и египтолог Ф. В. Баллод, а также этнографы и филологи В. К. Пиксанов и Б. М. Соколов, экономист Л. Н. Юровский. В той или иной степени они продолжали поддерживать связь с *alma mater*. Представление об этом дает, в частности, многолетняя переписка С. Н. Чернова с С. Ф. Платоновым, известная нам благодаря стараниям В. А. Соломонова⁸.

Несколько позднее усилиями С. Н. Чернова в Саратов из Томска был возвращен П. Г. Любомиров, ставший после отъезда профессора Веретенникова во главе кафедры русской истории в СГУ. В период с 1920 по 1923 гг. в Саратовском университете работал Г. П. Федотов – крупный философ и специалист по истории зарубежного средневековья. В 1920 г. приехал в Саратов и Павел Сергеевич Рыков, ученик по Московскому университету одного из основоположников научной археологии в России В. А. Городцова. С именем П. С. Рыкова связаны все последующие 17 лет развития исторической науки в Саратове, как организатора ее и как специалиста в области археологии и музейного строительства.

---

⁷ См.: *Сергеенко М. Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете. С. 295.

⁸ См.: *Андреева Т. В., Соломонов В. А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006.

Из местных исследователей в первоначальный профессорско-преподавательский состав историко-филологического факультета вошел Александр Александрович Гераклитов, который еще с 1908 г. работал в СУАК. Он стал вскоре известным специалистом по архивному делу, палеографии и истории мордовского народа. Его знания и исследовательский опыт, сформировавшиеся в условиях дореволюционного Саратова, оказались как нельзя лучше востребованными в преподавательской и научной деятельности университета⁹.

Характерно, что профессура историко-филологического факультета, прибывшая в Саратов из других городов, с самого начала постаралась сблизиться с местной культурной и, если так можно сказать, познавательной средой. Не стало, в частности, узкокорпоративной организацией созданное в 1918 г. по инициативе декана факультета С. Л. Франка университетское философско-историческое общество. Его заседания, проходившие в актовом зале первого здания университета, посещали до 150 человек¹⁰. Еще в большей степени наличествовал процесс интеграции преподавателей-гуманитариев в уже имевшиеся или вновь создаваемые в Саратове структуры исторического профиля, что придавало им новый импульс в развитии.

Когда в 1918 г. начал реализовываться известный декрет Совнаркома о централизации и реорганизации архивного дела, то первым руководителем губернского архивного отдела стал профессор В. И. Веретенников. Практически все университетские историки, независимо от сферы их научных интересов, участвовали в музейном строительстве. Ф. В. Баллод заведовал наиболее важной в подотделе музеев губОНО – научной секцией; первым директором объединенного областного музея краеведения стал этнограф и фольклорист профессор Б. М. Соколов, а с 1923 г. и вплоть до ареста

---

⁹ См.: Попкова Н. А. Александр Александрович Гераклитов (К 125-летию со дня рождения // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994; Соломонов В. А. Автобиография профессора Саратовского университета Александра Александровича Гераклитова // История и историческая память. Саратов, 2012. Вып. 5.

¹⁰ См.: Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. История Саратовского университета. 1909–2009: В 2 т. Т. 1. 1909–1945. Саратов, 2009. С. 98.

этот музей возглавлял П. С. Рыков. Профессор В. А. Бутенко долгое время был директором Радищевского художественного музея¹¹.

Безусловно, в этих фактах можно видеть прагматический подход местной власти по использованию квалифицированных специалистов в проведении в жизнь правительственных директив в области советского культурного строительства, но в то же время это было искренним стремлением ученых-историков участвовать в нем. Это соответствовало их убеждениям и интересам, а не только являлось возможностью получить дополнительный заработок или паек. Тот же Г. П. Федотов два года добросовестно заведовал историческим отделом музея краеведения, но когда его стали привлекать к участию в шефстве над одной из фабрик города и читать там лекции перед рабочими, он сразу же покинул Саратов¹².

Одновременно происходило втягивание университетских преподавателей в работу местных научно-просветительных общественных организаций, материальная база которых активно использовалась в учебном процессе. Среди принятых в члены СУАК в 1918 г. мы видим имена профессоров Ф. В. Баллода, В. И. Веретенникова, Н. Н. Дурново, Б. М. Соколова, Г. Г. Тельберга, Л. Н. Юровского, Д. Э. Янишевского¹³. Это дало возможность С.Н. Чернову в конце 1919 г. предложить преобразовать СУАК в Общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), каковое замышлялось еще в 80-е гг. XIX в. В нем нашли приложение своим усилиям античники С. И. Протасова и А. И. Доватур, медиевист Г. П. Федотов, новисты В. А. Бутенко и Ф. А. Петров, специалисты в области отечественной истории, этнографы, лингвисты, экономисты и географы. Когда в 1922 г. возник вопрос о перерегистрации общественных объединений в стране, то общество обратилось к руководству университета с просьбой считать его в составе СГУ, и правление вуза удовлетворило ходатайство. Подчеркивая естественность этого

---

¹¹ См.: *Данилов В. Н.* Университет и краеведческий музей в Саратове: профессиональное и культурное взаимодействие // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Саратовского областного музея краеведения. 13-15 декабря 2011 года. Саратов, 2011. С. 16–20.

¹² См.: *Федотов Г. Ф.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по истории русской философии и культуры: В 2-х т. / Сост., вступ. ст. и прим. В. Ф. Бойкова. СПб., 1991. С. 7.

¹³ См.: *Земли родной минувшая судьба* (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края). Саратов, 2007. С. 342–357.

союза, С. Н. Чернов в отчете общества за тот год писал: «Общество, в лице своей предшественницы, бывшей Саратовской ученой архивной комиссии, немало способствовало открытию здесь университета, да и со временем открытия продолжало работать с ним в самом тесном сотрудничестве, пополняя из состава университета кадры своих работников, почерпнув у него моральную иногда материальную поддержку. Со своей стороны общество служило университету как долгим опытом краевой работы, так и своими богатыми книжными и музейными собраниями»¹⁴.

В ИСТАРХЭТе как бы соединилась большая наука и любительское краеведение, высокие исследовательские стандарты и традиции местных эрудитских изысканий. Если мы посмотрим на журнал учета докладов, прочитанных на общих собраниях и заседаниях секций общества, то увидим, что тематика большей части из них, конечно, была по местной истории, но в то же время там ставились и такие доклады, как, например, «О праве убежища в Древней Руси (С. В. Юшков), «Пожарский в изображении Хронографа» (П. Г. Любомиров), «Композиция и источники Плутарха в биографии Помпея» (С. И. Протасова), «Государство перед судом церкви в Меровингскую эпоху» (Г. П. Федотов), «Бумажные деньги в эпоху Французской революции» (В. А. Бутенко)¹⁵. В 1921 г. члены ИСТАРХЭТ провели два торжественных собрания памяти Данте и Достоевского.

Понимая ограниченность возможностей ИСТАРХЭТ как общественной организации, для проведения затратных полевых исследований ею было инициировано создание бюджетных научных структур в составе университета. Сначала в 1922 г. таковой стал Научно-исследовательский археологический институт, а с 1924 г. Краеведческий институт изучения Нижне-Волжской области (с 1929 г. Нижне-Волжский институт Краеведения имени А. М. Горького)¹⁶.

В 1924 г. ИСТАРХЭТ было преобразовано в Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (НВОНОК), чему способствовал ряд обстоятельств. Это и становившееся массовым крае-

---

¹⁴ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 395. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 328.

¹⁶ См.: Данилов В. Н. «Золотое десятилетие» саратовского исторического краеведения (1920-е годы) // Поволжский край: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 169–170.

ведческое движение в стране, которому содействовало в определенном направлении власть. Это и то, что постепенно по разным причинам Саратов стали покидать видные историки и филологи: Баллод, Федотов, Веретенников, Соколов и др. В НВОНОК уже практически не было места для приложения своим знаниям историкам-всеобщникам. Историческое отделение университета переходило от одного факультета к другому – ФОН, педфак. Хотя ряд специалистов по зарубежной истории продолжали работать какое-то время в СГУ: до 1928 г. – профессор Бутенко, до 1929 г. – Сергеевко, до 1931 г. – Протасова.

За период пребывания в Саратове ими были созданы труды, которые затем получили научное признание. Но вот, за исключением А. И. Доватура, видных историков-всеобщников, которые бы проявили себя на научном поприще, Саратовский университет в эти годы не подготовил. Хотя по отечественной истории из стен университета вышли такие известные ученые, как Е. Н. Кушева, Е. П. Подъяпольская, Н. Г. Апполова, работавшие затем в институте истории АН СССР, и которые первые свои работы по истории России периода феодализма подготовили в Саратове. Прошел обучение в СГУ 1920-е гг. В. А. Осипов, проработавший затем много лет доцентом и деканом истфака. По сути дела в это время под руководством П. С. Рыкова сформировалась в Саратове целая археологическая школа, наиболее видными представителями которой были П. Д. Степанов, И. В. Синицын, Т. М. Минаева, П. Д. Рау и др.

В конце 1920-х гг. последовали явления, характерные в большинстве своем для всей отечественной историографии, сделавшие более противоречивым процесс становления исторической науки в Саратове. Известно, что в это время происходит ужесточение требований по обязательному использованию положений и подходов из арсенала марксизма в преподавании исторических дисциплин и исследовательской работе в вузах. Выдвинутая тогда руководством советской исторической науки концепция «исторического», а потом «идеологического фронта», стала активно претворяться в жизнь и в Саратове. В первую очередь проводником ее здесь становится направленный из Москвы выпускник Института красной профессуры Г. Е. Меерсон, занявший ряд руководящих должностей в НВОНОК и Краеведческом институте. Работа и взгляды видных саратовских историков, воспитанных в традициях российской ака-

демической науки, уже не могли быть терпимыми в этих условиях. Подвергнувшись травле со стороны ревнителей «чистоты марксизма» и студенческого актива, были вынуждены покинуть Саратов С. Н. Чернов, П. Г. Любомиров, С. И. Протасова, что, безусловно, ослабило потенциал исторической науки в городе.

Другой момент, указывавший на изменение историографической ситуации, связан с отходом краеведения от занятия сугубо научно-познавательными и просветительскими проблемами, переориентацией его на решение практических задач хозяйственного плана. Рубежным в этом отношении стал проведенный в мае 1929 г. 1-й съезд краеведов Нижне-Волжского края. Историки-профессионалы подверглись на нем критике со стороны местных властей и отдельных краеведов-любителей с периферии за академичность, археологический уклон, слабое соединение научных исследований с делом социалистического строительства¹⁷. Вскоре и само региональное краеведческое общество прекратило свое существование.

Осложнило положение исторической науки в Саратове преобразование в 1931 г. педагогического факультета университета в самостоятельный вуз, где подготовка кадров и научная работа в области истории были сведены к минимуму. В СГУ в рамках Института краеведения остался только сегмент, связанный с местной историей, да и то представленный в основном археологией. Кроме этого исследования по истории революционного движения в крае велись еще научными сотрудниками музеев города. Таким образом, на данном этапе процесс становления исторической науки в Саратове не только не был завершен, но и вошел в стадию стагнации.

Новый импульс в развитии исторической науки в Саратове получила в связи с созданием в 1935 г. исторического факультета в СГУ, что было, по сути, вторым рождением университетского исторического образования в городе. Поскольку новый истфак был третьим в стране после Москвы и Ленинграда, он, как и там, в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» создавался в составе пяти кафедр, в числе которых, кроме кафедры истории СССР, были следующие кафедры по всеобщей истории –

---

¹⁷ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 565. Л. 12-14, 21.

истории древнего мира, истории средних веков, истории нового времени, истории колониальных и зависимых стран (перед войной еще открыли кафедру археологии и этнографии). Для провинциальных университетов это было уникальным явлением в течение всего последующего советского периода, и оно позволило сразу нацелиться на исследования по всему спектру зарубежной истории.

При формировании преподавательского состава исторического факультета Саратов вновь получил серьезное кадровое вливание специалистов-историков, преимущественно из числа окончивших аспирантуру в московских и ленинградских вузах¹⁸. Несколько лет в университете работал такой научный авторитет, как А. М. Панкратова, сохранявшая связь с преподавателями истфака СГУ вплоть до самой смерти в 1957 г. Но и местный элемент был на этот раз более значительным, чем при создании историко-филологического факультета. В частности, преподавать историю древнего мира из Саратовского юридического института был приглашен специалист по римскому праву профессор В. Н. Охоцимский¹⁹. Среди преподавателей первого истфаковского призыва мы видим имена известных впоследствии саратовских историков И. В. Синицына, В. А. Осипова, Р. А. Таубина, которые являлись выпускниками СГУ. Да и первый декан факультета П. С. Рыков к тому времени уже основательно укоренился в Саратове.

Великая Отечественная война не позволила на этом этапе завершить безболезненно процесс становления исторической науки в Саратове. Часть преподавателей истфаков университета и пединститута ушла в армию, некоторые перешли на партийную работу. На некоторых кафедрах, по свидетельству Л. А. Дербова, оставалось всего 2–3 сотрудника²⁰. Вместе с тем пребывание в Саратове в 1942–1944 гг. Ленинградского университета и нахождения в эвакуации здесь некоторых москвичей способствовало развитию исторической профессии в регионе. Так, заведующими кафедрой истории СССР в это время в СГУ были такие известные специалисты, как Н. Л. Рубинштейн и В. В. Мавродин. В ученом совете ЛГУ свои кандидатские диссертации защитили преподаватели Саратовского

---

¹⁸ См.: *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. С. 13.

¹⁹ См.: *Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н.* История Саратовского университета. С. 164.

²⁰ См.: *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. С. 16.

университета И. В. Сеницын, Л. А. Дербов, А. М. Дубинский, А. Л. Шапиро.

Завершился процесс становления исторической науки в Саратове уже в первое послевоенное десятилетие, когда сформировался полный состав кафедр, произошло слияние в один коллектив истфаков университета и педагогического института. Но и на этом этапе столичное участие в комплектовании научных кадров также имело место, поскольку на истфак пришли такие ключевые фигуры, как С. М. Стам и И. С. Кашкин, возглавившие соответственно кафедры истории средних веков и истории нового и новейшего времени. В основном же с этого времени научно-педагогические кадры историков Саратовский университет готовил самостоятельно.

А. С. Майорова (Саратов)

E-mail: majorova-as@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНЫХ НОВАЦИЙ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» Г. С. Саблукова и «Исторический очерк Саратовского края» А. Ф. Леопольдова, опубликованные в 40-е гг. XIX в., отличаются от более ранних явлений исторической традиции в Саратовском Поволжье. Появление исторических исследований, которые демонстрировали более высокий уровень исторического знания, нежели сведения в топографических описаниях, способствовало формированию региональной идентичности.

Ключевые слова: общероссийская история, региональная историография, топографическое описание, городовая летопись, Саратовская губерния, Золотая Орда, археологические памятники.

Первые опыты создания исторических нарративов, посвященных прошлому Нижнего Поволжья, давно вызывали интерес у саратовских регионоведов. Труд Г. С. Саблукова «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства»¹ и «Исторический очерк Саратовского края» А. Ф. Леопольдова², опубликованные в 40-е гг. XIX в., относятся к типу повествовательных текстов, представляющих собой интерпретацию прошлого³. Оба названных автора для написания своих работ использовали не только исторические сочинения предшественников, но и разнообразные источники. Саблуков и Леопольдов, рассматривая и сопоставляя источники, извлекали информацию, необходимую для создания определенных моделей исторической действительности. Таким образом, их труды по истории Саратовского Поволжья являются результатом процесса исследования⁴.

---

¹ См.: Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства // Саратовские губернские ведомости. 1844. № 26–36.

² См.: Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848.

³ См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014. С. 316.

⁴ Там же. С. 144.

Название сочинения Леопольдова сразу ориентирует читателя на то, что оно посвящено истории Саратовского Поволжья. В очерке Саблукова, впервые опубликованном в 1844 г. в «Саратовских губернских ведомостях» (в конце XIX в. он вышел в Казани отдельным изданием⁵), освещены события и явления, связанные не только с историей Нижнего Поволжья, но также Среднего Поволжья и Крыма. Значение этого труда выходит за рамки региональной историографии. Однако его особенность состоит в том, что большинство источников, которые использованы Саблуковым, происходят из археологических памятников, находившихся на территории Саратовской губернии. В предисловии к первой публикации данного очерка тогдашний редактор «Саратовских губернских ведомостей» Леопольдов назвал сочинение Саблукова «сводом известий о монголах по отношению к здешнему краю» и подчеркнул непосредственное отношение истории государства завоевателей русских земель к Саратовскому Поволжью:⁶. Таким образом, «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» уже с первой его публикации был оценен как произведение региональной историографии. Следует отметить, что при публикации в Казани «Очерка внутреннего состояния Кипчакского царства» предисловие было воспроизведено, но автором его назван Н. И. Костомаров, что является ошибкой. В 1844 г. он еще не проживал в Саратове, а газету в то время редактировал Леопольдов⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что и Саблуков, и Леопольдов для определения вида своих исторических сочинений использовали термин «очерк». С. И. Маловичко рассматривает очерк как явление историографии, которая испытывала влияние культуры определенной эпохи на практику историописания⁸. Практика презентации исторического знания в виде очерка, как отмечает ис-

---

⁵ См.: Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань, 1895. 60 с.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ См.: Хованский Н. Ф. Саратовские губернские ведомости. (История их издания) // Саратовский край Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 275–276.

⁸ См.: Маловичко С. И. Исторический очерк в системе видов историографических источников // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. Витебск, 2017. С. 56.

следователь, начала формироваться в России уже в XVIII в.⁹ Согласно его наблюдениям, авторы произведений подобного характера, созданных в XVIII — первой половине XIX в., «манifestировали» такие признаки очерка: краткое, но достаточное для усвоения собственное изложение; популярность; несовершенство (вероятно, по отношению к «систематическому» исследованию)¹⁰. Ознакомление с текстами рассматриваемых исторических исследований саратовских авторов показывает, что наименование очерка вполне соответствует особенностям их содержания и изложения материала. Саблуков и Леопольдов осознавали «несовершенство» своих сочинений. Они не могли претендовать на использование представительного комплекса источников. Кроме того, трудности для обоих авторов представляла систематизация материала и построение концепции. Саблуков решил эти проблемы более успешно, чем Леопольдов.

«Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» как памятник региональной историографии гораздо реже привлекал внимание местных исследователей, чем названный труд Леопольдова и другие его сочинения. Заслуги Леопольдова в историографическом процессе Саратовского края отмечены неоднократно. А. А. Гераклитов назвал его «пионером в деле изучения прошлого нашего края»¹¹. Данная точка зрения присутствует и в учебном пособии В. Г. Миронова и В. М. Захарова, опубликованном в конце XX в.¹²

Оценка Саблукова как одного из основоположников местной исторической традиции была дана А. А. Демченко, который, наряду с Саблуковым, называет в этом качестве епископа Иакова и протоиерея Г. И. Чернышевского (отца Н. Г. Чернышевского)¹³. Следует заметить, что из названных авторов только Саблуков написал ис-

---

⁹ См.: Маловичко С. И. Исторический очерк в системе видов историографических источников. С. 54.

¹⁰ Там же. С. 54–55.

¹¹ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 28.

¹² См.: Захаров В. М., Миронов В. Г. У истоков саратовского исторического краеведения: Учебное пособие по курсу «Историческое краеведение». Балашов, 1991. С. 6–7.

¹³ См.: Демченко А. А. У истоков саратовского краеведения // Годы и люди. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 168–183.

торическое сочинение, которое было результатом процесса исследования.

В. М. Захаров в своей монографии «Основатели саратовского краеведения» рассматривает труды Леопольдова и Саблукова в области изучения прошлого Саратовского Поволжья, а также и другие их сочинения¹⁴. Вполне закономерно то, что автора монографии в творческом наследии Леопольдова более всего привлекает «Исторический очерк Саратовского края». Этот очерк современный историк характеризует как «своеобразную попытку проследить ход исторических событий в регионе с древнейших времен до первых десятилетий XIX в.»¹⁵. Существенным недостатком работ Леопольдова Захаров считает отсутствие попыток выяснения причинно-следственных связей событий¹⁶.

Оценивая «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» Саблукова, Захаров опирается на мнения исследователей, которые признавали большое значение этого труда, – Н. И. Костомарова, В. В. Григорьева, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского. Со своей стороны, Захаров высказывает критическое отношение: к нему. Автор монографии пишет, что Саблуков, «не располагая необходимым кругом источников и не имея соответствующего опыта научной работы, не смог проследить эволюцию внутреннего устройства Золотой Орды, вскрыть внутренние механизмы процесса, приведшего к формированию могущественного государства на Волге, а затем к его полному упадку»¹⁷. В данном случае Захаров игнорирует исторические реалии той эпохи, когда был создан труд Саблукова.

Вполне естественно, что Саблуков не располагал тем комплексом археологических источников, которые имеются в распоряжении историков в настоящее время, более чем через полтора столетия после появления его «Очерка». Не располагая необходимыми данными, он, конечно, не мог проследить эволюцию внутреннего устройства Золотой Орды. Кстати, сам Захаров приводит высказывание Григорьева о том, что при наличии скудных источников Саб-

---

¹⁴ См.: Захаров В. М. Основатели саратовского краеведения. (А. Ф. Леопольдов и Г. С. Саблуков). Саратов, 2011.

¹⁵ Там же. С. 102.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 168–169.

луков смог «так много сказать так много нового и основательного о своем предмете»¹⁸.

Признавая важную роль сочинений Саблукова и Леопольдова в качестве первых попыток создания исследований по истории Саратовского Поволжья, Захаров, тем не менее, оценивает их вне связи с общим развитием историографического процесса в первой половине и в середине XIX в. Он видит в этих трудах начальные ступени на пути к достижению того уровня исторического знания, который был достигнут уже во второй половине столетия.

Таким образом, вопрос о том, какое место занимают они в общем историографическом процессе в России в первой половине XIX в., остается пока не изученным. Данные труды были новым и очень важным шагом в развитии местной исторической традиции. Однако необходимо учитывать, что сведения по истории Саратовского Поволжья мы встречаем в «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии», составленном в 1807 г.¹⁹ Опубликованный в 1891 г. так называемый «Дневник» Г. А. Скопина, в который внесены записи о событиях в Саратове и в России с 1762 по 1796 гг., судя по многим признакам, может быть отнесен не к сочинениям мемуарно-дневникового характера, а к городovým летописям²⁰.

Истоки историографической ситуации в России во второй четверти XIX в., когда саратовские авторы выступили с первыми исследованиями по истории Нижнего Поволжья, рассматривает В. В. Боярченков. Он изучает развитие исторического знания в тесной связи с общим ходом культурного процесса. Особо выделена В. В. Боярченковым проблема соотношения национального исторического нарратива и локальных историографических традиций. В специальной статье он сосредоточил внимание на периоде 1820–1830-х гг., когда «сама постановка вопроса об отношении вновь обнаруженной местной истории к давно признанной общероссий-

---

¹⁸ Захаров В. М. Основатели саратовского краеведения. (А. Ф. Леопольдов и Г. С. Саблуков). С. 168.

¹⁹ См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011. 239 с.

²⁰ См.: Майорова А. С. История города в контексте истории государства. (Саратовская городовая летопись второй половины XVIII века) // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 80–101.

ской» была «едва намечена»²¹. Боярченков считает, что данное явление связано со сменой философских концепций в представлениях о жизни общества, которая произошла в конце второго десятилетия XIX в.²²

В связи с этим он указывает на особенности историографического процесса в период господства идеологии Просвещения: «Если пафос национальных ценностей, не чуждый традициям классицизма, еще оправдывал обращение к формату общероссийской истории, то исследователю местной старины вписать свои сюжеты в контекст просвещенческого исторического нарратива было не просто»²³. Ссылаясь на результаты исследования А. А. Севастьяновой, Боярченков отмечает наличие «многочисленных достоинств лучших исторических сочинений провинциальных авторов последней трети XVIII в.», и тут же отмечает периферийный характер проблемы местной истории в ту эпоху²⁴.

Поиски «народности» и «местного колорита», предпринятые литераторами и историками, которые рассматривает Боярченков в своей статье, выявляли «новые возможности» исторических изысканий. По его словам, в конце 1820-х гг. романтизм представил перед взорами читающей публики «новый факт — местную историю во всем многообразии ее проявлений». Таким образом, Боярченкову удалось показать, каковы были общественные представления, благодаря которым «местная проблематика» в истории «обрекла не достававшее ей прежде самостоятельное значение»²⁵.

История Саратовского края стала объектом внимания и изучения, как история целостного региона, со времени создания наместничества (преобразованного затем в губернию) в 1780 г. Почти сразу после создания наместничества появилось его первое описание статистического характера. Севастьянова считает историко-географические описания (они входят в группу статистических описаний) одним из «способов исторического повествования», которые характерны для второй половины XVIII в. Она называет и

---

²¹ Боярченков В. В. Местная история в контексте концептуальных поисков российской историографии 1820–1830-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 118. С. 14.

²² Там же. С. 10–11.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 14.

две другие разновидности, существовавшие в рамках исторической традиции — городовые летописи и авторские исторические произведения²⁶. Как уже было сказано выше, имеются основания считать, что в Саратове была своя городовая летопись — к этому виду повествования следует отнести так называемый «Дневник» Герасима Алексеевича Скопина, хорошо известный саратовским историкам²⁷.

Первое «Описание Саратовского наместничества» было составлено приблизительно в 1782 г., т. е. через два года после публикации указа о создании наместничества и через год после его открытия. Автором его считается саратовский губернатор И. И. Поливанов²⁸. Вероятно, в действительности оно было составлено по распоряжению губернатора в его канцелярии. Данное описание было опубликовано в месяцеслове на 1785 г., а затем переиздано в составе «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы»²⁹. Очень близким к нему по содержанию является «Краткое описание Саратовского наместничества вообще и порознь каждой округи, составляющих оное»³⁰ (около 1783 г.) Исторические сведения в названных описаниях отсутствуют.

«Топографическое и историческое описание Саратовской губернии», составленное в 1807 г. под руководством губернатора П. У. Белякова, было впервые опубликовано только в 2011 г. в Волгограде³¹. О самом факте существования этого ценного источника саратовские историки узнали в конце XIX в. Позднее его рукопись была найдена П. Г. Любомировым и использована им в одной из своих работ. Саратовскому исследователю М. В. Булычеву удалось выявить два списка данного описания, один из которых положен в основу названной выше публикации³².

---

²⁶ См.: *Севастьянова А. А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998. С. 28.

²⁷ См.: *Дневник Герасима Алексеевича Скопина // Саратовский исторический сборник.* Саратов, 1891. Т. 1. С. 1–40.

²⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. F4 68.

²⁹ См.: *Описание Саратовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы.* СПб., 1790. Ч. 6. С. 23–62.

³⁰ РГВИА Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 19017.

³¹ См.: *Топографическое и историческое описание Саратовской губернии.*

³² См.: *Клейтман А. Л.* «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» как памятник провинциальной историографии и исторический источник // *Топографическое и историческое описание Саратовской губернии.* С. 9–10.

В «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии» помещен довольно значительный комплекс информации по истории городов губернии – даты получения ими городского статуса, сведения о возникновении населенных пунктов на месте будущего города и о составе их населения.

В нем приведено содержание письменных источников, опубликованных и неопубликованных, в которых идет речь об основании городов и о важнейших событиях в их истории, а также устных преданий и вещественных памятников – остатков военных укреплений и жилищ. Причем составители описания сопоставляют имеющиеся сведения и высказывают свои суждения об их достоверности. При наличии в городе «достопамятностей», т. е. мемориальных предметов, авторы обязательно называли их и указывали, где они хранятся. Наиболее пространные исторические описания посвящены Царицыну³³, Камышину³⁴, Саратову³⁵. Очень краткие сведения имеются об Аткарске, нет исторических сведений о Кузнецке, о Хвалынске и Сердобске. Однако в материалах по Кузнецкому и Хвалынскому уездам встречаем данные о местных «древностях» (археологических объектах)³⁶. Обширная справка в «Топографическом и историческом описании» посвящена истории колоний иностранных поселенцев³⁷

А. Л. Клейтман справедливо указывает на критическое отношение авторов «Топографического и исторического описания» к рассказам старожилов, местным легендам и преданиям. «Такой подход, – пишет он, – позволил авторам избежать многих ошибок и неточностей при описании исторических событий, которые допускали местные краеведы более позднего времени»³⁸. Клейтман полагает, что данное описание можно отнести к памятникам историографии, т. к. оно «является результатом комплексного историко-географического, экономического и статистического регионально-ведческого исследования, не только содержащим массив фактиче-

---

³³ См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 73–75.

³⁴ Там же. С. 63–66.

³⁵ Там же. С. 28–30.

³⁶ Там же. С. 51–52, 94.

³⁷ Там же. С. 112–114.

³⁸ Клейтман А. Л. «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» как памятник провинциальной историографии и исторический источник. С. 15.

ского материала, но и предлагающим его авторское концептуальное осмысление»³⁹. По мнению Клейтмана, «благодаря коллективной работе губернских чиновников под руководством П. У. Беякова был создан труд, уникальный не только для региональной, но и для отечественной историографии XVIII–XIX вв. в целом»⁴⁰.

Однако суждение Клейтмана о наличии в «Топографическом и историческом описании» определенной концепции не отражает особенностей структурирования в нем материала. Использованные в этом описании данные расположены по тематическим разделам, характерным для статистических описаний и не претендующим на выстраивание концепции. Описание не подходит и под определение памятника историографии – Клейтман совершенно справедливо указал на главную его особенность, характерную для статистических описаний, а именно, на сложный состав представленных в нем сведений. В «Топографическом и историческом описании» исторический компонент не был основным, да и не мог быть таковым.

Саблуков, создавая «Очерк о внутреннем состоянии Кипчакского царства», опирался на значительный комплекс источников, как письменных, так и вещественных. Его сочинение отличается от статистического описания, прежде всего, стремлением автора создать определенную модель исторической действительности на основе интерпретации источников. Саблуков посвятил свое исследование изучению проблемы возникновения и особенностей существования государства, созданного предводителями кочевого народа на основе завоеваний. Пристальное внимание он уделяет рассмотрению традиций кочевого быта в Золотой Орде и сочетания их с реалиями жизни городов, возникших в Поволжье после завоевания.

Создавая образ социально-политического, экономического и культурного бытия населения Золотой Орды, Саблуков исходил из представлений своей эпохи о факторах, которые влияют на судьбу народа и государства. Он разделял воззрения на происхождение и роль законодательства в жизни общества, характерные для эпохи

---

³⁹ Клейтман А. Л. «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» как памятник провинциальной историографии и исторический источник. С. 17.

⁴⁰ Там же.

Просвещения. Саблуков пишет, что гражданские правила, т. е. законы «созревают в уме мудрых правителей, руководимых опытом и наукою», на них основывается «общее благо и безопасность частная». Однако то, что было ему известно об источниках права в Кипчакском царстве, привело автора очерка к заключению, что в этом государстве не было подобных «гражданских правил». Саблуков, основываясь на «приговорах властителей» Кипчакского царства, замечает, что их ум и воля находились «под влиянием народных обычаев»⁴¹. Далее он пишет, что «народные понятия о праве, заменявшие положительные правила в суде и расправе, усматриваются в нескольких случаях по делам судебным»⁴². Таким образом, автор очерка отмечает роль обычного права в качестве регулирующего фактора в жизни населения Золотой Орды.

«Исторический очерк Саратовского края» А. Ф. Леопольдова также является историческим исследованием. Содержание очерка охватывает очень длительный период – от упоминаний в трудах «греческих писателей», которые «темно намекали» о заселении скифами населения территорий, прилегающих к Волге, и до 1847 г. Тем не менее, в повествовании присутствует основополагающая мысль, которая позволяет говорить о наличии у автора определенной концепции. В каждой из глав очерка, на каждом этапе истории Саратовского Поволжья Леопольдов показывает успехи распространения православной религии и подчеркивает положительные результаты этого процесса. Таким образом, автор очерка воспринял одну из основных идей Н. М. Карамзина.

Вторым, не менее важным концептуальным моментом является идея благотворного влияния государственной власти на судьбы народов. В представлении Леопольдова история Саратовского Поволжья начинается именно тогда, когда здесь было создано государство, основанное завоевателями-монголами. «Первыми обитателями мест, занимаемых ныне Саратовскою губерниею» он называет монголо-татар⁴³. Золотая Орда и государства, образовавшиеся после ее распада, – это, по словам Леопольдова, «наши

---

⁴¹ Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань, 1895. С. 14.

⁴² Там же. С. 15.

⁴³ См.: [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова. М., 1848. С. 23.

предместники в приволжском крае»⁴⁴. Кроме наличия концепции, на исследовательский характер сочинения указывает то, что автор положил в основу своего повествования многочисленные и разнообразные источники.

Сравнение двух первых исторических исследований, посвященных прошлому Саратовского Поволжья, показывает, что более существенным вкладом в развитие исторической традиции региона является труд Саблукова. Очерк Леопольдова охватывает весьма длительный исторический период, в нем представлен обширный фактический материал по истории края. По этой причине сочинение Леопольдова в течение почти двух столетий постоянно находится в поле зрения историков-регионоведов. Однако как памятник историографии больший интерес представляет труд Саблукова. Его очерк отличает новаторский подход к выбору предмета исследования, к подбору и интерпретации источников, а также своеобразие авторской концепции.

Институционализация локальной истории являлась культурной новацией в середине XIX в. Одним из факторов, способствовавших ее становлению, была административная реформа Екатерины II, в результате которой были созданы новые губернии. В целях эффективного управления новыми административно-территориальными единицами началось изучение их природных ресурсов, хозяйственной деятельности населения и его состава. Все это фиксировалось в статистических и топографических описаниях. Выяснение событий исторического прошлого каждой из новых губерний могло послужить ключом к пониманию особенностей формирования социального и этнического состава населения, а также возможностей ее экономического развития. Поэтому исторические сведения о территориях, входивших в состав губерний, становились объектом внимания чиновников.

Однако был и другой стимул к изучению прошлого в губерниях. Существовал определенный социальный заказ – формирование региональной идентичности в каждой из них, что обретало черты местного патриотизма. Данные явления стимулировали изучение исторического прошлого территории, которая входила в состав губернии. Таким образом, и практические потребности администра-

---

⁴⁴ [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова. С. 12.

ции, и формирование общественного сознания в регионах послужили факторами развития локальной истории. Появление исторических исследований, которые демонстрировали более высокий уровень исторического знания, нежели сведения в топографических описаниях, в области культурной жизни способствовало дальнейшему формированию региональной идентичности.

С. В. Левин (Балашов)
E-mail: serg.lewin@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БАЛАШОВСКОМ ИНСТИТУТЕ (ФИЛИАЛЕ) СГУ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Аннотация. Историческое образование в нашей стране всегда было востребовано. Крупнейшим центром подготовки кадров историков был и остается Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. В начале 2000-х гг. специальность «История» открылась в Балашовском институте (филиале) университета. Рассматривая подготовку студентов-историков в Балашове, автор пришёл к выводу, что существенную помощь в становлении и последующем развитии исторического образования здесь оказали преподаватели Института истории и международных отношений СГУ.

Ключевые слова: университет, институт, история, кафедра, набор, образование, профессорско-преподавательский состав, студенты, учебный процесс.

В 2003 г. на экономическом факультете Балашовского филиала (института) Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского открылась специальность «История»¹.

Первый набор студентов-историков был осуществлен только на дневную форму обучения и составил 17 человек. На следующий год состоялся набор и на заочную форму обучения. В 2004 г. «в целях совершенствования учебно-воспитательного процесса и дальнейшей реорганизации структурных подразделений»², как значится в приказе директора филиала В. К. Кабанина от 1 октября 2004 г., студенты-историки были переданы на филологический факультет, тем самым укрепив его, поскольку набор на факультет в начале 2000-х гг. заметно снизился.

---

¹ Открыть специальность «История» руководство вуза планировало ещё в конце 1990-х гг. (см.: *Вахрушев В. С., Кабанин В. К.* Из истории Балашовского филиала Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского // *Изв. Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского* // Изв. Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Нов. сер. 2001. Т. 1, вып. 1. С. 66). В 1990-е гг. на филологическом факультете была открыта специальность «Русский язык, литература и история», но состоялись всего два набора, и специальность закрыли.

² Приказы директора Балашовского филиала по основной деятельности филиала за 2004 год. Приказ № 119 от 01.10.2004 г. // Архив Балашовского института (филиала) СГУ. Л. 166.

Кадровое обеспечение учебного процесса легло на кафедру общественных наук, переименованную в 2005 г. в кафедру истории. Она состояла наполовину из историков, наполовину – из философов. Образно говоря, костяк преподавателей-историков составили выпускники исторического факультета СГУ – С. В. Левин, Т. В. Платонова, А. А. Хреков. Заведующим кафедрой был избран кандидат исторических наук, доцент И. М. Самсонов. По мере увеличения часов исторических дисциплин к чтению курсов по ним подключились и философы. Так, историю зарубежных стран в Новейшее время стал читать выпускник МГУ, кандидат философских наук, доцент В. В. Филатов. В 2005 г. в состав кафедры влился выпускник исторического факультета СГУ А. Б. Кисельников, а после первого же выпуска студентов-историков в 2008 г. штат преподавателей кафедры пополнил выпускник А. Н. Завитаев. Количество штатных преподавателей кафедры составило 9 человек, но они не могли охватить всю учебную нагрузку. Были приглашены в качестве внешних совместителей преподаватели Балашовского высшего военного авиационного училища лётчиков: кандидат философских наук С. А. Вершилов и кандидат педагогических наук С. К. Бородин. Внешним совместителем на кафедре трудился заведующий кафедрой экономики и права, кандидат исторических наук В. В. Назаров.

Активную помощь в образовательном процессе оказывали преподаватели университета, приезжавшие в Балашов с небольшими циклами общих лекций. Думается, не будет значительным преувеличением заявить, что это были настоящие события для студентов института. С лекциями перед ними выступали доктора исторических наук, профессора В. Н. Данилов и С. А. Мезин. Коллеги из СГУ помогли и с кадровым сопровождением первого выпуска студентов-историков. Представителем головного вуза в составе ГАК стал доктор исторических наук, профессор С. А. Яковлев³.

Балашовские преподаватели-историки регулярно участвовали и участвуют в научных конференциях, проводимых Институтом истории и международных отношений СГУ, публикуются в сборниках статей, издаваемых его кафедрами, в «Известиях Саратовского университета». За последние 5 лет члены кафедры подготовили и издали методические разработки для учебных практик, 8 учебных

---

³ Приказы директора Балашовского филиала по основной деятельности филиала за 2008 год // Архив Балашовского института (филиала) СГУ. Л. 129.

пособий по истории, выпустили 4 монографии, опубликовали 29 статей в журналах из списка ВАК Минобрнауки РФ.

В 2003–2005 гг. на базе кафедры истории ежегодно проводились научные региональные конференции, посвященная памяти заместителя директора института по научной работе С. Ю. Варнаева, являвшегося выпускником истфака СГУ. По итогам этих конференций издавались сборники статей. Преподаватели кафедры также участвовали и участвуют в ежегодно проводимой Балашовским краеведческим музеем историко-краеведческой научно-практической конференции, а также в Рождественских чтениях, устраиваемых Балашовской епархией. В 2009 г. преподавателем кафедры С. В. Левиным, доктором исторических наук, профессором кафедры экономической и политической истории России (ныне кафедра истории, философии и политологии) Саратовского государственного социально-экономического университета (Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г. В. Плеханова) А. Г. Рыбковым и директором Балашовского филиала этого вуза А. Ф. Штурбабиным была проведена научная конференция «Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы» с международным участием. В ее работе приняла участие исследовательница из Голландии, а также ученые из Пензы, Саратова, Ульяновска, Тамбова, Дмитрова Московской области, Пятигорска.

Профессорско-преподавательский состав кафедры истории БИ СГУ проводит научные изыскания по следующим направлениям: мореплавание и морская торговля в античном мире (А. Б. Кисельников), удельные крестьяне в первой половине XIX в. (А. Н. Завитаев), история земской статистики (С. В. Левин).

Преподаватели кафедры истории Балашовского института (филиала) регулярно повышают свою квалификацию в Институте дополнительного профессионального образования СГУ. Преподаватель кафедры А. Б. Кисельников в 2009 г. защитил кандидатскую диссертацию, а С. В. Левин прошёл обучение в докторантуре университета и в 2015 г. успешно защитил докторскую диссертацию.

Так как в институте специальности «История» до 2003 г. не было, то на первых порах возникли трудности с обеспечением учебного процесса научной и учебно-методической литературой; в библиотеке института она попросту отсутствовала. Здесь существенную помощь оказали преподаватели исторического факультета

(Институт истории и международных отношений) СГУ. Они передали кафедре истории института сборники, издававшиеся на факультете, справочники, монографии, что позволило в значительной степени обеспечить учебный процесс литературой. В последующие годы саратовские историки продолжали оказывать помощь научно-исследовательской и учебно-методической литературой своим балашовским коллегам. Из нее составила библиотека кафедры истории. Институтская библиотека также стала заказывать в издательствах и книжных магазинах учебную литературу по истории, что увеличило общее количество книг и журналов самой библиотеки. В настоящее время ее книгофонд насчитывает 255000 экземпляров, из них – 123000 учебная литература, 82000 – научные работы и 25000 – периодические издания, а также художественная литература⁴.

Если с наличием необходимой для учебного процесса методической литературой были затруднения, то с организацией и проведением учебных практик проблем не возникло. Почти сразу же удалось организовать все необходимые практики – археологическую, музейную, архивную, педагогическую. Для них имелась необходимая материально-техническая база. Археологическая практика проходила и проходит под руководством балашовского археолога и краеведа А. А. Хрекова, который продолжает трудиться на кафедре внешним совместителем. Местом ее проведения был и остается Романовский район. Музейной практикой руководила Т. В. Платонова. Она проводилась на базе музея-усадьбы С. В. Рахманинова в Тамбовской области, а также в музеях Саратова. В настоящее время музейная практика ограничена Балашовским краеведческим музеем и музеем института, который располагается в кабинете-аудитории кафедры истории. Архивную практику студенты-историки проходили в Балашовском филиале Государственного архива Саратовской области, но после его ликвидации практику из учебной программы исключили. Руководство практикой осуществлял С. В. Левин. Педагогическая практика проводилась и проводится в местных школах, иногородним студентам разрешается проходить ее по месту жительства. Ей руководит И. М. Самсонов.

---

⁴ Вехи истории и современность: Балашовский учительский институт, Балашовский государственный педагогический институт, Балашовский филиал Саратовского государственного университета / Гл. ред. Л. Н. Киселёв. Балашов, 2003. С. 31.

Современный учебный процесс студентов-историков хорошо обеспечен техническими средствами обучения. В институте имеется компьютерная аудитория с выходом в Интернет. Две аудитории, в которых проводятся учебные занятия у историков, оборудованы мультимедийным оборудованием и экранами.

Не остаются в стороне студенты-историки и от научно-исследовательской деятельности. Они принимают активное участие в ежегодно проводимой вузом (в апреле) неделе науки. Лучшие доклады публикуются в сборнике, который издается научным отделом института. Некоторые студенты имели публикации в российских научных журналах. Так, статья М. И. Кропачева о повстанческом движении на территории Балашовского уезда в годы Гражданской войны была напечатана в журнале «Социально-гуманитарный вестник юга России», а работа М. А. Шиленко, посвященная русскому ученому-филологу, просветителю начала XIX в. – в «Трудах Саратовского областного музея краеведения».

Следует отметить, что проблем с набором на специальность «История» в балашовском вузе никогда не было. Думается, объяснение этому можно найти в географическом положении Балашовского института. Он, образно говоря, покрывает Правобережье Саратовской области; выпускники Балашовского, Романовского, Самойловского, Аркадакского, Турковского, частично Ртищевского, Калининского и даже Лысогорского районов составляли и продолжают составлять большую часть студентов института. К нему тяготеют и пограничные с Балашовским районом районы соседних Волгоградской (Руднянский, Еланский, Жирновский муниципальные образования) и Тамбовской областей (Инжавинский, Уваровский, частично Мучкапский районы). Многие выпускники школ этих районов, а также педагогического училища (ныне педагогический колледж) г. Жирновска выбирали и выбирают Балашовский институт (филиал) СГУ для получения высшего образования. География набора на заочную форму обучения гораздо обширней и охватывает территорию от Санкт-Петербурга до Приморского края.

Конкурс на специальность «История» всегда оставался и остаётся достаточно высоким. Несомненно, в этом свою роль сыграл тот факт, что выпускники получали диплом СГУ, без указания филиала, а только головного вуза. В 2016 г. состоялся первый набор сту-

дентов на специальность с двумя профилями подготовки – «История и обществознание. Учитель истории и обществознания».

Необходимо отметить, выпускники-историки Балашовского института (филиала) СГУ востребованы на современном рынке труда. Главным образом, они пополняют учительское сообщество школ города Балашова и района, а также других районов Саратовской области. Выпускник 2008 г., учитель истории и обществознания «Гимназии № 1» г. Балашова А. С. Дьячин занял первое место в финале муниципального этапа Всероссийского конкурса педагогического мастерства «Учитель года». Его однокурсник О. А. Дубовенко трудится в Правительстве Саратовской области в должности заместителя министра молодежной политики, спорта и туризма. Выпускник 2014 г. А. О. Булгаков, работающий учителем истории и обществознания муниципального общеобразовательного учреждения «Лицей» г. Балашова, стал победителем регионального и муниципального конкурса «Педагогический дебют 2015 года» и лауреатом Всероссийского конкурса «Педагогический дебют 2016 года». Деканат филологического факультета ведет учет трудоустройства выпускников-историков. Немало их трудоустроилось и трудоустраивается за пределами Саратовской области, добиваясь высоких достижений, что говорит о высоком качестве их подготовки.

Впрочем, негативные тенденции последних лет в сфере высшего образования затронули и Балашовский институт, особенно это сказалось на его кадровом потенциале. В течение последних 5 лет кафедре истории покинули пять человек. Значительно сократился и набор студентов. Если с 2005 по 2011 гг. на дневной форме обучения ежегодно обучалось более 20 человек, без договорников, то наборы за последние три года составили по 10 студентов-бюджетников и 6 коммерческих студентов набора 2015 г. и 7 – 2016 г. В настоящее время на дневной форме обучения учатся 55 студентов, на заочной форме – 71 человек⁵.

Таким образом, можно констатировать, что историческое образование в Балашовском институте (филиале) СГУ оказалось востребованным, а своим становлением и развитием во многом обязано помощи коллег головного вуза.

---

⁵ Балашовский институт. URL: <http://www.sgu.ru/structure/bisgu> (дата обращения: 22.07.2017).

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ, ОБРАЗЫ ИСТОРИИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЗАПАД ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

З. З. Кныжова (Саратов)

E-mail: knyzhova@mail.ru

ЭЛЕВСИНСКИЕ МИСТЕРИИ КАК ФАКТОР МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена интерпретации Элевсинских мистерий в качестве социально-религиозного явления, свидетельствующего об изменении мировоззрения европейской цивилизации Античности. Античные мистерии воплощали мифологическое мировоззрение, иллюстрировали миф, реконструировали пространство бытия. Элевсинские мистерии продуцировали элементы религиозного мировоззрения, которое зарождается в данный период.

Ключевые слова: Элевсинские мистерии, мистерии, античная религия, мировоззрение, мифологическое мировоззрение, религиозное мировоззрение, религиозность, Античность.

Говоря об эволюции мировоззрения человечества, принято выделять в качестве первого, онтологически оформленного – мифологическое мировоззрение, которое формируется на уровне первобытно-общинного строя и которое все еще свойственно античной цивилизации. Элевсинские мистерии зародились, по самым ранним версиям, в Минойскую эпоху, т. е. в начале II тыс. до н.э., а по знакомой всем версии, как минимум с VII в до н.э.

Мистерия – религиозный феномен, который на протяжении веков доминировал в античном Средиземноморье¹. Мистерия основывается на идее непосредственного взаимодействия и слияния с миром сакрального. Это осуществлялось посредством тайных ритуалов, церемонии, в результате которых участник обретал новый

---

¹ См.: *Cosmopoulos M. B. Bronze Age Eleusis and the origins of the Eleusinian mysteries.* Cambridge, 2015. P. 1.

статус в отношениях с богами. В Элевсинских мистериях Деметры и Персефоны человек испытывал обновление своей сущности, возобновление связи с божественным полем, природой, обществом и космосом².

Наиболее значимыми в духовной жизни Античности можно выделить Дионисийские, Самофракийские, Орфические, Элевсинские мистерии, мистерии в честь Великой матери, Аттиса, пришедшие в Аттику египетские мистерии³. Наиболее известными считаются именно Элевсинские. Онтологическое поле мира данных мистерий оказалось чуть более проработанным. Они включили ключевые элементы прочих мистерий, духовные основы оказались гораздо более глубокими. Вопросы, связанные с очищением души, надежды на вечную жизнь после смерти, выходят за пределы мифологического мировоззрения и формируют совершенно новый, по некоторым критериям, противоположный тип религиозного мировоззрения.

В основе каждой мистерии лежал миф, содержание которого корректировалось на протяжении всего периода существования культа⁴. Миф содержал тайную часть, сюжет которой раскрывался в процессе посвящения. Если обратиться к объяснению мифологического пространства с позиции социологической школы, то оно представляет миф как форму бытия⁵, включающую целостную практическую реальность и определяющую основы человеческого общества. В. Буркерт вообще выделяет мистерии⁶ в качестве самостоятельных «мистических религий». Другие формулируют понятие «религиозного мифа», которое применяется для описаний «религиозности», ибо этот термин широко используется в современной культурно-антропологической литературе при исследовании

---

² См.: Keller M. L. The Ritual Path of Initiation into the Eleusinian Mysteries // *Rosicrucian Digest*. 2009. No. 2. P. 39.

³ См.: Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного (трансперсональные состояния и психотехника). СПб., 1997. С. 110–119.

⁴ См.: Butkert W. Ancient mystery cult. Cambridge; Massachusetts; L., 1987. P. 73.

⁵ См.: Рязанова С. В. Миф в его соотношении с религиозным и светским типами мировоззрений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 124.

⁶ См.: Butkert W. Ancient mystery cult. P. 3.

процессов развития искусства, религии, культуры, мышления, причем в различных аспектах⁷.

Сюжет Элевсинских мистерий раскрывается в гимне Гомера «К Деметре», из которого мы узнаем самую известную часть этой истории – похищение Керы. Далее следует чуть менее известная часть, которая и связала мифологическое пространство и реальный мир. Страдающая Деметра, которая приходит в поисках дочери в Элевсин, встречает царя Келея, ее пребывание в Элевсине, передача агрономических знаний и навыков людям через Триптолема, и, наконец, возвращение Персефоны к матери. При этом помимо Келея в тексте упоминаются и другие действующие лица, которые получали воплощение в процессе мистерий – Керейки, Эмбулеи и Эвмолпиды. Также семьи Керейков и Эвмолпидов были теми самыми жреческими родами, контролировавшими обряд. Мистериальное действие становилось обоснованием их привилегированного положения в мире полиса. Миф легитимирует пребывание потомков Келея на жреческих должностях.

В качестве критериев отличия мифологического и религиозного мировоззрений были сформулированы следующие⁸: наличие границ онтологического пространства, антагонизм основных субъектов мифа, организация бытия, дифференциация пространства и приоритетность духовного и телесного начал.

Наличие границ онтологического пространства. Данная черта трактует мифологическое мировосприятие как объективное, где реальность наравне с мифом взаимодополняют друг друга. Мистерии, по сути, являлись пространством, объединяющим два мира. *Миф конструирует объективную реальность.* Миф сформировал символическое поле, которое находится в основе ритуала, а значит, внутреннего и прежде всего мистического духовного опыта⁹.

В случае Элевсинских мистерий появляется еще одно качество, которое выводит за пределы мифа и приближает к религии. Это

---

⁷ См.: Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. № 3. С. 27.

⁸ См.: Рязанова С. В. Миф в его соотношении с религиозным и светским типами мировоззрений. С. 124.

⁹ См.: Нам Е. В. Особенности мифологического сознания и его роль в шаманском мировоззрении (некоторые аспекты изучения) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 116.

мотив, на котором строится вся идея данных мистерий: *появление категории веры*. Человек, принимающий участие в элевсинском обряде, стремился утвердиться в мысли о неконечности жизни. Деметра, ищущая и обретающая свою дочь, – это страдания матери, у которой Аид похитил дочь. Сюжет откликнулся проекцией чувств и переживаний участников мистерий. Проводимый обряд визуализировал представления о вечности. Вечность как подземное царство Аида, из которого вернется ли Кора. *Вечность как продолжение жизни*, возвращение Кору к матери, вместе с тем, прорастание зерна и новый агрономический цикл.

Антагонизм основных субъектов мифа. Образ Плутона/Аида транслирует еще одну тенденцию, которая приближает мистериальный культ к религиозному видению мира – *это воплощение образа «злого» героя*. В нем же проявляется типично античная линия фатального «рока». Кора похищена, Деметра же по воле этого рока приходит в Элевсин. Благодаря року люди обретают знания выращивания зерна. Но Деметра не оставляет попыток перебороть фатум и вернуть дочь.

В этом моменте образ Аида/Плутона неоднозначно негативный, как можно было бы представить в религиозном ключе, где присутствует совершенно четкая коннотация о борьбе добра и зла, мира надземного и подземного.

Цицерон пишет о мистериях: «самое лучшее – те мистерии, благодаря которым мы, дикие и жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены, как говорится, к таинствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее» (*Cic. Thusc. II. XIV. 36*).

Борьба земного и подземного начала все же присутствует в сюжете. Хтонических, соответственно мифологических корней в ней, несомненно, больше. *Плутон как сила Хаоса вторгся в земной Космос*. Человек, участвующий в мистериальном обряде, полный цикл которого растягивается на полтора года, попадал на границу мира сакрального и профанного. Подобная трактовка мистериального культа иллюстрирует пограничность мировоззренческой установки.

Структура бытия. *Мифологическое мировоззрение представляет мир в незавершенном состоянии*. Космогония никогда

не завершается, она всегда происходит здесь и сейчас, поскольку конец процесса мироустройства приводит к затуханию жизни во Вселенной, ее постепенному свертыванию. Пока существует потенциально не освоенное пространство или угроза нарушения космической структуры, миф остается жизнеспособным¹⁰. В сюжете и обряде мистерий мир уже не подвергается фатальной угрозе, здесь переживания другого порядка.

Мистерия предлагала веру, посредством которой зерно (засеянное в землю) прорастет, а значит и Персефона вернется к матери. Мир уже поделен на земной и потусторонний. Аллегорическая форма, двухмерно заложенная в сюжет основного мифа, по мере развития обряда обретает довольно мощную идеологическо-религиозную нагрузку, которую сформулировал Цицерон: «поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее» (*Cic. Thusc. II. XIV. 36*).

В религиозном мировоззрении мир четко структурирован. Элевсинские мистерии также воплощали эту структуру. Сюжетное поле мистерий четко делит физическое пространство, в том числе и воплощенное в Элевсинском святилище, и временное, в котором обозначается начало и конец как в мифологическом, так и репрезентативном, обрядовом моменте. Само действие также включало три части – легомена (проговариваемое), дромена (действие, иллюстрирующее драму, в частности воссоединение Деметры и Керы) и дейкнумена (уровень, который должны были осознать сами мисты)¹¹.

Само мистерияльное действие начиналось от Элевсиниона, расположенном в Акрополе в Афинах, продвигалось по Священному пути, прибывая к своему следующему этапу у входа в Телестерион.

Пространство Элевсинского святилища в его окончательной версии сложилось к Римскому периоду. Но даже если обращаться к самым ранним постройкам данной территории, можно увидеть, как они воплощают те или иные части сюжетного поля. Наиболее древними, но сохранявшими свое функциональное назначение были Телестерион (храм Деметры, место основной тайной части обря-

---

¹⁰ Рязанова С. В. Миф в его соотношении с религиозным и светским типами мировоззрения. С. 129.

¹¹ См.: *Palinkas J. L. Eleusinian Gateways: Entrances to the Sanctuary of Demeter and Kore at Eleusis and the City Eleusinion in Athens. An Abstract of a dissertation. Emory University, Atlanta. 2008. P. 15.*

да) с Анактороном (дворцом для священства), пещера – она же храм Плутона, Каллихоронский колодец (откуда начинались ритуальные танцы, где по легенде произошла встреча Деметры с женщинами из рода Келея).

В период правления Солона сакральная плоскость получила гражданское закрепление через регламентацию празднества, например, назначение кураторов проведения мистерий. При этом данный факт не означал обмирщение ритуала, он лишь продвинул мистирию в сторону институализации, что сделало их ближе к классически религиозным обрядам.

Дифференциация пространства: земное и сакральное. В процессе же самого ритуального действия Элевсинские мистерии помещали человека из земного мира в мир сакральный. Другой стороной этого же процесса является эволюция представлений о душе, закрепляется идея внутреннего времени как времени переживания индивидом духовно значимых событий. Прокл указывает, что участники испытывали мистический страх в процессе инициации (*Procl 111.*). После инициации, эпоптеи, в процессе которой душа соединяется с телом, мисты символически смотрели сверху вниз на непосвященных, чьи души пребывали в тумане.

Религиозное мировоззрение основывается на принципе строения времени, представляет собой повествование о сотворении мира Богом, которое дает образец для земного времени¹². В случае с Элевсинскими мистериями этот момент представлен более примитивно, отрезки времени, связанные с поисками дочери, и ее возвращение на землю соответствуют сменам времен года.

Приоритетность духовного и телесного начал. Элевсинские мистерии возникли на пересечении двух элементов мифологической культуры – обрядов, посвященных божеству плодородия, от которых в сознании человека была прямая зависимость выживаемости, и презентацией мифа, где человек соприкасался с миром священного, воплощенного в образах богов, присутствующих в обряде. Постепенно идейная часть усложнялась, и уже в классический период античности Платон в своих работах дифференцирует мирское и священные пространства мистерий и задает определенную иерархию, где духовная часть ставится на ступень

---

¹² Рязанова С. В. Миф в его соотношении с религиозным и светским типами мировоззрения. С. 129.

выше. «Принять участие в мистериях стремятся только чистые душой» (*Plat. Phaed.*; 250–251). Эмоциональный пласт мистерий имеет природу высшего порядка, не животную, примитивную. Софокл в драме «Эдип в Колоне» указывает на «вечных тайн пестуют людям цвет святой могучие богини» и предостерегает от разглашения даже самым близким (*Soph. Oid. K.*; 1050, 1520).

Плутарх еще спустя пару столетий продолжает развивать классически религиозную мысль о *превосходстве души над телесным миром*. Плутарх подробно раскрывает мистическое значение Элевсинских мистерий (*Plu. Frag.* 28). Ощущения сводятся к иррациональному и аффективному свойствам, а в основе мистерияльной драмы фигурируют душа, разум и тело. Каждый субъект образует аллегорическую пару – земля (тело), луна (душа), солнце (разум). Земля – сфера Деметры, а луна – Персефоны. Деметра отделяет душу от тела, а Персефона разум от души. Души расплачиваются за прегрешения, находясь у Аида. Вот этими душами и являются мисты, испытывающие радость, заблуждение, волнение. Риторику о роли тела, души и разума продолжает Плотин в «Эннеадах» (*Plot. IV-27, 28*), где Деметра – воплощение божественной природы, а душа и ум наиболее подвергаются воздействию божественного начала.

Тем не менее, Элевсинские мистерии продолжали оставаться в рамках мифологического мировоззрения со всеми традиционными ему свойствами. Это используемая атрибутика в обряде, которая воплощала единство духовного и материального, мифологические персонажи, которые сохранились в виде символических изображений и образов, но не получившие «мирского» воплощения – Триптолем, Иакх, Эвбулей. Их образы часто накладываются друг на друга, в материальных источниках, вазописи, барельефах они порой едва идентифицируемы, что указывает на не проработку четких различий между ними. Это отсутствие свободы выбора, где мисты являются ведомыми в обряде, элевсинский сюжет не предполагал иллюстрацию выбора. Это и сюжетная сторона, которая воплотила первичный сюжет о матери-земле, благодаря которой человеческое общество существует, предлагает версию появления земледельческих навыков. Также это наличие нескольких версий мифа, отсутствие канонического текста, версия Гомера лишь самая распространенная.

Таким образом, Элевсинские мистерии являлись одним из наиболее ярких примеров мифологического сознания. Просуществовав на протяжении двух тысяч лет, в период классической античности мы видим активный процесс осмысления мистериального действия. Множество философов обращались к экзистенциальным, этическим вопросам через связь с элевсинским обрядом. Исключительно мифические образы трактуются уже не буквально, а с более глубокими смыслами. По мере развития античной цивилизации, особенно на примере репрезентации мистерий в литературе, можно увидеть, как усложняются темы, в которых фигурируют Элевсинские мистерии.

Масштабность привлечения людей к участию в Элевсинских мистериях росла, их значимость можно оценить в том числе по тому, как гражданские власти организовывали обустройство святилища. Наиболее масштабные, имиджевые, постройки созданы в период имперского Рима, во времена кризиса религиозности античной цивилизации. Люди в поисках новых смыслов своего существования стремились принять участие в мистериях, порой не единожды. В подобном взаимодействии элевсинского ритуала и трансформации мировоззренческих установок мы наблюдаем формирование религиозного мировоззрения западного мира. Элевсинские мистерии ознаменовали переход от мифологического мировоззрения к мировоззрению религиозному. Новая космология, предлагаемый взгляд на человека с учетом изменяющейся социально-политической ситуации, призывали людей к переосмыслению существования.

А. Н. Галямичев (Саратов)

E-mail: galyamichev57@mail.ru

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ТРОПИНОК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (ЭПИЗОД ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ И. И. ШИШКИНА)

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства создания картины И. И. Шишкина «Тевтобургский лес» и предпринимается попытка выявить связь появления этой работы с преданиями о битве в Тевтобургском лесу в исторической памяти немецкого народа и ее отражении в художественном творчестве.

Ключевые слова: И. И. Шишкин, битва в Тевтобургском лесу, Дюссельдорфская школа живописи.

Отправной точкой на пути к написанию данной статьи стал интерес, пробудившийся у меня при первом знакомстве с одним из ранних шедевров Ивана Ивановича Шишкина: непревзойденный мастер пейзажа, певец русской природы написал в 1865 г. картину «Тевтобургский лес», которая хранится ныне в Государственном Русском музее.

Речь идет о том самом Тевтобургском лесе, с которым связана яркая страница истории Европы рубежа Античности и Средних веков: в 9 г. н. э. древние германцы, возглавляемые вождем племени херусков Арминием, одержали здесь первую в истории победу над римлянами.

Каким же образом пересеклись судьбы русского художника и Тевтобургского леса? Поиск ответа на этот вопрос дает возможность перелистать несколько интересных страниц прошлого.

Отметим сразу: Иван Иванович Шишкин никогда не являлся поклонником германской старины. Сердце художника всегда и всецело принадлежало России. Тем не менее, историческая память о битве в Тевтобургском лесу в определенной степени причастна к созданию картины.

Полотно было создано Шишкиным во время заграничной командировки, в которую художник отправился в 1862 г. Подобно другим выпускникам Академии художеств, награждавшимся при

выпуске золотой медалью, Шишкин получил возможность за счет казны в течение шести лет совершенствовать свое мастерство за границей.

Западная Европа не произвела особого впечатления на молодого русского художника¹. Он побывал в Берлине, Праге, Мюнхене, путешествовал по Швейцарии, жил в Цюрихе, а весной 1865 г. обосновался в Дюссельдорфе – небольшом тогда городе, расположенном возле знаменитого Тевтобургского леса.

Здесь художник работал с наибольшим воодушевлением за все время своей заграничной командировки², а за написанную здесь картину «Вид в окрестностях Дюссельдорфа», запечатлевшую широкую панораму Тевтобургского леса, Шишкину было присвоено звание академика³.

Художник задержался в Дюссельдорфе по ряду причин. Конечно, овеянное легендами историческое прошлое Тевтобургского леса было ему известно⁴. Однако более важную роль сыграли иного рода обстоятельства. Во-первых, здесь обосновалось несколько русских художников (в том числе – Л. Л. Каменев), с которыми можно было общаться на родном языке и обсуждать волнующие русских людей вопросы жизни и творчества. Во-вторых, лесные пейзажи окрестностей Дюссельдорфа и уголков Тевтобургского леса в какой-то мере напоминали Родину⁵.

---

¹ В этой связи уместно привести строки из письма И. И. Шишкина И. В. Волковскому от 24 (12) января 1864 г., отправленного из Цюриха: «Я теперь здесь почти умираю от хандры, от безнадежности что-то сделать, просто беда!! Картина моя <...> ещё не кончена, и лень, и полное отвращение мешает за неё приняться, что называется, в полном безнадежном разочаровании, так это всё гадко. Я, кажется, уже умер для искусства» (Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике. Л., 1984. С. 85–86).

² Как отмечают исследователи творчества И. И. Шишкина, во время пребывания в Дюссельдорфе художником было сделано больше, чем за всё предшествующее время заграничной командировки. См.: *Пикулев И.* Иван Иванович Шишкин. 1832–1898. М., 1955. С. 75; *Анисов Л.* Шишкин. М., 1991. С. 161.

³ См.: *Китаева Л.* Иван Иванович Шишкин. М., 2006. С. 38.

⁴ Во всяком случае русский художник Л. Л. Каменев, поселившийся в Дюссельдорфе до прибытия туда Шишкина, писал ему в конце апреля 1864 г.: «Я остаюсь на лето около Дюссельдорфа, вероятно прежде в Касселе в Тевтобургском лесу, где Арминий разбил Вара» (*Каменев Л.Л.* Письмо И.И. Шишкину от 31 (так в оригинале) апреля 1864 г. // Иван Иванович Шишкин. Переписка. С. 100).

⁵ «... перебрался в Дюссельдорф и оттуда ездил часа за 4 от Дюссельдорфа, там были из наших Каменев московский и Дюккер, можно было бы работать. Места очень хорошие» (*Шишкин И. И.* Письмо И.В. Волковскому от 2 мая 1864 г. // Иван Иванович Шишкин. Переписка. С. 102).

Нельзя забывать и о том, что Дюссельдорф являлся в середине XIX в. подлинной столицей немецкой живописи, причем соседство Тевтобургского леса сыграло при этом едва ли не решающую роль.

В 1819 г. существовавшая в городе с 1773 г. Академия живописи, архитектуры и скульптуры была преобразована в Прусскую королевскую Академию художеств. В стенах последней в течение нескольких ближайших десятилетий выросла и расцвела дюссельдорфская художественная школа – одна из наиболее влиятельных в европейской живописи первой половины – середины XIX в.⁶

Основание в Дюссельдорфе Академии художеств было важным слагаемым политики прусских королей, которые получили по решениям Венского конгресса ряд территорий в Рейнской области, объединённых в 1822 г. в рамках вновь созданной Рейнской провинции.

Приобретение рейнских владений прусские правители рассматривали как прелюдию грядущего объединения Германии под эгидой Пруссии. Свои далеко идущие планы они стремились подкрепить неординарными предприятиями в сфере духовной культуры. Наиболее ярким примером этого рода стали развернувшиеся с середины 1840-х гг. работы по завершению начатого еще в XIII в. и остановленного в эпоху Реформации строительства Кёльнского собора в соответствии с обнаруженным Сульпицием Буассере первоначальным проектом этого выдающегося памятника архитектуры немецкого Средневековья.

Ту же цель преследовало и основание королевской Академии художеств на краю Тевтобургского леса, ибо именно Тевтобургскую битву в первые десятилетия XIX в. было принято рассматривать в качестве исходной точки истории Германии.

Эти представления складывались в течение столетий⁷. У истоков прославления Арминия как идеального национального героя стоят произведения знаменитого немецкого гуманиста Ульриха фон Гуттена, а его немецкое имя – Герман – впервые появилось в первом издании «Застольных речей» Мартина Лютера.

---

⁶ См.: *Hütt W.* Die Düsseldorfer Malerschule. 1819–1869. Leipzig, 1964.

⁷ См.: *Заиченко О. В.* Битва в Тевтобургском лесу от Clades Variana до Hermannsschlacht: Конструирование национального мифа // Диалог со временем. М., 2016. Вып. 56. С. 95–125.

Образ Арминия (Германа) занимал видное место в художественной культуре Германии, постоянно обогащаясь новыми красками и гранями⁸.

Важнейшими вехами в развитии образа стали исторический роман «Арминий и Туснельда» писателя эпохи барокко Даниэля Каспера фон Лоэнштейна, драма выдающегося писателя эпохи Просвещения Иоганна Элиаса Шлегеля «Герман», трилогия Фридриха Готтлиба Клопштока о битве в Тевтобургском лесу.

В тесной связи с литературой образ Арминия и Тевтобургской битвы находил отражение в немецкой живописи. Многофигурное полотно художника XVII в. Якоба фон Зандрарта «Арминий и Туснельда» создавалось по мотивам одноименного романа Лоэнштейна. Историческая картина «Герман» работы Иоганна Генриха Тишбейна Старшего была написана под впечатлением от трагедии Шлегеля. Известная немецкая художница второй половины XVIII – начала XIX в. Ангелика Кауфман (1741–1807) написала серию картин, изображающих сцены из пьесы Клопштока «Битва Германа».

Особое значение образ Арминия (Германа) приобрел в начале XIX в., когда после сокрушительных поражений Пруссии и Австрии он превратился в символ надежды на освобождение Германии от наполеоновского господства, а сама битва в Тевтобургском лесу, победа в которой была одержана благодаря нескольким внезапным нападениям германцев на римское войско в лесных чащобах и болотах, представлялась прообразом тактики ведения освободительной войны.

Огромную популярность приобрела написанная в 1809 г. под впечатлением рассказов о партизанской войне испанского народа драма Генриха фон Клейста «Битва Германа», которая в духе поэтики романтизма воссоздавала переживания победителя римлян, осмелившегося бросить вызов жестокому противнику, который подчинил множество стран и народов, оставаясь непобедимым в течение нескольких столетий⁹.

---

⁸ См.: Заиченко О. В. Битва в Тевтобургском лесу от Clades Variiana до Hermannsschlacht: Конструирование национального мифа. С. 116–118.

⁹ См.: Кантор М. Битва Арминия. URL: <http://www.peremeny.ru/column/view/1387/> (дата обращения: 27. 06. 2017).

С мотивами драмы фон Клейста перекликался замысел полотна виднейшего представителя немецкого романтизма в живописи Давида Каспара Фридриха «Могила Арминия» (1813)¹⁰.

Основание Академии художеств в Дюссельдорфе предполагало дальнейшее развитие традиций исторического жанра в немецкой живописи в овеянном вековой славой месте. Эти надежды в значительной мере оправдались.

Между тем высшим достижением творческих исканий дюссельдорфской художественной школы принято считать пейзажную живопись. Развитие пейзажного жанра нельзя в данном случае полностью отрывать от исторической живописи. Под таинственной сенью Тевтобургского леса немецкие художники-романтики искали истоки неподвластного разуму народного духа¹¹, который, с точки зрения историков эпохи романтизма, являлся путеводной нитью исторического прошлого, настоящего и будущего немецкого народа.

Учиться искусству пейзажа приезжали в Дюссельдорф в середине XIX в. представители творческой молодежи самых разных стран. Принято считать, что наибольшее воздействие дюссельдорфская школа оказала на североамериканскую живопись: ее последователи основали в США так называемую школу реки Гудзон, ставшую значительным явлением в истории художественной культуры второй половины XIX в. Определенное влияние достижения представителей дюссельдорфской школы оказали и на формирование творческого почерка Шишкина – выдающегося русского пейзажиста¹².

---

¹⁰ См.: Всеобщая история искусств: В 6 т. Т. 5: Искусство XIX века. М., 1964. С. 104. URL: <http://www.rulit.me/books/vseobshchaya-istoriya-iskusstv-v-shesti-tomah-tom-5-s-illyustratsiyami-read-347245-1.html> (дата обращения: 27.06.2017).

¹¹ Такие воззрения обосновывали немецкие историки того времени — представители историко-географической школы К. Риттера (См.: *Косминский Е. А.* Историография средних веков (V в. – середина XIX в.). М., 1963. С. 359–361).

¹² Как отмечает И. Н. Шувалова, «Дюссельдорфская школа живописи, где одним из ведущих жанров являлся пейзаж, переживала в середине XIX в. пору расцвета. Тесно связанная с академическими традициями, она в то же время обнаруживала явное тяготение к реализму. Понятно поэтому желание многих русских пенсионеров-пейзажистов побывать в Дюссельдорфе. Шишкин, озабоченный прежде всего повышением профессионального мастерства, отправился сюда еще и потому, что творчество ряда художников дюссельдорфской школы считалось своего рода эталоном в Академии» (*Шувалова И. Н.* Иван Иванович Шишкин. Л., 1990. URL: <http://i-shishkin.ru/books/item/fo0/so0/z0000001/st003.shtml> (дата обращения: 27.06.2017)).

В качестве завершающего штриха поделюсь размышлениями, возникшими при знакомстве с историей создания Шишкиным знаменитого полотна «Среди долины ровныя...», написанной по мотивам народной песни, сложенной на стихи поэта А. Ф. Мерлякова.

Неоднократно высказывалось мнение, что возвышающийся среди бескрайних степных просторов Восточно-Европейской равнины одинокий дуб перекочевал на полотно из этюдов, некогда сделанных художником в Тевтобургском лесу¹³. Замысловатая история создания картины еще раз напоминает о сложных перекрестках судеб людей и народов: перенесенный из Тевтобургского леса кистью русского художника дуб напоминает о событиях тысячелетней давности, когда нашедшие временное пристанище в степях Восточной Европы древнегерманские племена были здесь вовлечены в головокружительный вихрь эпохи Великого переселения народов.

---

¹³ См.: *Шён Т.* Путешествие в пейзаж. URL.: <http://mydusseldorf.com/dusseldorf/shishkin-landscape> (дата обращения: 27.06.2017); История одной картины. Среди долины ровныя. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/1726655/post106963266/> (дата обращения: 27.06.2017).

Л. Н. Чернова (Саратов)
E-mail: larisachernova@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИИ XIV ВЕКА В «КАРТУЛЯРИЯХ» ЛОНДОНСКИХ КУПЦОВ

Аннотация. В статье анализируются «Картулярии» лондонских купцов в контексте социальных процессов и явлений, характерных для Англии XIV в. Автор показывает, что в грамотах, имеющих отношение к деятельности торговцев предметами роскоши Адама Фрэнси и Джона Пайела, нашли отражение важные социальные изменения, происходившие под воздействием товарно-денежных отношений и рыночной конъюнктуры, Столетней войны и «Черной смерти»: социальная мобильность, укрепление национального купечества, формирование ранних джентри, ухудшение положения «старого дворянства».

Ключевые слова: Англия XIV в., Лондон, купечество, торговля, финансирование короны, кредитные операции, землевладение купцов, джентри, «Черная смерть», Столетняя война.

XIV столетие, особенно вторая его половина, стало временем, давшим начало «сейсмическим» сдвигам в базовых основах жизни Англии (как и Европы в целом), которые происходили, в частности, «на фоне расширения рыночных обменов, формирования механизмов кредита и денежного обращения, увеличения населения городов и их политической роли, развития обслуживающих отраслей, не связанных с сельским хозяйством»¹, а также перемен в духовном мире людей, их отношении к окружающей действительности.

В истории Англии и Лондона это был очень непростой период: политические неурядицы – уход харизматичного Эдуарда III (1327–1377), которого современники постоянно сравнивали с легендарным королем Артуром, и неоднозначное правление Ричарда II (1377–1399), деспотичного, расточительного и легко поддающегося влиянию; интриги королевского окружения, борьба группировок; религиозное брожение и широкое движение за реформу церкви

---

¹ Юсим М. А. Западная Европа в позднее Средневековье. Англия // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2012. С. 725.

(лолларды), во главе которого в середине 1370-х гг. стал профессор Оксфордского университета, теолог и философ Джон Уиклиф (1320–1384); социальные и политические потрясения, крупнейшими из которых стали крестьянская война под предводительством У. Тайлера и Столетняя война с Францией (1337–1453), в ходе которой, с середины 70-х гг. XIV в., англичане столкнулись с серьезными проблемами².

А в 1348–1349 гг. на Англию, как и на всю Европу, обрушилась эпидемия чумы – «Черная смерть», которая привела к ухудшению демографической ситуации³ и имела далеко идущие социальные последствия⁴. Среди них отметим хотя бы начало процесса сокращения пахотных земель и их обращения в пастбища, а также ясно обозначившийся упадок так называемого «старого дворянства» и рост джентри за счет разбогатевших крестьян и горожан в условиях открытости английского рыцарства.

В целом, это было время, «когда переплеталось то, что тянуло назад к средневековью, и то, что вело вперед к новому времени, порождая неожиданные явления в различных сферах жизни»⁵. Однако новые структуры создавали люди, в первую очередь, наиболее активные и предприимчивые. Поэтому исторический транзит должен рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание истории «снизу», людьми, потребности и мотивации которых так-

---

² Юсим М. А. Западная Европа в позднее Средневековье. Англия. С. 753, а также см.: Kowalski M. Warfare, Shipping, and Crown Patronage: The Economic Impact of the Hundred Years War on the English Port Towns // Money, Markets and Trade in Late Medieval Europe: Essays in Honour of John H. A. Munro / eds. by L. Armstrong, I. Elbl, M. Elbl. Leiden, 2007. P. 233–256; Jones D. Summer of Blood: The Peasants' Revolt of 1381. L., 2010.

³ Вместо 5 млн человек в первой половине XIV в., в начале XV в. население Англии насчитывало 3 млн человек.

⁴ За полвека исчезло несколько сотен сельских поселений, резко сократилось число держателей всех статусов; почти во всех манорах произошло увеличение домена за счет выморочных крестьянских держаний, что приводило к сокращению доходов от ренты; к середине XIV в. сформировались предпосылки для упадка домениального хозяйства и распространения на маноре арендных отношений. Аренда развивалась не только на земле домена, но и на землях держателей. В аренду могли сдаваться небольшие участки в несколько акров и целые маноры. В последнем случае арендатор вместе с землей получал и сеньориальные права лорда. Разнообразны были и сроки аренды: от краткосрочной (на год) до продолжительной, наследственной (сроком на 99 лет).

⁵ Мосолкина Т. В. Основные проблемы истории английского города XIV–XV вв. // Новая и новейшая история. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 31. См. также: Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб., 2017. С. 137.

же подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и одновременно оказывают влияние на облик будущего общества.

Как раз горожане, в первую очередь купцы, и были активными творцами новой жизни, благодаря своей пассионарности расширяли и меняли границы, формы и масштабы торговли, денежных операций и предпринимательства, создавали условия для наступления новационной эпохи, оказываясь в эпицентре трансформаций, глубоко переживая происходящее, так или иначе приспособившись к вызовам времени, формулируя новые запросы, вырабатывая, чаще – неосознанно, подспудно – новые социальные и ценностные установки⁶.

В центре статьи – два богатейших и влиятельных купца Лондона второй половины XIV в., входивших в состав ливрейной компании торговцев предметами роскоши и принадлежавших к числу городской правящей элиты: Адам Фрэнси⁷ и Джон Пайел⁸, с именами которых связаны сохранившиеся до нашего времени, что само по себе – большая редкость, картулярии⁹. Это сборники актов и

---

⁶ См.: *Киясов С. Е., Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н.* Лондон на рубеже эпох: мозаика повседневности (XVI – XVIII вв.): Монография. Саратов, 2015. С. 4–5; *Чернова Л. Н.* Силуэты на фоне эпохи: горожане и горожанки Лондона XIV–XVI веков: Монография. Saarbrücken, 2016. С. 3.

⁷ Был олдерменом 1352–1375 гг., дважды избирался мэром Лондона за период 1352–1354 гг., выполнял обязанности сборщика пошлин в Лондонском порту (1368 г.) и городского аудитора (1373 г.), представлял интересы английской столицы на шести парламентских сессиях. См.: *Beaven A. B.* Aldermen of the City of London: in 2 vols. Vol. 1. L., 1908. P. 387.

⁸ Избирался олдерменом в 1369–1382 гг., шерифом в 1370–1371 гг., мэром Лондона в 1372–1373 гг. См.: *Folios ccxxxi–ccxxxvi: Lists of mayors and sheriffs, temp. Richard I to Edward VI // Calendar of Letter-Books of the City of London: F. 1337–1352 / Ed. by R. R. Sharpe.* L., 1904. P. 276–303. URL: <http://www.british-history.ac.uk/london-letter-books/volf/pp276-303> (дата обращения: 23.03.2015); *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Chicago, 1948. Appendix. P. 353; *Barron C. M.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2005. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 333.

⁹ См.: *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S. J. O'Connor.* L., 1993. Camden fifth series. Vol. 2. Применительно к истории Лондона (как и английского города в целом) эпохи Средневековья обнаружение такого рода источников, в силу относительно низкой сохранности архивных материалов из-за частых пожаров, – большая удача для исследователей. Хотя, по признанию С. О'Коннора, картулярии были весьма популярны среди богатых горожан, стремившихся приобрести земли и повысить свой социальный статус. Цель создания таких сборников состояла в том, чтобы собрать воедино копии важнейших документов о владельческих правах, поскольку их оригиналы в нужный момент могли оказаться недоступными по разным причинам: привлечения в судебных разбирательствах, порчи или утраты. См.: *O'Connor S. J.* The Cartularies: the Cartulary tradition // *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys.* P. 75, 77.

грамот, касающихся преимущественно владельческих прав этих купцов на земли, находившиеся в столице и в графствах Англии (Эссексе, Миддлсексе и Нортхемптоншире), но также содержащих информацию о торговле и кредитно-финансовой сфере их деятельности¹⁰.

Мы попытались проанализировать картулярии с точки зрения того, какие социальные реалии Англии 1340-х гг. и до конца XIV столетия в них отразились.

Первое, на что следует обратить внимание. Оба наших героя не были лондонцами по рождению и не являлись первенцами в своих семьях. Адам Фрэнси появился на свет около 1315 г., скорее всего, в семье мелких землевладельцев одного из селений Йоркшира и был в лучшем случае третьим сыном. Джон Пайел родился в 1314 или 1319 г. в Итлинборо в Нортхемптоншире¹¹. Его дальние

---

¹⁰ Рукопись картулярия Адама Фрэнси была обнаружена в начале XVII в. в архиве Роберта Сесила, первого герцога Солсбери. Этот архив не представляет единого комплекса. Одна его часть хранится в Хэтфилде, другая – в Государственном Архиве Великобритании, третья – в Британской библиотеке, четвертая, самая обширная часть коллекции, находится в архиве Вестминстерского Аббатства. По всей видимости, рукопись перешла к Сесилам вместе с манором Эдмонтон (в Миддлсексе), который был конфискован короной после известных событий 1485 г., а в конце XVI в. приобретен Уильямом Сесилом, лордом Берли.

Создание картулярия было начато в 1362 г., когда Адам Фрэнси приобрел манор Эдмонтон, а завершено в 1369 г. Манускрипт состоит из 112 пергаменных свитков, написанных на латинском и французском языках, содержит 1286 актов и грамот периода 1285–1369 гг. (В переводе на английский язык все они опубликованы Стивом О'Коннором. См.: *Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys*. P. 193–433). Картулярий имеет четкую структуру: содержащиеся в нем документы сгруппированы по хронологическому и топографическому (с описанием владений в конкретных манорах) принципам.

Рукопись картулярия Джона Пайела с 1684 г. является частью обширной коллекции манускриптов College of Arms и представляет собой 120 бумажных свитков, содержащих 255 актов и грамот за период 1348–1369 гг., написанных на латыни и французском языке. (Все они также в переводе на английский язык представлены в публикации С. О'Коннора. См.: *Calendar of the Cartulary of John Pyel // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys*. P. 101–192.) Первые 17 свитков касаются собственности в Лондоне, приобретенной Джоном Пайелом совместно с Адамом Фрэнси; остальные связаны с владениями Пайела в Нортхемптоне. В отличие от картулярия Адама Фрэнси этот памятник полностью не систематизирован. Содержащийся в нем материал сгруппирован только хронологически, в остальном же его структура довольно хаотична.

¹¹ Несмотря на незначительные размеры, Итлинборо находился на главном торговом пути из Нортхемптона в Питерборо с выходом к порту Кингз Линн и служил важным пунктом при транспортировке выделанной кожи и шерсти. Манор Итлинборо, состоявший в 1321 г. из усадьбы, ветряной мельницы, 70 акров пашни, 21 акра луговых земель, а также пастбищ, являлся держанием аббатства Питерборо. Семь свободных держателей, 23 держателя по обычаю и 15 коттеров этого манора приносили аббатству доход в 18 ф. 12 ш. в год. Общий рентный доход в начале XIV в. составлял в

предки происходили из числа зависимых людей аббатства Питерборо и сумели существенно подняться по социальной лестнице, став к концу XIII в. зажиточными крестьянами¹². По крайней мере, у Джона был старший брат Генри, знаток канонического и гражданского права, обучавшийся в Оксфорде (умер в апреле 1379 г. и похоронен в Итлинборо).

В любом случае, и Адаму, и Джону предстояло попытаться счастья в городе. Наибольшие возможности для этого предоставлял, конечно же, Лондон и, особенно, его знаменитая компания торговцев предметами роскоши (*mercens*), куда стремились попасть выходцы из графств и в составе которой оказались наши персонажи.

Второе. Дальнейшая коммерческая деятельность Адама и Джона была связана с лондонской компанией торговцев предметами роскоши¹³, широко представленной на рынках городов Фландрии, Франции, Германских земель, Италии¹⁴. Закономерно, что основу торговой деятельности Фрэнси и Пайела составлял экспорт шерсти¹⁵. Важно, что с середины XIV в. окрепшие английские купцы смогли захватить большую часть торговли этим видом английских товаров, потеснив итальянцев¹⁶.

---

37 ф. 16 ш. 4 ³/₄ п. ежегодно (см.: *O'Connor S.J.* Biographical background: John Pyel // *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys*. P. 24).

¹² См.: *O'Connor S.J.* Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London // *Trade, devotion and governance. Papers in later medieval history* / Ed. by D. Clayton, R. Davies and P. McNiven. Stroud, 1994. P. 20. Еще в 1285–1289 гг. дед Джона Пайела – тоже Джон Пайел – приобрел здесь усадьбу, землю и другие постройки. См.: *O'Connor S.J.* Biographical background: John Pyel. P. 22–24.

¹³ Основу деятельности мерсеров составляли оптовые поставки и реализация дорогостоящих бархатных и шелковых тканей, кроме того, они торговали шерстяными, льняными и хлопчатобумажными тканями, шелковыми и льняными нитями, ювелирными изделиями, вином, рыболовными сетями и пр.

¹⁴ См.: *Чернова Л. Н.* Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов, 2005. С. 213–214.

¹⁵ См.: *McKisack M.* The Fourteenth Century. 1307–1399. Oxford, 1959. P. 350.

¹⁶ См.: *Childs W.* The English export trade in cloth in the fourteenth century // *Progress and problems in Medieval England: Essays in honour of Edward Miller* / Ed. by R. Britnell and J. Hather. Cambridge, 1996. P. 136–137. Подсчитано, если в 1273 г. на долю английских купцов приходилось немногим более трети экспорта шерсти, то в 1362–1368 гг. – в среднем ежегодно до 71% (см.: *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии. М., 1979. С. 43). Необходимо отметить, что столкновение экономических интересов лондонских и итальянских купцов еще долго давало о себе знать, приводя подчас к острым конфликтам. Приведем лишь один пример. 8 октября 1359 г. мэром Лондона, шерифами и 12 присяжными было проведено расследование относительно «преступников и нарушителей мира, которые с завистливой дерзостью и злобой злонамеренно совершили ужасную драку...». Как выяснилось, три

Особо прочные контакты Адам Фрэнси установил с фландрскими городами. Еще в 1339 г. он отправился в Брюгге, где по торговым делам провел несколько лет. В 1365–1366 гг. Адам экспортировал туда крупную партию шерсти общей стоимостью в 1 тыс. 217 ф. 19 ш. 1½ п.¹⁷ Торговый корабль «Ла Лоуренс», принадлежавший Адаму и Саймону Фрэнси, регулярно курсировал между Слейсом и Ньюкаслем, Слейсом и Лондоном, перевозя сельдь, вайду и шерсть. Торговал Адам также с Ганзейскими городами и Италией, откуда импортировал самые разнообразные товары¹⁸.

Джон Пайел совместно с Адамом Фрэнси, по меньшей мере, с 1350 г. закупал шерсть в аббатстве Салби в Нортхемптоншире¹⁹. Причем делал это при помощи своих агентов-факторов, что свидетельствует не только о масштабах деятельности конкретных лондонцев в графстве, но и об организации самой торговли. Торговые агенты Джона действовали также в Хантингдоне и Честере²⁰. Известно также, что он занимался поставками в Лондон продуктов питания и товаров повседневного спроса, главным образом, из Восточного Мидленда и Сассекса²¹.

Джон был владельцем нескольких кораблей, что позволяло ему торговать не только на английских, но и иноземных рынках. В

торговца тканями (Генри Форестер, Томас де Мелдоун и Джон Мелевард) совершили «по умысленной злобе силой оружия» нападение на Франческо Боучело и Раймунда Флэми, ломбардцев, в районе Коулман-стрит, «ранили, избili и навредили им...» (Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth Centuries / Ed. by H. Riley. L., 1868. P. 302–303. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 23.03.2015)).

Уже в 1332 г. через порт Лондона проходило более 32% всего экспорта шерсти, и почти половина экспорта находилась непосредственно в руках лондонских купцов. К концу XIV столетия около 30% английской шерсти и 50% сукна экспортировалось из Лондона, а с 40% вин и 50% других ввозимых товаров взимались таможенные пошлины в столичном порту. См.: An Historical Geography of England. Cambridge, 1951. P. 249; *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии. С. 46; *Barron С.М.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. P. 101.

¹⁷ См.: *O'Connor S. J.* Biographical background: Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 8.

¹⁸ Ibid. P. 6–7.

¹⁹ См.: *O'Connor S. J.* Biographical background: John Pyel. P. 7. Аббатство Салби находилось на западе графства Нортхемптоншир, почти на границе с Лестерширом. Оно было основано в XIII в. и владело более чем 1500 акров земли. Аббатству принадлежали также некоторые земли и церкви в Итлинборо. В период Реформации и секуляризации церковных и монастырских имуществ владения аббатства Салби были оценены в 305 ф. 8 ш. 5 п. До середины XIV в. здесь преобладали итальянцы, скупавшие шерсть.

²⁰ *O'Connor S. J.* Biographical background: John Pyel. P. 28.

²¹ Ibid. P. 28–29.

частности, он экспортировал сукно, одежду и другие товары в Бордо, Лиссабон и Испанию²². Видимо, не последнюю роль в установлении торговых связей Пайела с Испанией сыграло его путешествие в 1363 г. в Сантьяго-де-Компостела²³ – один из важнейших центров христианского паломничества и экономически наиболее развитый город²⁴.

Третье. Участие Адама Фрэнси и Джона Пайела в наиболее выгодных отраслях торговли (шерстью, продуктами питания, предметами повседневного спроса и пр.) способствовало их обогащению, ускоряло рост состояний. И, располагая немалыми денежными средствами, эти купцы осваивали еще одну сферу деятельности – кредитно-финансовую²⁵. По самым приблизительным подсчетам, за период 1343–1373 гг. Адам Фрэнси использовал на предоставление кредитов более 3 тыс. ф.: долги ему признавали представители аристократии и рыцарства из Корнуолла, Восточного Мидленда и Бретани, а также горожане Лондона, в том числе олдермены.

Джон Пайел некоторые из кредитных операций осуществил совместно с Адамом Фрэнси²⁶. Но главное – эти купцы активно субсидировали корону, что отражает изменение роли национального

---

²² *O'Connor S. J. Biographical background: John Pyel. P. 28–29.*

²³ См.: *O'Connor S. J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London. P. 27–28.*

²⁴ Сантьяго-де-Компостела был заветной целью бесчисленных набожных паломников, стекавшихся сюда со всей Европы. Здесь находился один из известнейших в Европе монастырей, где в IX в. якобы открылись мощи святого Иакова Старшего. Город считался (и сегодня считается) третьим после Рима и Иерусалима центром христианства. Большую роль в его развитии сыграла дорога, ведущая сюда из Франции, а также близость столиц – Леона, Овьедо, Бургоса, что, безусловно, привлекало сюда и паломников, и деловых людей.

²⁵ Появление и интенсивное развитие различных видов кредита явилось одним из следствий развития товарного производства в городе. Это был товарный кредит, когда товары продавались, а оплата их предполагалась в течение более или менее длительного срока, а также авансирование под товары, или фактически денежный кредит. Оформляется также коммерческий кредит, включавший в себя и денежный, и товарный кредит и позволявший ускорить реализацию товаров и весь процесс оборота капитала (см.: *Яброва М. М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV–XV вв. // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 39–50.*)

²⁶ В частности, 20 октября 1352 г. они выступили кредиторами Уильяма, сына рыцаря Джона де Ностофта, предоставив ему 40 ф. (см.: *O'Connor S. J. Recognizances of debt to Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 97.*) 28 ноября 1353 г. Джон и Адам ссудили 200 ф. аббатству Салби (*Ibid.*). А 22 февраля 1369 г. Джон Пайел, Адам Фрэнси и еще три олдермена (Джон Оскин, Уильям Хэлден и Джон Аше) кредитовали рыцаря Ламбета де Уэстона на 800 марок, более 533 ф. (*Ibid.*).

английского купечества, и в этой сфере теснившего итальянцев. Адам Фрэнси за период 1339–1371 гг. 34 раза предоставлял займы короне, и во многих случаях – совместно с Джоном Пайелом²⁷. За период своей деловой карьеры (примерно 1345–1382 гг.) Джон привлек на эти цели 22 тыс. ф.²⁸ Конечно, ссужать деньгами королей было небезопасно – они иногда не возвращали ссуду. Но выгоды были очевидны, и в первую очередь – это право беспошлинной торговли, откупная система и спекуляции на шерсти, чем в целом успешно пользовались лондонские купцы. Джон Пайел участвовал в такой схеме погашения займов короной, поскольку это была обычная практика. Так, 16 июня 1370 г. Эдуард III предоставил мэру и олдерменам столицы, среди которых – Джон Пайел, право на взимание пошлин с шерсти, шерстяных изделий и кожи в порту Лондона в счет покрытия 5 тыс. ф., ранее предоставленных королю²⁹.

Четвертое. С 1348–1349 гг., т. е. в разгар «Черной смерти», Адам Фрэнси и Джон Пайел начинают активно покупать³⁰, арендовать с последующим выкупом³¹, получать по завещаниям и через опеку над малолетними наследниками³² городскую недвижимость, причем в самых престижных и наиболее коммерчески привлекательных районах Лондона (Чип, Чипсайд, Корнхилл, Паултри и др.). Их интересуют дома, в том числе – каменные, многочисленные комнаты, десятки торговых лавок, склады, пивоварни, сады, участки набережной Темзы, в том числе причал с верфью.

Только один, но весьма показательный пример. В конце 40-х гг. XIV в. Адам и Джон арендовали у лондонского монастыря

---

²⁷ См.: *Barron C. M.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. P. 100. Можно привести целый ряд фактов, подтверждающих тесные финансовые связи короны и столичных купцов-олдерменов. Например, за период 1371–1380 гг. бакалейщик Джон Филпот предоставил королю займов на 40 тыс. марок, в том числе, на 10 тыс. ф. в октябре 1373 г. (см.: *Given-Wilson C.* Wealth and Credit, Public and Private: The Earls of Arundel 1306–1397 // *English Historical Review.* 1991. No. CCCCXVIII. Jan. P. 20).

²⁸ См.: *O'Connor S. J.* Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London. P. 21.

²⁹ См.: *Folios cclii–cclx: Jun 1370–...* // *Calendar of Letter-Books of the City of London: G. 1352–1374* / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1905. P. 263–272. URL: <http://www.british-history.ac.uk/london-letter-books/volg/pp263-272> (дата обращения: 23.03.2015).

³⁰ *Calendar of the Cartulary of John Pyel.* P. 106, 108–109, 114–116.

³¹ *Ibid.* P. 101–102.

³² *O'Connor S. J.* Landed estates // *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys.* P. 59, 64, 69–71.

св. Елены недвижимость на Бишопсгейт на условии выплаты ренты в 10 ф. ежегодно на протяжении жизни каждого из арендаторов³³. Столь высокая рента объясняется структурой арендованной недвижимости: дома с прилегающими садами и свободными участками земли в одном из престижных районов Лондона ценились очень дорого. Но, как выясняется, арендованные дома были очень ветхими (показатель того, в каком состоянии находился монастырь!), и купцы предпочли снести их и выстроить на высвободившемся месте дома и лавки. А спустя полтора десятилетия Адаму и Джону удалось выкупить у монахинь всю эту собственность и, соответственно, ренту³⁴.

Показательно, что, приобретая недвижимость, они могли действовать в одиночку, но чаще совместно с другими купцами. Видимо, с ростом товарно-денежных отношений, их проникновением в сферу недвижимости начинала остро ощущаться необходимость в объединении денег и усилий, что приводило к появлению в Лондоне XIV в. мелких компаний³⁵.

Пятое. Не только городская недвижимость привлекала Адама Фрэнси и Джона Пайела. Первые внегородские приобретения Фрэнси относятся ко времени «Черной смерти», что объясняется и колоссальными людскими потерями, приведшими к падению цены на землю, и желанием покинуть пределы тесного города. При этом, в отличие от большинства «коллег», Адам не вернулся в свое родное, но весьма отдаленное от Лондона графство, чтобы купить земли. Земельные приобретения Фрэнси концентрируются в основном в северном Миддлсексе и на юго-западе Эссекса, то есть в графствах, которые традиционно «кормили» Лондон, а Эссекс (наряду с Кентом, Сурреем, Эссексом и Норфолком) всегда был житницей Англии и основным поставщиком зерна. Необходимо принять во внимание и еще один фактор, облегчавший проникновение богатых горожан в аграрную сферу: с XIV в. скупка земель происходила по всей Англии, но наибольшее распространение получила на юге

---

³³ См.: Calendar of the Cartularies of John Pyel. P. 101–102.

³⁴ Ibid.

³⁵ Этой проблеме посвятила специальные исследования М. М. Яброва. См.: Яброва М. М. Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века. Семья Сели // Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 105–116; Она же. Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века // Средневековый город. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 129–137.

и востоке страны, что показывает, насколько эти области уже были втянуты в товарные отношения³⁶.

По самым приблизительным подсчетам, в 1349–1371 гг. Адам Фрэнси приобрел 12 усадеб, 1056 акров пахотной земли, 189 акров лугов, 61 акр пастбищ, 13 акров леса, 4 сада и огород, пруды, две водяные и одну ветряную мельницы, ренты на сумму 11 ф. 77 ш. 26 п., лавки, а также ферму, земли с ивняком, болотами и пастбищами, арендованные хозяйственные и торговые помещения. Сама структура владений Фрэнси позволяет причислить его к ранним джентри XIV в. – «новому дворянству», которое приспособлялось к менявшимся условиям, стремилось всячески повысить доходность своих владений.

Сделки по приобретению недвижимости в графствах, которые заключал Адам Фрэнси, представляют интерес по нескольким причинам. Во-первых, из-за привлечения клириков в качестве поверенных (доверителей). Именно клирики благодаря своему статусу и репутации часто использовались для сопровождения сделок по передаче собственности и выполнения обязанностей доверителей. Они к тому же, как правило, не имели собственных прямых наследников, что лишь усиливало доверие к ним. Во-вторых, благодаря совместным приобретениям и через агентов. Самым востребованным из них был Томас де Лэнгтон, деловой партнер и друг Адама Фрэнси, а также привлекались священнослужители Николас атте Уайк, Томас Пейтшалл и Джон Пити.

Приобретения Фрэнси также показывают преобладание лондонцев среди людей, скупавших земли в предместьях Лондона. Адам покупал землю там, где до него это делали многие бюргеры. Причем, они покупали землю, часто очень мелкие участки, у разных людей, но чаще у представителей старых местных фамилий, таких как Энсти, Марши и Форды, которые с большим трудом и серьезными издержками приспособлялись к новым условиям.

Графства в целом, и Миддлсекс в особенности, были любимыми местами, где лондонцы предпочитали селиться, а купцы при этом имели возможность вести дела в столице. И поскольку земля в Миддлсексе покупалась и продавалась лондонцами продолжительное время, земельный рынок рос по всему графству, а земельный

---

³⁶ См.: *Штокмар В. В.* Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. С. 28–29.

фонд постепенно распределялся среди богатых купцов, становясь все более их «вотчиной».

Особое место в структуре внегородской недвижимости Адама Фрэнси занимает манор Эдмонтон в Миддлсексе, владельцами которого был Джеффри де Сей, а затем его сын – Уильям. Последовательный интерес к нему этот купец начинает проявлять еще с 1351 г. 31 мая 1359 г. у Адама Фрэнси оказалась часть манора, в которую входили две усадьбы и 320 акров земли с рентами. 2 октября 1361 г. Уильям выдал Адаму закладную на манор на 22 года взамен на получение суммы в 1000 ф. В период между 1362 и 1369 гг. манор и, что особенно важно, титул лорда были навсегда переданы Адаму Фрэнси³⁷.

Приобретение манора Эдмонтон явилось своеобразным механизмом, при помощи которого Адам Фрэнси, этот богатый и влиятельный горожанин, заявил о своих социальных устремлениях. Получение титула лорда, надо полагать, стало для Фрэнси важнейшим общественно значимым событием и реализацией социальных амбиций лондонского купца и олдермена в обществе, в котором традиционно высоко ценились знатность происхождения и обладание землями³⁸.

Показательно, что после смерти Адама Фрэнси в 1375 г. его сын, тоже Адам, большую часть времени проводил во владениях в Эдмонтоне, предпочитая вести образ жизни сельского джентльмена. Фактически это подтверждает тот факт, что в Англии XIV в. происходило пополнение локальных сообществ джентри выходцами из богатого купечества.

Здесь уместно отметить, что дочь Адама Фрэнси-старшего, Мод, третьим браком сочеталась с Джоном Монтегю, герцогом Солсберийским³⁹, что также соответствовало духу времени⁴⁰. По оценке П. Джонсона, в XIV в. треть дочерей лондонских олдерменов выходила замуж за дворян, представителей знати⁴¹. Еще Дж. Хоум обратил внимание на то, что по интенсивности взаимопроникновения купечества и дворянства, степени общественного признания и зна-

---

³⁷ См.: *Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys*. P. 429.

³⁸ См.: *Hunt E. S., Murray J. M. A History of Business in Medieval Europe, 1200–1550*. Cambridge, 1999. P. 53.

³⁹ См.: *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys*. P. 95.

⁴⁰ См.: *Fourteenth Century England / Ed. by J. S. Hamilton*. Woodbridge, 2014.

⁴¹ См.: *Johnson P. A History of the English people*. N. Y., 1985. P. 137.

чения этого процесса Англия не знала себе равных⁴², хотя аналогичные явления наблюдались во многих странах.

Джон Пайел проявлял значительный интерес к недвижимости в своем родном графстве Нортхемптон, где он совершал как разрозненные покупки, так и приобретал целые маноры (Уодфорд, Крэнсли, Крэнфорд и Садборо). При этом со свойственной ему предприимчивостью Джон использовал продуманную политику – покупать земли, которые мало или совсем не использовались собственниками, обветшали и соответственно могли быть приобретены по относительно низкой цене. Еще одной его уловкой Пайела было использование долговых обязательств землевладельцев.

Вот только несколько примеров. В 1348 г. Джон купил манор Крэнсли, владельцем которого, благодаря женитьбе на Элизабет, дочери Хью Крэнсли, был сэр Томас Уэйк, сокольничий короля, участвовавший во Французской кампании (в Креси), во время которой (между 15 марта и 23 октября 1346 г.) он скончался. Спустя 2 года, согласно картулярию, эпидемия чумы сразила четырех прямых наследников манориальных владений Крэнсли, и манор вернулся к Элизабет Уэйк. Именно она передала его Джону Пайелу, что подтверждено двумя грамотами, датированными 26 июня и 1 июля 1348 г. соответственно⁴³.

Истинные мотивы продажи манора Крэнсли выявить очень сложно. Можно довериться источнику и признать, что наследники действительно скончались в 1348 г., т. е. фактически до пика «Черной смерти», которая всей своей мощью обрушилась на Восточный Мидленд ранней весной 1349 г. Но что заставило Элизабет столь стремительно расстаться с наследством своих сыновей? Очевидно, что продажа манора связана с участием сэра Томаса Уэйка-старшего в военной кампании во Франции, подготовка к которой была чрезвычайно дорогостоящей. К сожалению, нет никаких документальных свидетельств, позволяющих оценить состояние экономики манора Крэнсли в интересующий нас период. Но хорошо известно, что десятилетие перед «Черной смертью» стало периодом дефляции, падения цен и, соответственно, доходов⁴⁴. Нет осно-

---

⁴² См.: *Home G. Medieval London*. N. Y., 1927. P. 274.

⁴³ *Ibid.* P. 133–134.

⁴⁴ См.: *Postan M. M. The Costs of the Hundred Years // Past and Present*. 1964. No. 27. P. 42–44.

ваний сомневаться, что в таких условиях необходимость экипироваться для участия в военной кампании за собственный счет становилась крайне обременительной обязанностью для столь мелкого землевладельца, каковым был сэра Томас, и имела губительные последствия из-за изъятия значительной части средств из манориального хозяйства. Совершенно очевидно, что Уэйк-старший вынужден был искать деньги, чтобы сохранить земли в Крэнсли. Одним из его кредиторов стал Джон Пайел: в частности, в июле 1345 г. он предоставил сэру Томасу 40 ф.⁴⁵ Скорее всего приобретение манора Крэнсли отчасти связано с необходимостью покрытия долговых обязательств Уэйка-старшего перед Джоном Пайелом.

В 1353 г. Джон Пайел приобрел свой второй манор Итлинборо. Аббатство Питерборо держало этот манор от сэра Саймона де Драйтона, представителя старинной рыцарской фамилии Нортхемптоншира. Драйтоны владели здесь одним из трех фьефов манора – фьефом Бэтейл, история которого началась в середине XII в. Тогда он насчитывал 3,5 гайды земли, что в XIII в. соответствовало 1,5 рыцарского фьефа⁴⁶. Сэр Саймон приобрел этот фьеф в 1317 г. за 100 ф. и 10 февраля 1353 г. продал его Джону Пайелу, Адаму Фрэнси и брату Джона, Генри Пайелу. Хотя любопытно, что 24 февраля он предоставил расписку в передаче имущества только Джону Пайелу, который заплатил 200 ф. и дополнительно отдал большую бочку (252 галлона) вина стоимостью 5 ф.⁴⁷

Второй фьеф, оформившийся в XII в., в XIV в. являлся держанием фамилии Сеймур. В 1359 г. Николас Сеймур, лорд замка Кэри в Сомерсете, передал Джону Пайелу в пожизненное владение земли, две трети большого, но, что примечательно, пришедшего в запустение, с обветшалой крышей, старого жилого дома с хозяйственными постройками и земельным участком и три участка, которые прежде были застроены, а к моменту заключения сделки оказались свободными. Очевидно, что значительная часть фьефа была заброшенной вследствие серьезных трудностей, переживаемых домениальным хозяйством, и нехватки рабочих рук в связи с последствиями «Черной смерти». Сеймур, явно не располагая необходи-

---

⁴⁵ См.: Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 135–136.

⁴⁶ Ibid. P. 147.

⁴⁷ Ibid. P. 142–143.

мыми для восстановления построек средствами, благоразумно предпочел передать эти земли Пайелу.

В 1354–1363 гг. Джон Пайел получил права на $\frac{3}{4}$ манора Уодфорд. И вновь перед нами знакомая ситуация: долги представителя дворянства, за которые он вынужден отдавать землю предприимчивому купцу. Затем, в 1365 г. Пайел купил у королевского доверенного право опеки над малолетним Джоном де ла Хэй, которому принадлежала еще четверть манора Уодфорд⁴⁸. Джон получил это манориальное владение, состоявшее из двух запашек земли и того, что описано как «четверть доли Уодфордской церкви», в крайне разоренном состоянии. Даже центральный жилой дом и голубятня нуждались в капитальном ремонте⁴⁹. Это ли не весомый аргумент в пользу тезиса о плачевном состоянии семей «старого дворянства»!

В 1361 г. Пайел приобрел свой последний манор – Садборо. В отличие от других маноров, являвшихся, за исключением Крэнсли, владением Питерборо, Садборо принадлежал Вестминстерскому аббатству, которое получило его еще от Эдуарда Исповедника (1042–1066). Как и большинство других маноров, о которых уже шла речь, Садборо состоял из нескольких владений. В конце XIII в. этот манор был держанием сэра Реджинальда Уотермила, который разделил его среди трех своих дочерей. Но две части манора были воссоединены в середине XIV в. Саймоном де Драйтоном, который в 1350 г. стал доверительным собственником⁵⁰.

В январе 1358 г. манор Садборо, а точнее его $\frac{2}{3}$, которые держал Драйтон, перешли к Уильяму Мэлори⁵¹, представителю одной из знатнейших фамилий Нортхемптоншира. Однако Мэлори испытывали серьезные финансовые затруднения: в июне 1358 г. Уильям и Анкетин Мэлори признали долг Пайелу в 200 ф., в погашение которого Уильям был вынужден выплачивать ежегодно по 20 ф. из доходов с земель в Садборо и с других владений в Нортхемптоншире⁵².

Кроме того, $\frac{1}{3}$ манора, которая не принадлежала Саймону де Драйтону, была унаследована Уильямом ле Zouche, архиепископом Йоркским, и от него перешла к Анкетину Мэлори, который в кар-

---

⁴⁸ Джону де ла Хэй исполнился всего месяц, когда в 1361 г. умер его отец.

⁴⁹ См.: Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 127.

⁵⁰ Ibid. P. 118–119.

⁵¹ Ibid. P. 49–50.

⁵² Ibid. P. 121.

тулярии назван «братом архиепископа»⁵³. Так или иначе, Уильям Мэлори, который был не в состоянии осуществлять платежи, в апреле 1361 г. передал Садборо Джону Пайелу, а в 1362 г. Пайел приобрел остальные земли и ренты этого манора⁵⁴, завершив тем самым формирование всей конструкции своей недвижимости в графстве.

Таким образом, очевиден интерес богатого лондонского купца Джона Пайела к земельной собственности в его родном графстве Нортхемптоншир. Отчасти это можно объяснить особой привязанностью к своей малой родине: даже добившись общественного признания, высокого социального статуса в столичном сообществе, Пайел сохранял теснейшую связь с местом, где родился, где жили его предки, и куда он вернулся в конце 1370-х гг., после 30 лет жизни в Лондоне. Сыновья и внуки Пайела тоже поселились в Нортхемптоншире. Но не менее важное значение имели соображения престижа: скупка земельных участков являлась одним из способов приобрести влияние и власть, произвести впечатление на общество, в котором традиционно высоко ценились знатность происхождения и обладание землями⁵⁵.

Итак, «Картулярии» двух лондонских купцов – Адама Фрэнси и Джона Пайела – отразили важнейшие социальные процессы и явления XIV века в Англии. Прежде всего, речь должна идти о социальной мобильности и подвижности внутренних границ английского общества, что позволяло младшим отпрыскам мелких землевладельцев из графств Англии закрепляться в городском, в данном случае в лондонском, социуме и его деловом мире, а затем, накопив денежные средства, приобретать землю и возвращаться в деревню уже в качестве джентри. Это характеризует и социальные устремления богатых купцов, стремившихся к тому, чтобы приобрести титул и занять достойное место в локальном сообществе «новых дворян». Кроме того, «Картулярии» ярко высвечивают ситуацию, в которой оказалась английская аристократия, крайне тяжело приспособившаяся к товарно-денежным отношениям и рыночной конъюнктуре, чем не преминули воспользоваться предприимчивые

---

⁵³ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 121.

⁵⁴ Ibid. P. 121–122.

⁵⁵ См.: *Horrox R. E.* The urban gentry in the fifteenth century // *Towns and townspeople in the fifteenth century* / Ed. by J.A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 22; *Hunt E. S., Murray J. M.* A History of Business in Medieval Europe, 1200–1550. P. 53.

столичные купцы. Купеческие картулярии позволяют дополнить и конкретизировать тезис о том, что начиная с XIV в., особенно с середины этого столетия, английское купечество начинает вытеснять иностранных купцов, прежде всего – итальянцев, из торговли и финансовой сферы, активно замещая их в том числе на поприще кредиторов короны. Также на страницах «Картуляриев» нашли отражение социальные последствия столь значимых для Англии событий, как Столетняя война и «Черная смерть».

Е. П. Тельменко (Ставрополь)

E-mail: teilman@mail.ru

**ВЛАСТЬ И ПРОПОВЕДНИК
(К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ И ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ)**

Аннотация. Статья посвящена одному из ранних этапов эволюции Джироламо Савонаролы в качестве проповедника и пророка. В тексте публикации выявляются: специфика позиции монаха в отношении социальных проблем Флоренции, особенности ее интерпретации паствой, а также характер взаимоотношений между политическим главой и будущим духовным лидером города на Арно.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, Лоренцо Медичи, миллениаризм, социальная критика.

Проблема проповедник, общество и власть, к рассмотрению которой мы обратимся на примере Флоренции конца XV в., имеет множество нюансов, среди которых наиболее интересными представляются особенности рецепции и интерпретации паствой выступлений духовных наставников; наличие и соотношение конструктивных / деструктивных аспектов деятельности проповедников в городском социуме; модели поведения власти (ее носителей) и проповедника в отношении друг друга, а также мотивы, лежащие в их основе. История взаимоотношений Лоренцо Великолепного и доминиканского монаха Джироламо Савонаролы позволяет, насколько это возможно в рамках текста статьи, обратиться к означенным вопросам.

Доминиканец приходил в город на Арно дважды: в 1482–1487 гг., когда он не достиг успеха в качестве проповедника, и в 1490 г. – с этого времени монах постепенно завоевывает авторитет у паствы и превращается в духовного лидера, оказывавшего существенное, если не определяющее воздействие на флорентийское общество.

Савонарола снова появляется во Флоренции благодаря ходатайству философа-гуманиста Пико делла Мирандолы: по его просьбе Лоренцо Медичи 29 апреля 1489 г. пишет письмо к гене-

ральному настоятелю Ордена доминиканцев с просьбой направить этого брата во Флоренцию, а в мае 1490 г. на капитуле Ломбардской конгрегации такое решение принимается¹.

Присущая доминиканцам ученость и интеллект самого брата привлекли к нему внимание Мирандолы еще во время их первой встречи, которая произошла в 1482 г. на капитуле доминиканцев Ломбардии в Реджо-Эмилии. Согласно апологету и биографу монаха – Псевдо-Бурламакки, Пико, присутствуя на диспуте, устроенном братьями, увидел фра Джироламо, «который чрезвычайно ему понравился и *показался человеком удивительной жизни, учености и манеры дискутировать*, так что расположил его к себе и настолько полюбился своими добродетелями и нравами, что тот не представлял жизни без него»². Основанием заинтересованности в присутствии монаха в городе мог быть принцип разнообразия путей постижения истины, декларируемый членами флорентийской Платоновской академии, к которой принадлежал Пико³.

О том, что доминиканский брат, обладающий «величайшим умом и образованностью», являющийся «превосходным томистом», «хорошо защищающим и доказывающим свою позицию», становится объектом внимания флорентийских интеллектуалов, свидетельствует, например, «Флорентийская история» Бартоломео Черретани, где автор указывает, что на проповеди монаха приходили «многие достойнейшие люди, среди которых были мессер Марсилио Фичино, мессер Уливьере Ардуини (Ulivere Arduini), мессер Малатеста да Римини и Джироламо ди сер Паоло Бенивьени, выдающиеся философы и теологи, граф Иоанн делла Мирандола – величайший ученый своего времени, и многие другие выдающиеся и величайшей добродетели люди, и с большим восхищением слушали ... и не оставляли без внимания его (Савонаролы – Е.Т.) невероятную ученость»⁴.

---

¹ О мотивах Пико и Лоренцо см.: *Garfagnini G. C. Girolamo Savonarola e il movimento savonaroliano // Storia della civiltà toscana: 2: Il Rinascimento / a cura di Michele Ciliberto. Firenze, 2001. P. 459; Cordero F. Savonarola. Vol. 1: Voce calamitosa, 1452–1494. Torino, 2009. P. 128–129; Hugedé N. Savonarole et les florentins. P., 1984. P. 91–94.*

² *La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze, 1937. P. 17. Далее – La Vita ...*

³ См.: *Кудрявцев О. Ф. «Ученая религия» флорентийской Платоновской академии // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 88–96.*

⁴ *Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di Giuliana Berti. Firenze, 1994. P. 192–193.*

Фра Джироламо за время своего отсутствия существенно эволюционировал в качестве проповедника: зимой 1484–1485 г. в местечке Сан-Джиминьяно он избирает профетический способ обращения к верующим, пополнив ряды проповедников миллениаристского типа, которыми изобилует конец столетия⁵; затем, путешествуя по северной Италии, совершенствуется в умении общаться с паствой. В итоге, по возвращении во Флоренцию выступления доминиканца претерпевают определенные изменения: в них, при сохранении прежней интеллектуальной сложности, все более заметна личность проповедника, а высказанный в Сан-Джиминьяно посыл (скорое обновление Церкви – грядущие бедствия – необходимость покаяния), оставаясь неизменным, дополняется обращением к социальным вопросам.

В «Компендиуме откровений» («Compendium revelationum»), написанном между весной и летом 1495 г., монах вспоминал, что, прибыв в город, он в этом же году «первого августа, в воскресенье» начал «публично толковать Апокалипсис в нашем Сан Марко», и «проповедуя весь год во Флоренции, постоянно предлагал народу три вещи: во-первых, что Церковь должна обновиться в настоящее время; во-вторых, что перед этим обновлением Бог пошлет большое наказание (испытание) для всей Италии; третье, что это произойдет скоро»⁶. Помимо этого, в Рождественский пост 1490 г. Савонарола проповедует на Первое послание ап. Иоанна, где обличает пороки флорентийцев, в том числе корыстолюбие и ростовщичество⁷. Здесь стоит обратить внимание на выбор текстов для толкования, явно отражающий духовный (эсхатологический, миллениаристский) настрой проповедника: имеющий исключительно профетический характер Апокалипсис и Послание этого же апостола –

---

⁵ См.: *Verde A.* «Et andando a San Gimignano a predicarvi». La predicazione del Savonarola a San Gimignano // *Girolamo Savonarola a San Gimignano / a cura di Sergio Gensini.* Firenze, 2003. P. 27, 34–40, etc.; *Leonardi C.* La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola // *Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone.* Firenze, 1999. P. 5.

⁶ *Savonarola G.* Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / a cura di Angela Crucitti. Roma, 1974. P. 9. См. также рассуждения Псевдо-Бурламакки о начале публичных проповедей брата в 1490 г.: *La Vita ...* P. 22.

⁷ Паскуале Виллари относит эти проповеди к 1491 г., а современные исследователи – к Адвенту 1490 г. См.: *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 97–100; *Cordero F.* Savonarola. Vol. 1. P. 137–138; *Leonardi C.* La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola. P. 6–7; *Martines L.* Savonarola. Moralità e politica a Firenze nel Quattrocento. Milano, 2009. P. 23.

как выразился К. Леонарди, «типичный образец мистики любимого ученика Христа»⁸.

В великопостных проповедях 1491 г., продолжая предрекать всяческие испытания и призывая к покаянию, доминиканец не только рассуждал о пороках современного клира и о необходимости скорейшего обновления Церкви, но и развивал тему социальной несправедливости и притеснений, чинимых простому народу богатыми и власть имущими. Так, в одном из своих выступлений монах заявлял: «... отцы... побуждают сыновей своих идти в духовное звание, чтобы пользоваться церковными доходами и привилегиями»; «бедные между тем отягощены податями, когда они приходят, чтобы заплатить невыносимо обременительные для них суммы денег, богатые кричат им: отдайте нам и остальное; есть такие, которые зарабатывая 50, платят налогов 100; богатые же платят мало, ибо налоги распределяются произвольно; когда вдовы плачут, им говорят: убирайтесь вон; когда бедные жалуются, им говорят: платите и платите»⁹.

О содержании выступлений фра Джироламо, ситуации в городе и положении проповедника можно также судить по письму Савонаролы своему собрату по Ордену и сподвижнику – фра Доменико Буонвичини (да Пешиа) 10 марта 1491 г.¹⁰, проповедовавшему в то время в Пизе¹¹. В нем монах сообщает, что он во Флоренции «постоянно провозглашает обновление Церкви и грядущие испытания». В целом проповедник настроен довольно оптимистично, заявляя: «дела наши идут хорошо», несмотря на «значительные противоречия (враждебность)» со стороны «*maiores* (оптиматов)», – очевидно, со стороны тех, на кого была направлена его критика, – и то, что «многие боялись, а некоторые и по сей день боятся, что мне уготована участь брата Бернардино». Характеризуя свое состояние

---

⁸ *Leonardi C.* La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola. P. 7.

⁹ Цит. по: *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. Т. 1. С. 98–100. Также см.: *Cordero F.* Savonarola. Vol. 1. P. 140–143; *Martines L.* Savonarola. Moralità e politica a Firenze nel Quattrocento. P. 25–27.

¹⁰ Письмо датировано 10 марта 1490 г., так как по флорентийскому стилю летоисчисление велось ab Incarnatione (от Воплощения), и начало года приходилось на праздник Благовещения 25 марта.

¹¹ См.: *A Fra Domenico Buonvicini // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi.* Firenze, 1933. P. 15; *A fra Domenico da Pescia che predicava a Pisa // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi.* Firenze, 1887. P. 281–282.

он отмечает: «я постоянно уповаю на Бога», поскольку «Сердце царя – в руке Господа»¹² (вероятно, речь о Лоренцо и его позиции), а «книжники и фарисеи, сражающиеся против тебя, цели своей не достигнут»¹³.

Итальянский исследователь Джан Карло Гарфаньини полагает, что эти высказывания свидетельствуют о том, что Савонарола имел «четкое представление о враждебности, которая окружала его и его проповеди, направленные на разоблачение коррупции, одним словом – плохое управление, преобладающее в медичейской Флоренции», и не исключал возможности повторения участи Бернардино да Фельтре, изгнанного, как нарушитель общественного порядка, из города¹⁴. Действительно, деятельность Бернардино да Фельтре (1439–1494) во Флоренции может быть примером того, как коммуна отсекала от себя то, что могло нарушить городской мир и единство: в 1488 г. этот францисканец разворачивает кампанию по учреждению ломбарда (*Monte di Pietà*) и обращается в своих выступлениях к критике евреев-ростовщиков; и, чтобы пресечь еврейские погромы, монаха выдворяют за пределы Флоренции, а когда он возвращается в 1493 г., то позволяют проповедовать, но на определенных условиях, «что он пообещает не говорить ни о Монте, ни о евреях»¹⁵.

Социальная критика, присутствующая в выступлениях Савонаролы, очевидно, породила среди горожан представления о вероятности исхода, аналогичного да Фельтре, о чем свидетельствует Псевдо-Бурламакки. Ссылаясь на сведения Бартоломео Ридольфи, человека «честного и почитающего Господа», автор указывает на интриги в окружении Лоренцо Великолепного и передает историю о том, что «Аньоло Кардуччи (*Agnolo Carducci*) из Ордена Св. Франциска, будучи в доме Медичи, услышал разговор: "Этому слуге Божьему фра Джироламо мы сделаем то же, что и фра Бернардино да Монтефельтро (Бернардино да Фельтре – Е.Т.)"... Тогда этот

---

¹² Здесь отсылка на текст Книги Притчей Соломоновых: Притч. 21:1.

¹³ Возможно ссылка на Мф. 23: 13, Лк. 11: 52–54.

¹⁴ См.: *Garfagnini G. C. Girolamo Savonarola e Domenico Buonvicini // Garfagnini G. C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. Firenze, 2000. P. 422.*

¹⁵ *Parenti P. Storia fiorentina / a cura di Andrea Matucci. Firenze, 1994. Vol. 1: 1476–78, 1492–96. P. 49.*

Аньоло Кардуччи... пошел к слуге Божьему и рассказал ему все по порядку...»¹⁶.

Тот же Псевдо-Бурламакки, описывая события тех лет, отмечал, что доминиканец, проповедуя, не переставал «порицать пороки людей всех статусов и показывать посредством священных писаний необходимость обновления Церкви из-за многочисленных прегрешений народов», и что некоторые горожане, боясь, «что это не понравится Лоренцо... уговаривали его оставить новый способ проповедования и вернуться к прежнему», да и сам Медичи не оставлял без внимания то, как «он без всякого почтения проповедует, чрезмерно обнажая его тиранию»¹⁷.

В сочинениях современников – последователей Савонаролы, подобных Бурламакки, присутствует идеальный образ проповедника-порока, абсолютно неподкупного, не преклоняющегося перед властью предержавшими. Сторонники брата склонны чрезмерно политизировать его действия в начале 90-х гг., представляя его последовательным критиком тирании Медичи. Ярким примером означенного подхода является воспроизведение легенды о смерти Лоренцо и его исповеди. Как сообщает в своей «Эпистоле» Плачидо Чиноцци, призванный для последнего благословения Савонарола потребовал от правителя Флоренции признания трех вещей: «Лоренцо необходимо иметь твердую веру»; «следует возвратить нечестно отнятое»; «вернуть свободу республике». Медичи согласился с первыми двумя требованиями и ничего не ответил на последнее, в итоге «означенный Отец ушел без исповеди»¹⁸.

Другая версия, переданная анонимным агиографом, исходит из того, что Лоренцо просил отпущения трех грехов, в ответ на что монах выдвинул умирающему три условия. Правитель Флоренции пожелал получить прощение за «разорение Вольтерры... где много девушек утратили цветок их девственности, вверглись во зло, и там произошли другие бесчисленные злодеяния; второй грех – Банк приданных (Monte delle Fanciulle), и я не вернул им приданое, от че-

---

¹⁶ La Vita ... P. 32.

¹⁷ Ibid. P. 26.

¹⁸ Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatorum S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrarla, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita. Firenze, 1898. P. 16.

го со многими приключилось зло, и они остались дома (не вышли замуж – Е.Т.); третий грех – дом Пацци, где многие невинные были убиты»¹⁹.

Приписанная Лоренцо рефлексия весьма показательна, и позволяет понять суть критики и настроений оппозиции: Медичи каются в экономическом преступлении – присвоении денег в Банке приданных, и политических «ошибках» – город Вольтерра был захвачен в 1471 г., как свидетельствует Ф. Гвиччардини, из меркантильных соображений: здесь имелось месторождение квасцов²⁰; заговор Пацци, состоявшийся 26 апреля 1478 г., не удался, а его основные участники были казнены по приказу Лоренцо. Требования, якобы выдвинутые Савонаролой, и ответ Лоренцо соответствуют описанным Чиноцци. Не исключено, что история о монахе – радетеле республиканских свобод, была инспирирована выступлениями Савонаролы после ноябрьского переворота 1494 г. В дальнейшем она имела успех и прочно укоренилась в трудах историков XIX в.²¹, однако затем была раскритикована исследователями XX в.²²

Здесь следует согласиться с теми историками, которые подобно Лауро Мартинесу полагают, что «между 1491 г. и 1493 г. Савонарола не был еще человеком политики, по крайней мере, на сознательном уровне»²³, но что любое, даже самое общее, изобличение социальных пороков, так или иначе, обретало политический оттенок, если не в устах проповедника, то в восприятии его паствы, тем более такой политизированной, как население Флоренции; соответственно, при анализе высказываний и действий монаха следует различать, к чему стремился он, и чего желали его последователи²⁴.

Последнее, очевидно, ясно представлял и описал Якопо Нарди в своем сочинении 1534 г.: вспоминая, что уже во время Лоренцо Великолепного Савонаролу называли «проповедником отчаявшихся и недовольных (*il predicatore de' disperali e malcontenti*)», Якопо

---

¹⁹ *La Vita ...* P. 33.

²⁰ Квасцы – закрепитель для окраски сукна. *Гвиччардини Ф.* История Флоренции // Сочинения великих итальянцев XVI в. / Сост., вступ. ст., коммент. Л. М. Брагиной. СПб., 2002. С. 75.

²¹ См., например, фундаментальный труд Паскуале Виллари: *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. Т. 1. С. 116–117.

²² См.: *Cordero F.* Savonarola. Vol. 1. P. 186–196.

²³ *Martines L.* Savonarola. Moralità e politica a Firenze nel Quattrocento. P. 30–31.

²⁴ См.: *Polizzotto L.* Savonarola, savonaroliani e la riforma della donna // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario* / a cura di Gian Carlo Garfagnini Firenze, 1996. P. 150–151.

отметил, что накануне событий 1494 г. монах уже обрел славу «человека святой жизни, чрезвычайно ученого и великого проповедника», что «до вышеуказанного времени» он преимущественно «излагал Писание, толкуя пророчества, и проповедуя реформу Церкви» и привлекал огромную аудиторию, которая, похоже, по своему воспринимала и истолковывала его пророческое послание, выражая стремление к тотальным переменам, – вероятно, не только в области духовной, но и социальной, – ибо «те, кто охотно слушает новые вещи, кажется страстно жаждут их и стремятся к ним», а «жаждущие новизны, более склонны к проявлению интереса к грядущим вещам»²⁵.

В итоге, в том, что касается характера взаимоотношений Лоренцо Медичи и Савонаролы, можно предположить следующее. Социальная критика, звучавшая в ранних проповедях брата Джироламо, скорее всего, была связана с главной целью монаха – требованием духовного обновления, и носила в то время довольно общий характер. Последнее касается не только каких-либо политических институтов Флоренции, но и Медичи. Доминиканец был не настолько радикален в своих высказываниях и действиях, чтобы создать угрозу общественному миру и спокойствию и разделить участь тех проповедников, которые были вынуждены по настоянию городского правительства покинуть пределы Флоренции. Лоренцо, в свою очередь, не обращался к открытым репрессивным мерам, возможно, радея как о социальном мире, так и о собственной репутации, поскольку прекрасно видел растущую популярность проповедника и не желал провоцировать народное недовольство, подобное тому, когда он «уже однажды изгнал из Флоренции Бернардино да Фельтре»²⁶. Великолепный избрал тактику привычную, неоднократно применяемую как им самим, так и его дедом – Козимо: он пытался расположить к себе доминиканца (в определенном смысле поставить его под контроль) посредством личных контактов и денег; оградить проповедника от «опрометчивых» заявлений, связанных с критикой власти, смущающих народ и связанных с по-

---

²⁵ Breve discorso di Iacopo Nardi, fatto in Vinegia dopo la morte di papa Clemente VII, l'anno 1534, ad istanza di alcuni gentili uomini viniziani; per informazione delle novità seguite in Fiorenza, dall'anno 1494 al detto anno 1534 // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze, 1861. Vol. 2. P. LIX.

²⁶ *Гвиччардини Ф.* История Флоренции. С. 102.

тенциальной возможностью нарушения социального мира (или его иллюзии); при этом действовал не сам, а через других лиц, как светских, так и духовных²⁷.

Таким образом, во взаимоотношениях Лоренцо Великолепного и фра Джироламо очевидно существовала определенная граница допустимых действий и высказываний, которую каждый из них старался не преступать. Соответственно, умеренная позиция в социальных и политических вопросах в итоге позволила Савонароле сохранить свое присутствие во Флоренции как при Лоренцо, так и при его наследнике Пьеро.

---

²⁷ В сочинениях современников описываемых событий передаются истории о том, как Лоренцо пытался всячески продемонстрировать свою благосклонность к фра Джироламо: посещал монастырь Сан Марко, соблазнял нового приора богатым пожертвованием в 300 дукатов; как инициировал посольство пяти именитых граждан к Савонароле, чтобы убедить его «не предвещать будущее»; как попытался дискредитировать пророческие заявления доминиканца при помощи другого, авторитетного проповедника – августинца Мариано да Дженаццано, устроив весной 1491 г. публичную полемику двух монахов. См.: *La Vita ...* P. 24–29; *Cinozzi P. Epistola...* P. 13–15; *Filipepi S. Cronica // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita.* P. 454; *Гвиччардини Ф. История Флоренции.* С. 102.

Е. Н. Многолетняя (Саратов)

E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

У ИСТОКОВ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ЧЕХИИ («NOVINY» XVI ВЕКА)

Аннотация. В статье автор рассматривает зарождение периодической печати в Чехии XVI в., анализирует тематику изданий, предпринимает попытку установить количество периодических изданий и имена чешских типографов, издававших данную печатную продукцию.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, периодическая печать, «noviny» XVI в., чешские типографы.

Репертуар чешского книгопечатания с момента его возникновения всегда был разнообразен. В XVI в. он пополнился новыми изданиями, которые по форме представляли собой зачатки периодических изданий. Одни из них назывались «noviny», другие в своем названии содержали слова «видение», «известие», «описание», «сообщение» или «заметка».

Это были разнообразные заметки о переговорах, о значительных событиях или других проявлениях этого рода. Например, «Описание приезда императора Рудольфа II» издано у Яна Шумана в Праге (1594 г.), «Описание всего того, что с 9 марта 1618 г. и до коронования Фридриха в Чехии происходило», изданное в Праге (1620 г.). Исследователь Ярослав Кохлик относит их к политической литературе¹.

К этому кругу литературы принадлежали также анонимные листовки и газеты, которые оперативно реагировали на современные события. От того периода сохранились некоторые «новины». Перевести данный термин с чешского языка можно как «газета». Если провести небольшой анализ на основе чешской библиографии, можно увидеть, что в XVI в. и до 1620 г. было отпечатано примерно 99 изданий, содержащих в названии термин novina. Печатали их пражские типографы: Павел Северин с Капи Горы (1), Бартоломей Нетолицкий (2), Ян Кантор Хад (1), Буриан Вальда (22) и

---

¹ См.: *Kohlík J. Noviny dávných staletí. Praha, 1970.*

Олдржих Вальда (7) , Шебастиан Окс из Коловси (9), Ян Шуман и Ян Шуман младший (14) и Анна Шуманова (1), Даниэль Седлчанский старший (11), Микулаш Прштрос (5), Иржи Якубов Дачицкий (2), Вацлав Стржибский (1), Ян Филоксен Ячинский (1), Ян Черный с Черного моста (3), Михал Петерли старший (2), Даниэль Карл с Карлшпергга (1). В Оломоуце издавал новины Шебастиан Оливетский (2) и Валентин Клин. По одной «новине» по-видимому, было отпечатано в Простейове и Литомышле неизвестными типографами. Сохранилось 9 новин с неустановленным местом и именем издателя².

Некоторые из сохранившихся «novin» («газет») были опубликованы Ярославом Кохликом. Из них мы можем узнать: «Как и чем жили те, кто ходили по Чешской земле за много лет до нас. Они сообщают нам о великих дивах и чудесах божьих, о стихийных бедствиях и ужасах войны. Сведения о людях убогих, бедствующих и жестоко убитых, о скорбном плаче земли чешской, о великих и кровавых войнах турецких и о других делах, бесчеловечных и печальных, впечатляющих и много раз невыразимо печальных...»³. Таким образом, по тематике их можно разделить на несколько групп.

Рассмотрим подробнее тематику этих изданий.

В 1562 г. у Иржи Мелантриха, известного чешского типографа XVI столетия, была отпечатана «novina» под названием «Удивительное и грозное видение и чудо, которое на небе видеть можно...», повествующая о дивном видении, о грозном сражении, после которого на поле битвы остались окровавленные тела. Наблюдавшие это очевидцы отмечали ужас происходящего⁴. Таким образом, исследователь к новинам причисляет также издания, которые в своем названии не содержали самого термина «novina».

---

² URL:

http://aleph.nkp.cz/F/JBLB8EV5T798QYI8RAH75ECI8R3DH7NDQ34AP8KXJSA61U76JJ-14930?func=find-b&find_code=WRD&x=46&y=6&request=novina&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N;
http://aleph.nkp.cz/F/HS118XMPUTMGCYTCNJRP6V5MQX7C6G2SU85K59PTDL4R8I87SD-33651?func=find-b&find_code=WRD&x=43&y=3&request=noviny&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (дата обращения: 02.08.2017).

³ *Kohlík J.* Noviny dávných staletí. S. 13–30.

⁴ *Ibid.* S. 17. Также см.: *Knihopis Č.* 16527.

Отмечалось также невиданное явление в «novine», изданной у пражского типографа Буриана Валда «Чудесное известие. Как пан Бог всемогущий пшеницу с неба послал...», в которой рассказывается, что с неба как дождь сыпалась пшеница, которую народ собирал в большом количестве, и было это в Брюсселе во Фландрии и в славном городе Комене в Чехии⁵. Типограф издавал продукцию в 1574–1598 гг. и им было отпечатано 22 новины.

В ряде «novin» сообщалось о стихийных бедствиях. Например, в Праге в типографии Павла Сессила (издавал продукцию в 1606–1631 гг.) было опубликовано сообщение о сошедшем на город селе «Сообщение правдивое и жалостливое о сошествии селя...» (1618 г.)⁶. В типографии Анны Шумановой в 1603 г. была отпечатана «novina» «Ужасно страшное сообщение о жутком голоде в Лифляндии...»⁷, когда наблюдались случаи каннибализма.

Печатались новины, повествующие о событиях, связанных с международной обстановкой в Европе XVI столетия, например о турецкой опасности. Так, в новине «О турках и татарах в земле Полькой...» повествуется о турецко-польском конфликте 1589–1590 гг. Отпечатана она была в Праге Даниэлем Седлчанским в 1589 г.⁸ В Праге у Яна Шумана-младшего в 1595 г. была издана новина под названием «Некоторая правдивая новина как турок от Бухареста отогнали»⁹.

Издавались «noviny», повествующие о событиях, происходящих в стране (т. е. в Чешском Королевстве) и имевшие характер жалобы. Например, «Сообщение о тех событиях, которые в этом славном королевстве Чешском произошли...», изданное в Праге в

---

⁵ См.: *Kohlík J. Noviny dávných staletí. S. 21.*

⁶ *Ibid. S. 20; Knihopis Č. 06313.*

⁷ См.: *Kohlík J. Noviny dávných staletí. S. 22.*

⁸ См.: URL:

http://aleph.nkp.cz/F/2G57M71BUX1QYXJUM182PLDYM4DQXH9FN8R171A1J79GTIKLK-53627?func=find-b&find_code=WRD&x=43&y=11&request=Hrozn%C3%A9+Noviny+kterak+leta+1589+&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (дата обращения: 02.08.2017); *Knihopis Č. 06457.*

⁹ См.: URL:

http://aleph.nkp.cz/F/JXHV6CAF4HF6NVQ1KP4TDXQ141YVJPCQ7LUCQHU5GDELSITSMN-41905?func=find-b&find_code=WRD&x=13&y=7&request=Noviny+jist%C3%A9+a+pravdiv%C3%A9+2C+jak+Turci+od+m%C4%9Bsta+Bukarestu+odehn%C3%A1ni&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (дата обращения: 02.08.2017); *Knihopis Č. 06415.*

типографии Даниэля Карла с Карлшпергга (1619 г). В нем повествуется о пожаре в городе Нетолицы¹⁰.

По всей вероятности, этот жанр литературы был чрезвычайно популярен в Чешских землях, а поскольку издания имели однолистный вид, сама их сохранность должна свидетельствовать о том, что они выходили в достаточно большом количестве и были чем-то вроде современной газеты, формирующей широкое общественное мнение.

---

¹⁰ См.: *Kohlík J. Noviny dávných staletí. S. 28; Knihopis Č. 06408.*

С. Е. Киясов (Саратов)

E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ МАСОНСТВО: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье освещается участие масонских структур Франции в революционных событиях конца XVIII столетия. Отмечено, что национальные ложи «вольных каменщиков» длительное время являлись центрами пропаганды просветительских взглядов, нацеленных на ограничение абсолютизма, соблюдение прав личности и свободу вероисповедания. Подчеркивается также специфика их практической деятельности, которая, несмотря на оппозиционный характер, всегда оставалась легальной и не предусматривала реализации заговорщических планов.

Ключевые слова: Французская революция, французское масонство, масонские обряды Франции, масоны-просветители, масонский заговор.

Кризис «Старого порядка» во Франции способствовал появлению в городах угасающего королевства большого количества оппозиционных структур – салонов, клубов, кафе, музеев¹. По мнению специалистов, этот перечень дополняли многочисленные масонские ложи².

Становление национального масонства во Франции берет свое начало в 20-х гг. XVIII столетия. Этот процесс был тесно связан с событиями в Лондоне, где 24 июня 1717 г. состоялось рождение первой в истории Великой ложи, положившей начало регулярному, просветительскому масонскому движению Европы³. В 1743 г. Великую ложу Франции возглавил «принц крови» Луи де Бурбон Конде, граф Клермонский. В последующие десятилетия ложи «вольных каменщиков» открыли свою деятельность во всех крупных городах

---

¹ См.: *Lefevre G.* La Révolution Française. P., 1963; *Hutin S.* La Franc-maçonnerie et la Révolution française. Bretteville l'Orgueilleuse: Éditions des Marais, 1989; *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française: In 3 t. P., 1974–1975.

² См.: *Halévi R.* Les loges maçonniques dans la France d'ancien régime aux origines de la sociabilité démocratique. P., 1984; *Porset Ch.* Franc-maçonnerie, Lumières et Révolution. P., 2001.

³ См.: *Calvert A. F.* The Grand Lodge of England. L., 1917.

страны. Накануне 1789 г. 650 лож объединяли до 40 тыс. братьев (около 10 тыс. – в столичном Париже)⁴.

Важно отметить: участниками, не имевшего ранее аналогов общественного движения, были представители всех сословий: дворяне, священники, буржуа. Особую популярность новомодные масонские собрания приобрели среди представителей «свободных профессий» – литераторов, художников, адвокатов⁵.

Начиная с 1771 г. преобладающим влиянием в масонской среде обладал Великий Восток Франции, первым Великим мастером которого стал «принц крови» Луи Филипп Жозеф, герцог Шартрский и Орлеанский⁶. Однако, наряду с этой структурой, в стране продолжали действовать и другие автономные масонские союзы: Великая Клермонская ложа, Обряд Избранных Коэнов, Совет Рыцарей Востока и Запада, Совет Императоров Востока и Запада, Материнская ложа Философского ритуала, Шотландский Исправленный Обряд, Шотландский Примитивный Обряд, Орден Филалетов, иллюминаты Авиньона, Орден Благотворительных Рыцарей святого Града⁷. В 1785 г. Великий Восток Франции предпринял попытку унификации и централизации масонских структур и обрядов. В этих целях в Париже был образован Великий Генеральный Капитул и Палата Степеней, которые, стараниями масона-реформатора Александра Луи Реттье де Монтало (1748–1808), утвердили единые степени нового «французского ритуала»: Ученик, Подмастерье, Мастер, Избранник, Шотландец, Рыцарь Востока и Рыцарь Розенкрейцер⁸.

По итогам состоявшихся организационных перемен, масонские ложи Франции быстро превратились в «демократический анклав», в специфические дискуссионно-политические клубы, являя собой новую форму социального общения. Важно отметить непосредственное участие в работе масонских лож предреволюционной Франции философов-просветителей: Шарля Монтескье, Поля Гольбаха,

---

⁴ См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P., 1993. P. 25.

⁵ См.: *Martin G.* La Franc-Maçonnerie française et la préparation de la Révolution. P., 1926.

⁶ См.: *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française: In 3 t. P., 1974–1975.

⁷ См.: *Уайт А. Э.* Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории / Пер. с англ. СПб., 2003. С. 182.

⁸ См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P., 1987. P. 63–95.

Клода Гельвеция, Франсуа Вольтера, Жозефа Лаланда, Жана-Антуана Кондорсе, Луи-Себастьяна Мерсье, Сильвена Марешаля, Николя Ретифа де ля Бретона. Например, парижская ложа «Девяти сестер» (получила свое название по числу античных богинь – Урании, Каллиопы, Клио, Мельпомены, Полигимнии, Талии, Эрато, Треспихоры, Евтерпы – покровительниц поэзии, искусств и наук) и «Олимпийское общество» стали центрами формирования нового мировоззрения, нацеливавших французов на осуществление радикальных перемен⁹. Здесь обсуждались наиболее злободневные темы, имеющие отношение к политике, религии и другим сторонам общественной жизни (ограничение абсолютизма, соблюдение прав личности, свобода вероисповедания, секуляризм). При этом, по мнению масонов-просветителей, будущие реформы должны были носить мирный характер, так как их осуществление намечалось под лозунгом соблюдения «естественных прав» человека. Поскольку такие преобразования отражали чаяния большинства суверенной нации, их вдохновители надеялись на исключительно бескровное развитие событий, в том числе, на сотрудничество с королем, в котором они видели монарха-гражданина.

Безусловно, пропаганда просветительских идеалов носила дестабилизирующий характер, особенно в условиях назревающего в стране политического кризиса. И все же масонам предреволюционной Франции трудно предъявить обвинение в организации антиправительственного заговора и подготовке революции, как это сделали их первые критики – аббаты Ф. Лефранк, автор изданного в 1791 г. памфлета «Завеса, приподнимаемая для любопытствующих, или тайна Революции, раскрытая при помощи франкмасонства»¹⁰, и О. Баррюэль, автор скандально-знаменитых «Мемуаров по истории якобинизма», написанных и изданных в 1797–1798 гг. в Лондоне¹¹.

---

⁹ См.: *Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 76–80.*

¹⁰ См.: *Чудинов А. В. Масоны и французская революция XVIII в.: дискуссия длиною в два столетия // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 45–69.*

¹¹ В начале XIX в. это сочинение было переведено и дважды переиздано в России: [*Баррюэль О.*] *Вольтерианцы или история о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. С французского последнего исправленного и вновь умноженного издания. В 12 ч. / Пер. с фр. М.: В губернской типографии у А. Решетникова, 1805–1809; [Баррюэль О.] Записки о якобинцах, открывающие все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все Европейские державы: В 6 ч. / Пер. с фр. М.: В Университетской типографии, 1806.*

В этой связи важно заметить, что в своей критике «Старого порядка» масонские структуры, главным образом, руководствовались этическими соображениями и ограничивались констатацией расхождения собственных взглядов с принципами, которыми руководствовалась правящая элита Франции. Такая, в целом, лояльная позиция позволила им сохранять легальный характер. В противном случае, их структуры, как заговорщические организации, были бы непременно разгромлены властями. По этой причине деятельность «вольных каменщиков» предреволюционной Франции невозможно признать исключительно политической и заговорщической. Такой вывод подтверждают итоги состоявшегося во Франции революционного переворота, приведшего к власти политиков, никак не связанных с масонством и его принципами. Несмотря на явное идейное доминирование в состоявшихся событиях, французские масонские организации и их лидеры, в отличие от своих североамериканских братьев¹², так и не смогли сформировать консолидированное политическое движение и предложить пробудившейся нации реальный проект созидания нового, демократического государства. В итоге провозглашенный ими абстрактный лозунг – «Свобода, Равенство, Братство» – не был реализован. Приходится констатировать, что влияние «вольных каменщиков» на происходящие события оказалось эфемерным, а многие масоны-политики даже оказались по разные стороны баррикад¹³.

Как бы то ни было, но факты свидетельствуют, что после начала революции масонские структуры Франции, явно не имевшие возможности контролировать ход политических баталий, явили собой образец пассивной наивности. Так, их лидер, герцог Филипп, даже объявил о своей отставке с поста гроссмейстера Великого Востока Франции и поспешил сменить имя, превратившись в гражданина Филиппа Эгалите¹⁴. Следует добавить, что этот шаг не помог ему избежать смертной казни. К декабрю 1793 г. работа в столичных и провинциальных ложах Франции фактически полностью

---

¹² См.: *Bullock S. C. Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840.* Chapel Hill; L., 1996.

¹³ См.: *Киясов С. Е. Великая революция и судьба масонского движения во Франции // Новая и новейшая история.* Саратов, 2000. Вып. 19. С. 47–58.

¹⁴ См.: *Chevallier P. Histoire de la Franc-Maçonnerie française.* Т. 1. Р. 337–338.

прекратилась. Якобинцы ожесточенно преследовали масонов как аристократов и контрреволюционеров. Их деятельность возобновилась лишь в июне 1796 г. по итогам заседания Ассамблеи Великого Востока Франции, избравшей нового Великого мастера – авторитетнейшего А. Л. Реттье де Монтало¹⁵.

---

¹⁵ См.: *Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 96–97.*

Л. Р. Сабитова (Саратов)

E-mail: sabitovaliliya90@mail.ru

**ТУЛОНСКИЙ ФРОНТ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ
СТРАТЕГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 1793 Г.:
«ПРОБЛЕМА КОАЛИЦИИ»**

Аннотация. Статья посвящена политике и военным операциям Великобритании на Средиземном море в первый год войны с республиканской Францией. Особое внимание уделено проблеме удержания англичанами французского Тулона, что привело к созданию отдельного театра военных действий и повлияло как на отношения союзников по коалиции, так и на дальнейшее формирование британской стратегии в регионе.

Ключевые слова: Великобритания, Франция, Испания, Тулон, первая антифранцузская коалиция, адмирал С. Худ.

Осада Тулона 1793 г. – один из известных эпизодов начала эпохи Революционных войн. Прежде всего, он знаменит тем, что именно здесь впервые проявился военный гений Наполеона Бонапарта. «Тулон» стал метафорически означать момент блестящего начала карьеры неизвестного молодого военачальника¹. В исторических исследованиях, как правило, данная военная операция рассматривается с точки зрения республиканской Франции и сводится к восхвалению плана Наполеона. Вместе с тем, гораздо меньше говорится о военных и политических планах его противников – англичан. Так, даже А. Т. Мэхен в своем знаменитом труде «Влияние морской силы на французскую революцию и империю» уделяет всего пару страниц удержанию Тулона силами британского военноморского флота. Оставление данного стратегического пункта он комментирует просто: «Тулон был не нужен Англии, его удержание было сложно, требовало постоянного подкрепления и больших затрат, к тому же захват крупного французского порта английскими

---

¹ Так, князь Андрей Болконский в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» спрашивает: «Как же выразится мой Тулон?» (см.: *Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1979. Т. 4. С. 225*).

силами мог вызвать зависть средиземноморских держав. Поэтому англичане сочли за благо его оставить»².

Тем не менее, некоторые исследователи более позднего периода не придерживаются данной «оправдательной» формулировки, считая, что затяжная блокада и поражение англичан стали результатом плохо продуманной стратегии³.

Опираясь на документы членов британского правительства (премьер-министра У. Питта-младшего, министра иностранных дел У. Гренвилля, военного министра Г. Дандаса), донесения дипломатов (британских послов в Испании, Неаполе, Сардинии) и действовавших в регионе военных (адмирала С. Худа, капитанов Г. Нельсона, У. С. Смита), можно постараться воссоздать картину событий в регионе, восприятия их в Лондоне и роль Тулонской операции в средиземноморской стратегии Великобритании в первый год войны с республиканской Францией.

Великобритания, которая традиционно представляется вдохновительницей антифранцузских коалиций, вступила в конфликт далеко не сразу. Страна еще не оправилась после войны с Североамериканскими колониями, поражение в которой подорвало ее международный авторитет, экономику, привело к внутривнутриполитическому кризису. Обретя, наконец, энергичного молодого лидера в лице нового премьер-министра У. Питта-младшего, Великобритания теперь стремилась восстановить в первую очередь экономику и именно по принципу торговых интересов выстраивать заново систему отношений с Европой⁴. Поэтому она проявляла мало интереса к традиционным политическим противоречиям на континенте и начавшейся революции во Франции. Великобритания сохранила нейтралитет даже после того, как Австрия и Пруссия начали военные действия против Франции. Однако военные успехи французов и агрессивная революционная идеология, нацеленная на обеспечение внешней экспансии, насторожили британских политиков, заставив их задуматься о принятии ответных мер. 24 января 1793 г., узнав о казни короля в Париже, британские власти предложили французскому послу вернуться на родину. В ответ 1 февраля 1793 г.

---

² Мэхен А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М.; СПб., 2002. Т. 1. С. 162–163.

³ См.: Baker W. C. Capital Ships, Commerce, and Coalition: British Strategy in the Mediterranean Theater, 1793. MA Thesis. University of North Texas, 2014.

⁴ См.: Hague W. William Pitt the Younger. N. Y., 2005. P. 195.

французское республиканское правительство первым объявило войну Великобритании и Голландии.

12 февраля 1793 г. министр иностранных дел У. Гренвилль заявил в Палате лордов о необходимости создания «эффективного барьера от Франции, представляющей опасность для стабильности миропорядка, отрицающей принципы веры, гуманности и справедливости...»⁵. Премьер министр У. Питт-младший, в свою очередь, отметил внутренний беспорядок и плохое состояние экономики во Франции, что, по его мнению, гарантировало успех союзникам. Он пытался даже предсказать примерные сроки окончательного поражения Парижа – через несколько месяцев. При этом, однако, Великобритания собиралась лишь восстановить status quo в Европе, обходя стороной вопросы будущего политического устройства Франции и восстановления на троне династии Бурбонов⁶.

Пока приоритеты начавшейся войны были расставлены следующим образом. Одной из своих главных задач англичане видели защиту Голландии, начало военных действий против которой стало casus belli. Вторым театром военных действий представлялась Вест-Индия. Только в качестве третьего приоритета рассматривалось Средиземное море, где предстояло тормозить продвижение французов в Испанию и Италию⁷.

Борьба на Средиземном море предполагала следующие действия с непосредственным участием англичан. Для начала планировалось установление полной экономической блокады Франции. Лондон выпустил массовые каперские патенты, разрешающие нападение на французские торговые корабли. Вместе с тем, английским дипломатам было поручено срочно налаживать связи в Италии и кооперироваться с испанцами, чтобы сдерживать напор французов со стороны Альп и Пиренеев. В целом, англичане рассчитывали на боеспособность средиземноморских государств, планируя

---

⁵ Grenville, in an address to the House of Lords, 12 February 1793 // A Collection of State Papers Related to the War against France. L., 1802. Vol. 1. P. 402.

⁶ См.: Adams E. D. The Influence of Grenville on Pitt's Foreign Policy. Washington, D. C., 1904. P. 21–23; Blanning T. C. W. The French Revolutionary Wars, 1787–1802. L., 1996. P. 94.

⁷ См.: Ehrman J. The Younger Pitt: The Reluctant Transition. Stanford, 1983. Vol. 2. P. 262–263; Furber H. Henry Dundas, First Viscount Melville, 1742–1811. Oxford, 1931. P. 98–99.

ограничить свое вмешательство дипломатической и финансовой помощью и поддержкой с моря⁸.

Как бы то ни было, создать эффективный союз, противодействующий Франции в Средиземном море, оказалось не так просто. К середине 1793 г. втянуть в войну удалось только испанцев – в июне достаточно успешно стала действовать испанская «армия Восточных Пиренеев». Однако традиционные англо-испанские противоречия сказывались – испанцы зорко следили за тем, чтобы не дать англичанам возможности усилить свое влияние в Средиземном море⁹. Из итальянских государств только сардинцы и неаполитанцы были готовы кооперироваться, однако их боеспособность не обнадеживала. Сардинцам, как писал британский посол в Турине Джон Тревор, срочно нужна была помощь¹⁰. Неаполитанцы согласились на вступление в коалицию только после прибытия сил английского флота¹¹.

26 июня 1793 г. в Средиземное море вошла эскадра адмирала лорда Сэмюэля Худа, состоявшая из 16 линейных кораблей. Ее основной задачей была блокада французской торговли, второстепенной – давление на итальянские порты, стремившиеся соблюдать нейтралитет. Министр иностранных дел У. Гренвилль подчеркивал оборонительный характер операции: нехватка поставок и экономическая блокада, как и политическая изоляция Франции, по его мнению, должны были привести к скорому поражению французов¹². Поэтому британское правительство не давало военным и дипломатам детальных инструкций, рассчитывая, что вскоре Франция сдастся, и действовать нужно по обстоятельствам. Подобное упрощенное восприятие средиземноморского театра военных действий вскоре сыграло с англичанами злую шутку. Отсутствие инструкций начало приводить к разногласиям между военными и дипломатами по поводу тактики на местах, а порой и принятию решений, противоречащих официальной политической линии. Осо-

---

⁸ Рассматривались планы высадки контингента в Марселе или Тулоне, однако они наталкивались на протесты в парламенте – некоторые считали неразумным лишнюю трату ресурсов. Оставался компромиссный вариант – поддержка воюющих союзников силами флота (см.: *Griffith P. The Art of War of Revolutionary France, 1789–1802. L., 1996. P. 46–48*).

⁹ См.: *Rose J. H. Lord Hood and the Defense of Toulon. L., 1922. P. 116*.

¹⁰ См.: *Trevor to Grenville, 1 March 1793. F.O. 67/11*.

¹¹ См.: *Grenville to Hamilton, 22 March 1793. F.O. 70/6*.

¹² См.: *Grenville to St. Helens, 9 August 1793. F.O. 72/27*.

бенно ярко это проявилось, когда ситуация в регионе начала непредсказуемо меняться.

В июне 1793 г. в крупных южных городах и средиземноморских портах Франции начались антиправительственные восстания. Подавлять их была отправлена армия генерала Карто, действовавшего радикальными методами. Вскоре главный пункт роялистов, Тулон, оказался зажатым между подступавшими войсками республиканцев и британским флотом, блокировавшим французское побережье. Учитывая, что Конвент объявил восставших вне закона, сдаться французской армии означало сразу отправиться на гильотину. Поэтому решено было начать переговоры с англичанами. 23 августа 1793 г. адмирал Худ пригласил парламентариев на борт своего флагманского корабля «Победа». После беседы с ними он издал прокламацию, в которой требовал сдачи порта и заявил, что силы коалиции видят выход лишь в восстановлении французской монархии¹³. Взамен Худ обещал ослабить блокаду и защитить город от наступающей республиканской армии, взяв на сохранение французские корабли и арсенал. Условия были почти немедленно приняты.

Тем не менее, адмирал Худ явно недооценил силы республиканской армии. Вскоре перед ним встал вопрос об удержании Тулона. В условиях нехватки человеческих ресурсов Худ обратился за помощью к Испании. В ответ 29 августа к Тулону подошли эскадры адмиралов Франсиско Гравина и Хуана де Лангара¹⁴. В сентябре командующий отправил капитана Нельсона в Неаполь просить подкрепления¹⁵. Неаполитанцы прислали 2000 солдат и 6 кораблей. 800 человек отправил король Сардинии Виктор Амедей III. К концу сентября количество союзных сил в Тулоне достигло 7000 человек. Под Тулон отправлялись и английские добровольцы-офицеры (У. С. Смит). Таким образом, удержание Тулона превратилось в полномасштабную операцию. Теперь уже не англичане поддерживали союзников, а союзники снимали войска с позиций для отправки под Тулон. Осада негативно повлияла на ситуацию в регионе, оттягивая силы союзников с разных частей средиземноморского театра военных действий. Фактически, был открыт от-

---

¹³ См.: Life and Correspondence of Admiral Sir William Sidney Smith. L., 1848. Vol. 1. P. 104.

¹⁴ См.: Langara to Hood, 30 August 1793. Admiralty 1/391.

¹⁵ См.: Hood to Hamilton, 25 August 1793. Admiralty 1/391.

дельный тулонский фронт, который в некоторых исследованиях получил название «проблема коалиции»¹⁶.

Несмотря на нехватку ресурсов, адмирал Худ решил расширить тулонский фронт, в частности, за счет оказания помощи антифранцузским элементам на Корсике. Он отдал приказ капитану Линзи о бомбардировке одной из главных крепостей острова, Сан-Фиоренцо, но попытка не увенчалась успехом. Долгая осада крепости требовала ресурсов, которых у англичанина не было, поэтому ему пришлось отступить¹⁷. Кроме того, «реверансы» в сторону Корсики в очередной раз насторожили Испанию, подтвердив ее опасения в отношении агрессивной британской политики в Средиземном море. Изначально сама отправка испанского флота в Тулон была не просто актом исполнения союзнических обязательств. Премьер-министр Испании Мануэль Годой опасался, что Англия хочет превратить Тулон во второй Гибралтар. Поэтому адмиралы Гравина и Лангара были не только помощниками Худа, но и информантами и агентами влияния своего правительства¹⁸. Так, именно по предложению Лангара английский командующий выпустил прокламацию с предложением французским армиям на юге сдать и присягнуть Людовику XVII, говоря, таким образом, уже устами не Лондона, а Мадрида¹⁹.

В Лондоне о переходе Тулона к англичанам узнали только 15 сентября 1793 г. Это спутало все планы правительства, однако, заразившись оптимизмом Худа, оно решило не упускать возникшую возможность укрепиться в Средиземном море²⁰. Осложняла ситуацию политическая составляющая. По сути дела, своей прокламацией Худ, а в его лице Англия, открыто встали на сторону контрреволюции. Это был отход от принятой линии – не поддерживать какой-либо конкретный политический режим во Франции. В силу этого издание соответствующих документов и рассылка соответствующих инструкций дипломатам затягивались²¹.

---

¹⁶ См., напр.: *Baker W. C. Capital Ships, Commerce, and Coalition: British Strategy in the Mediterranean Theater, 1793.* P. 104.

¹⁷ См.: *Linzee to Hood, 7 October 1793.* Admiralty 1/391.

¹⁸ См.: *Chasteney J. Godoy: Master of Spain, 1792–1808.* N. Y., 1953. P. 63.

¹⁹ См.: *Proclamation from Hood and Langara to the French army under General Carteaux, 4 September 1793.* Admiralty 1/391.

²⁰ См.: *Grenville W. The Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq, Preserved at Dropmore.* L., 1892. Vol. 2. P. 422; *Pitt to George III, 14 September 1793 // The Latter Correspondence of George III / Ed. by A. Aspinall.* Cambridge, 1962. Vol. 2. P. 91–92.

²¹ См.: *Pitt to Grenville, 5 October 1793 // The Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq, Preserved at Dropmore.* Vol. 2. P. 438–439.

Тем временем испанский король посчитал необходимым привлечь в Тулон эмигрантов, на что англичане, не желающие связываться со своенравной и непредсказуемой французской аристократией (уже поставившей вопрос о личности регента), ответили отказом²². В итоге, чтобы сгладить противоречия, Питт и Гренвилль «порекомендовали» восстановить монархию, но отметили, что окончательное решение должен принимать французский народ²³. 9 октября 1793 г. был издан указ о разрешении торговли с Тулоном на условиях англо-французского соглашения 1786 г., в то время как остальная территория Франции оставалась под блокадой²⁴.

Тем временем положение англичан в Тулоне становилось безвыходным. Вывести оттуда силы означало ухудшить отношения с местными роялистами и испанцами, уничтожить французские суда и арсенал означало нарушить договор. Внезапно адмирал Лангара потребовал установления двойного командования, учитывая равенство английских и испанских сил. Адмирал Худ отказался, сославшись на то, что Тулон сдался только англичанам²⁵. В ответ испанец пригрозил вывести свои силы. Вопрос о главнокомандующем сделал «тулонскую армию» неспособной к быстрым действиям. Оставалась надежда только на прибытие английских подкреплений. Однако посылаемых Худом в Лондон кратких отчетов было недостаточно для формирования у правительства определенного мнения; на бумаге обстановка казалась гораздо более благополучной, и с помощью Тулону не торопились. Пока же правительство решило отправить в Тулон своего представителя для получения объективной оценки ситуации. Выбор пал на вига, члена парламента и Тайного совета сэра Джилберта Эллиота, графа Минто. Прибыв 16 ноября 1793 г. в Тулон, он обнаружил, что реальная ситуация совершенно не соответствует оптимистичным донесениям Худа²⁶.

Четыре месяца оккупации Тулона измотали войска союзников и предопределили необходимость их вывода. 16 декабря, после ре-

---

²² См.: Grenville to St. Helens, 22 October 1793. F.O. 72/28. № 27.

²³ См.: *Adams E. D.* The Influence of Grenville on Pitt's Foreign Policy, 1787–1798. P. 23–24; *Mori J.* The British Government and the Bourbon Restoration: The Occupation of Toulon, 1793 // *The Historical Journal.* 1997. Vol. 40. № 3. P. 701–709.

²⁴ См.: Order in Council, 1 October 1793. Privy Council 2/139.

²⁵ См.: Langara to Hood, undated; Hood to Langara, 19 October 1793; Langara to Hood, 23 October 1793. F.O. 72/28, №. 1.

²⁶ Elliot to his wife, 24 November 1793 // *Life and Letters of Sir Gilbert Elliot, the First Earl of Minto* / Ed. by Countess of Minto. L., 1874. Vol. 2. P. 192.

шающей атаки республиканцев, адмирал Худ это понял. 17 декабря он созвал на борту «Победы» военный совет, после которого приказал войскам отойти к берегу, разрушить арсенал и вывести в море как можно больше французских судов²⁷. Капитан Уильям Сидней Смит, взявший на себя эту задачу, смог поджечь часть судов и арсенал, а также вывезти на лодках женщин и детей²⁸. Девять французских линейных кораблей были сожжены, а 4 линейных корабля и 15 легких судов англичане увели с собой. Нетронутыми остались 15 линейных кораблей, достаточно для того, чтобы на следующий год республиканцы уже восстановили тулонский флот. Город сдался республиканцам, а их главный артиллерист – Наполеон Бонапарт – за эту операцию получил звание бригадного генерала.

Таким образом, захват Тулона, осуществленный англичанами без единого выстрела, в итоге обернулся для них досадным поражением. Тем не менее, они восприняли его довольно легко. Вина за эвакуацию была возложена на «трусливых и необученных» солдат союзников²⁹. Адмирал Худ уже в начале 1794 г. получил возможность осуществить свой план по захвату Корсики. Вместе с тем, поведение англичан под Тулоном повлияло на их дальнейшие отношения с союзниками: испанцы окончательно убедились в том, что англичане пришли на Средиземное море отнюдь не в качестве вспомогательной силы. Обвинения в агрессивной политике стали одной из причин для объявления Испанией войны Великобритании в 1796 г. Однако вряд ли их можно назвать справедливыми – тулонская операция была полностью планом адмирала Худа, британское правительство почти не имело к ней отношения. Плохо продуманная стратегия Лондона в отношении Средиземноморского региона и необходимость военных и дипломатов на местах действовать «по обстоятельствам» привели к поражению и ухудшению отношений с союзниками, что стало залогом провала всей коалиции.

---

²⁷ Minutes of the Council of War on the HMS Victory, 17 December 1793. Admiralty 1/391.

²⁸ Захват города повлек за собой массовую эвакуацию жителей. Часть из них смогли «пристроить» в Ливорно (см.: Elliot to Henry Dundas, 20 December 1793 // *Life and Letters of Sir Gilbert Elliot, the First Earl of Minto*. Vol. 2. P. 206–208).

²⁹ См.: Elliot to Dundas, 20 December 1793 // *The Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq, Preserved at Dropmore*. Vol. 2. P. 203.

Н. С. Креленко (Саратов)

E-mail: krelenkon@mail.ru

ОБРАЗЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена проблеме изменения взгляда на задачи исторической живописи в XIX в. – в эпоху распространения идей романтизма, когда история отчасти рассматривалась как политика, опрокинутая в прошлое, а историческая живопись служила иллюстрацией к историческому повествованию. В качестве источников используются произведения изобразительного искусства, представляющие собой визуальные источники.

Ключевые слова: историческая живопись, исторический миф, визуальный поворот, романтизм, государственный интерес.

На наших глазах происходит смена парадигм: если в предшествующей традиции «мир воспринимался как книга», текст, то в наше время «мир понимается как изображение»¹, клип. Изображение получает статус источника. Понятие *визуальный (пикторальный) поворот* получило достаточно широкое распространение. А богатство визуальных материалов по заявленной теме очевидно для всякого, кто войдет в залы любого художественного музея, где значительная часть картин посвящена историческим сюжетам.

Исторический жанр в европейском искусстве традиционно ценился очень высоко, но с началом XIX в. понятие исторического жанра приобрело новый смысл. Люди, жившие в условиях «века революций», остро ощущали изменчивость мира, непохожесть одной эпохи на другую.

Происходило это в условиях секуляризации общественного сознания, когда история приобрела большое значение для объяснения прошлого, ради понимания настоящего для воспитания того или иного общественного организма в духе государственного интереса, понимаемого как интерес национальный.

---

¹ Гайдук В. Л. Визуальный поворот в исторической науке в конце XX–XXI века // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13-14 июня 2013 г. М., 2014. С. 149.

История обрела новый статус – не философия, объясняющая с помощью примеров, а, скорее, политика, перевернутая в прошлое. Новый взгляд потребовал отказа от отвлеченных аллегорий в сторону достоверности факта. История в духовной жизни общества заняла место, прежде отводившееся мифу. Живопись в этой ситуации привлечена была, чтобы дополнить исторический текст наглядными образами, оживить воспоминания о прошлом, наделить прошлое убедительностью видимого образа. Живописец становится летописцем. Причем, в условиях торжества позитивистской научности исторические образы в искусстве следовало представить так, чтобы зритель ощутил «эффект присутствия» с помощью не только умелого использования пространственного построения, светотеневой моделировки, оптических эффектов, но точной передачи обстановки, одежды, этнических типов.

Проблемы времени. 1. Выбор путей обновления: революция или реформы? 2. Процессы объединительно-разъединительные на уровне государств (Германские и Итальянские земли) 3. И все это на фоне пробуждения национального самосознания. Ведь XIX в. справедливо называют «веком наций» и «веком истории», поскольку предполагалось, что история должна дать ответы на проблемы жизни наций.

Значительная роль в культурной жизни той эпохи принадлежала выставкам, в том числе художественным. В просвещенных кругах общества на выставки принято было ходить, чтобы показать себя, продемонстрировать свой культурный уровень, свою образованность. Посетители выставок внимательно читали пространственные пояснения к картинам, проверяя свои знания или пополняя их. Получалось, что оценивались не живописные достоинства полотен, а то, что было изображено, не степень одаренности мастеров, а то, каким смыслом они наполняли свои картины.

Все художники, работы которых будут рассмотрены, были профессионально состоявшимися, официально признанными современным им обществом. В данном случае речь пойдет не столько о живописных достоинствах, сколько о содержательной стороне их работ.

Пример первый. 23 сентября 1830 г. в результате одной из многих на тот момент революций на карте Европы появилось новое государство – Бельгия. Вопрос о поисках славных исторических ис-

токов вставал сам собой. В 1841 г. правительство заказало художнику Луи Галле (1810–1818) картину на тему отречения императора Карла V. Речь идет об одном из редких случаев в истории, когда правитель добровольно снимает с себя властные полномочия.

Художник использовал следующий композиционный прием: в центре стоит император Карл, он благословляет коленопреклоненного инфанта Филиппа, доверяя ему огромную часть своих владений. Но красноречивая деталь: опирается Карл на плечо стоящего рядом Вильгельма Оранского, который спустя пару десятилетий возглавит антииспанское движение. Для зрителей весь расклад был очевиден: император надеялся, что между всеми представителями властных структур возможно согласие, не предвидя того, что в результате неблагоприятных действий Филиппа Габсбурги потеряют богатейшую часть своих владений.

За это произведение Галле получил от бельгийского короля орден Леопольда, от французского правительства – орден Почетного Легиона, а от города Брюсселя – выбитую в его честь золотую медаль. В течение жизни Галле несколько раз обращался к событиям нидерландской истории XVI в., написав такие картины как «Герцог Альба в Нидерландах», «Последние часы графа Эгмонта», «Брюссельские стрелки отдают почести обезглавленным графам Горну и Эгмонту» (1851). В каждом случае он изображает своих главных персонажей с позиции оппозиции его величества, но не оппозиции его величеству. Они не призывают, не бунтуют, они лишь отстаивают справедливость и потому невольно оказываются в положении бунтовщиков и жертв обстоятельств.

Пример второй. Богатые возможности для обращений к политической истории представляла Польша, которую не склонный к сантиментам Бисмарк называл «головной болью Европы». Ян Матейко (1838–1893) – польский живописец, посвятивший все свое творчество судьбе Польши, пытаясь в красочных образах (А Матейко любил и умел создавать пылающие многоцветьем композиции) показать, почему некогда славная Речь Посполитая лишилась независимости. Одна из самых известных картин Матейко, героизирующая прошлое Польско-Литовского государства, посвящена завершающему эпизоду Ливонской войны – осаде Пскова.

Пояснение исторической ситуации: после многих лет Ливонской войны, начатой в 1558 г., в 1581 г. была предпринята попытка

мирных переговоров. Переговоры завершились неудачей, поскольку польский король Стефан Баторий отверг предложение Ивана IV о заключении мира. А затем польские войска направились в сторону Пскова и 18 августа 1581 г. подошли к этому хорошо укрепленному городу. После нескольких завершившихся неудачами попыток захватить город король убедился в бесперспективности осады, велел прекратить осадные работы, передал командование великому гетману Замойскому и отбыл в Вильно. В ходе осады русские войска и горожане проявили подлинный героизм и сумели отстоять город. С 13 декабря по 15 января шли мирные переговоры, завершившиеся Ямзапольским миром. Мирный договор сроком на 10 лет между Речью Посполитой и Русским царством был заключен 15 января 1582 г. в деревне Киверова Гора, в 15 верстах от Запольского Яма, и завершил Ливонскую войну 1558–1583 гг. Осада города была снята 2 февраля.

На полотне Я. Матейко, судя по всему, действие происходит поздней осенью, когда никаких переговоров не было. На переднем плане слева изображен король Стефан Баторий, сидящий на троне, в рыцарских доспехах, расшитом золотом плаще с обнаженной саблей и в шапке-магерке. Высокомерный, надменный взгляд полузакрытых глаз завершает театральность мизансцены, которая должна показать brutальное величие героя, подчинившего себе все, происходящее вокруг.

Со стороны «просящих мира» особо выделены художником два персонажа – коленопреклоненный владыка полоцкий Киприан, в богатом, шитом золотом облачении, на золотом блюде подносящий королю хлеб, видимо, символизирующий просьбу о пощаде. Несколько позади – по-стариковски приседающий на колени Григорий Нащокин.

В центре горизонтального холста – выразительная фигура папского легата иезуита Антонио Поссевино, который прилагал немалые усилия для распространения в России влияния папского престола. В каком-то смысле (и композиция картины это подтверждает) все, представленное художником, строится вокруг фигуры А. Поссевино.

Впечатляющее по выразительности полотно. Но сцена, изображенная на нем, при всей своей художественной убедительности не имеет отношения к подлинным событиям. Прежде всего, пере-

говоров под стенами Пскова ни в каком виде не было. Далее. В итоговых переговорах, проходивших после снятия осады и вдали от Пскова, Стефан Баторий не участвовал. Кроме того, Григорий Афанасьевич Нащокин встречался с польским королем, но годом раньше в Литве, а в итоговых переговорах не участвовал. И, наконец, помещенный в центр композиции владыка полоцкий Киприан был взят в плен поляками в 1579 г. (т. е. задолго до осады Пскова) и сгинул бесследно, а значит, в переговорах не мог участвовать.

Другими словами, сцена, представленная Матейко так ярко и убедительно, далека от исторической достоверности. Переговоры велись не там, не тогда, не теми и при других обстоятельствах. Все фобии художника, болезненно переносившего утрату Польшей политической независимости, отразились в его трактовке сюжета.

Такие вольности художник позволял себе и прежде при создании картин. В то же время точность передачи обстановки, костюмов, типажей придавала его работам убедительность, а умение выстроить театрально выразительную композицию и мастерское владение колоритом создавали сильное впечатление.

Первые этюды к картине «Баторий под Псковом» были написаны Я. Матейко в 1869 г. Через три года картина была завершена. В 1874 г. Матейко выставляет картину на выставке в Париже, где она получила большую золотую медаль, а сам художник был избран почетным членом Французской академии.

На память приходят слова М. Блока: «...наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти»². Можно к этому добавить – и использовала эту память весьма активно и разнообразно. Приведенные примеры свидетельствуют, что исторический жанр в изобразительном искусстве XIX в. не целиком, но отчасти дополнял, акцентировал такое восприятие истории, которое являлось политикой, перевернутой в прошлое.

---

² Блок М. Апология истории. М., 1986. С. 6.

Т. А. Федорова (Самара)

E-mail: Angel_924@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ШОТЛАНДСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние творчества Вальтера Скотта на формирование национальной идентичности Шотландии на рубеже XVIII – начала XIX вв. Автор анализирует исторические предпосылки формирования национального самосознания шотландцев, рассматривает особенности историко-культурного развития региона. Автор статьи приходит к выводу, что Вальтер Скотт в своих произведениях создает семиологическую систему значимостей, формирующих национальное сознание шотландского народа и, как следствие, национальную идентичность.

Ключевые слова: Вальтер Скотт, национальная идентичность, семиологическая система, Шотландия, Пограничье.

Современная геополитическая ситуация, в которой доминантным компонентом выступает процесс глобализации, вследствие чего происходит утрата этносом культурного базиса, диктует актуальность изучения механизма формирования национальной идентичности – залога успешного межнационального диалога. В современном социокультурном пространстве процесс формирования и трансформации национальной идентичности становится предметом изучения все большего числа исследователей, поскольку именно в национальной идентичности отражается состояние социума, его интегрированность, конформность, способность к консолидации и ценностные ориентации. Именно осознание национальной идентичности кроет в себе огромный потенциал для преодоления культурной разобщенности и межнациональных конфликтов.

Учитывая современную геополитическую ситуацию, необходимо именно сейчас обратить особенное внимание на формирование национального сознания и идентичности – залога успешной международной консолидации сил в борьбе с терроризмом, экстремизмом и национализмом.

Идея формирования национальной идентичности не нова. На протяжении тысячелетий истории человечества идея формирования национальной идентичности наибольшую актуальность приобретала именно в переломные, кризисные этапы исторического развития этноса, народа и государства. Именно в эти моменты особенно востребованным становится исторический нарратив как основное условие стабилизации общества путем обращения к значимым, с точки зрения современности, событиям прошлого и опыту их преодоления. По мнению Ролана Барта, исторический нарратив – это система фактов, которая является системой «значимостей», выступающих в обыденном сознании в качестве мифа¹. По сути, исторический нарратив – это конструкт исторического прошлого, это образ возможного прошлого и его предпочтительная интерпретация². Именно исторический нарратив формирует семиологическую систему исторической памяти – необходимый базисный элемент национальной идентичности.

Большинство современных исследователей отмечает, что в периоды «кризиса идентичности» особенно возрастает интерес к исторической памяти народа. В эти периоды данный вид памяти формирует базисную основу стабилизации общества. Память об истории народа формирует чувство сопричастности определенной этнической общности.

Определение «историческая память» в современной научной литературе имеет массу трактовок, что свидетельствует о процессе активного исследования данного феномена. Историческая память – это выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания³.

Необходимым условием преодоления «кризиса идентичности» народа является обращение к его исторической памяти – как политических элит, так и интеллектуалов. Одной из успешных моделей формирования национальной идентичности может служить транс-

---

¹ См.: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989. С. 97.

² См.: *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 61.

³ См.: *Тощенко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №4. С. 3–14.

формация шотландской идентичности на рубеже XVIII–XIX вв., под влиянием интеллектуальной элиты Соединенного Королевства.

В этот период Шотландия претерпевала социально-экономическую трансформацию, обусловленную быстрым экономическим ростом. Заключение Унии 1707 г. имело решающее значение для дальнейшего социально-экономического и политического развития Шотландии. Устраняя торгово-экономические и политические барьеры, Уния привела к ускоренному капиталистическому развитию сельскохозяйственной Шотландии.

В 1770 г. британский парламент принимает закон, по которому шотландские землевладельцы получали право свободно распоряжаться землей и совершать различные земельные операции. Это создало благоприятные условия для развития капитализма в шотландской глубинке – вытеснения мелких арендаторов из сельскохозяйственного производства. В результате промышленного переворота, который приходится в Шотландии на 70–80-е гг. XVIII в., происходило перемещение жителей Хайленда и Пограничья в города Центральной, Южной и Северо-Восточной Шотландии, где они становятся основным резервом свободной рабочей силы⁴. Именно этот период становится переломным моментом в процессе формирования шотландской национальной идентичности. Национальные черты, особенности языка, фольклор вызывали все больший интерес у широкой публики, поскольку выходцы из Хайленда и Пограничного края становились активными участниками социально-экономического взаимодействия как внутри Шотландии, так и в рамках Соединенного Королевства в целом. Таким образом, учитывая все возрастающую роль шотландцев, формировался социальный запрос на знакомство с «истинно шотландским» характером, особенностями культуры, историческим наследием Великой Шотландии.

Также во второй половине XVIII в. возникает политическая необходимость успешной интеграции шотландцев, так как военно-политическая угроза со стороны Хайленда была ликвидирована и, учитывая длительное противостояние между Великобританией и Францией, продолжавшееся с 1689 по 1815 гг., государственный заказ был очевиден. Соединенному Королевству необходимы были

---

⁴ См.: Зверева Г. И. История Шотландии. М., 1987. С. 96–115.

рекруты-шотландцы, регулярно поставляемые в армию ее Величества⁵.

Влияние как социальной, так и политической значимости шотландской национальной культуры не могло не встретить отклик среди шотландской интеллектуальной элиты.

С середины XVIII в. интеллектуальная элита Шотландии обращает исследовательский интерес к наследию шотландских менестрелей, дошедшее в преданиях и старинных балладах. Наиболее интересные работы в этой области принадлежат перу Джеймса Макферсона и епископа Перси. В сборнике Макферсона – поэмах Осиана, как замечает Б. Г. Реизов, было сделано самое главное: гэльское поэтическое мышление было переведено на английский язык. Осталось только откинуть то, что было добавлено Макферсоном в угоду его вкусам и вкусам эпохи⁶.

В. Скотт, будучи сыном своего народа, не мог не осознавать необходимость воссоздания гэльского величия. Именно эпос стал отправной точкой этого процесса. Сборник В. Скотта «Песни шотландской границы», вышедший в 1802–1803 гг., затем неоднократно переиздаваемый, стал апофеозом кельтского возрождения второй половины XVIII – начала XIX в. Баллады, вошедшие в сборник «Песни Шотландской границы», писатель воспринимал не столько как литературное достояние нации, но также как одну из форм исторической памяти Шотландии⁷.

В мае 1827 г. у В. Скотта появилась идея написания истории Шотландии, адресованной его шестилетнему внуку Джону Хью Локхарту. Идея появилась после успеха книги «Избранные истории из истории Англии», автором которой являлся Джон Уилсон Кропер. Но писатель считал, что Джон Кропер недооценивает способность воспринимать исторические события подрастающей молодежью⁸. И это был верный подход. Именно молодое поколение более эмоционально восприимчиво и менее критично к образам прошлого, а выбираемая историческая перспектива позволяет акцентиро-

---

⁵ См.: Малкин С. Г. Горная Шотландия конца XVII – первой половины XVIII века и романы Вальтера Скотта // Новая и новейшая история. № 2. 2010. С. 63.

⁶ См.: Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. М., 1965. С. 78.

⁷ См.: Скотт В. Вводные замечания о народной поэзии и о различных сборниках британских (преимущественно шотландских) баллад: В 20 т. / Пер. Е. Т. Танка. Т. 20. М.; Л., 1965. С. 567.

⁸ См.: Scott W. The Journal of Sir Walter Scott. Vols. 1–3. Edinburgh, 1939–1946. P. 115.

вать внимание только на необходимых событиях, с точки зрения конструктивизма⁹.

Первый том, который охватывает период между правлениями Макбета (1033–1056) и Союза корон (1603), был завершен в ноябре 1827 г. Он был опубликован 15 декабря 1827 г. с расчетом на рождественский рынок. Весь тираж был продан очень быстро.

В мае 1828 г. Скотт согласился написать вторую серию «Рассказов деда». Серия была завершена 1 сентября 1828 г. и опубликована 27 ноября. Третья серия, которая завершила повествование после событий в Коллодене (1746), появилась 21 декабря 1829 г.

Успех «Рассказов» был встречен единодушным одобрением литературного еженедельного лондонского журнала. Однако, некоторые критики, например Эндрю Биссет в «Вестминстер Ревью», осуждали Скотта за то, что он не делал нравственных выводов, излагая историю своей родины¹⁰.

Повествование по истории Шотландии В. Скотт начинает с завоевания римлянами Туманного Альбиона. Однако им не удалось покорить Горную Шотландию. Как отмечает писатель, народ Горной Шотландии был разделен на шотландцев и пиктов. Он отмечает причины, по которым Британия была разделена на две части: «британскую» и «кельтскую». Скотт пишет: «римляне вознамерились поставить предел опустошительным набегам пиктов и скоттов на равнинную Британию. С этой целью они насыпали очень длинный земляной вал от западного до восточного побережья острова, чтобы перекрыть скоттам и пиктам все пути на юг. И они построили на валу башни и разместили вдоль него цепь военных лагерей, чтобы по первой тревоге воины могли броситься отбивать приступ»¹¹.

Действительно, формирование шотландского этноса следует рассматривать со времен Римской Британии, так как важнейший топоним «Пограничье», этническая разобщенность проявляется именно в этот период истории. С IV в. опасную угрозу представляли

---

⁹ См.: Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. М., 2015. С. 44.

¹⁰ См.: Scott W. The Prose Works of Sir Walter Scott. Edinburgh, 1836. Vol. XXV. P. 351.

¹¹ Scott W. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. Humbly Inscribed to Hugh Littlejohn, Esq.: in 3 Vols. Vol. I [II–III]. Edinburgh; L., 1828. P. 7.

племена пиктов и скоттов, населявшие северные территории Шотландии. Римский историк Аммиан Марцеллин отмечает, что в IV в. не было единства даже среди пиктов потому, что они делились на две племенные группы. Эти сведения подтверждает Беда Достопочтенный в «Церковной истории народа англов», написанной в начале VIII в. Он указывает, что пикты делились на «северных» и «южных»¹².

Повествуя об истоках этнической разобщенности, В. Скотт делает акцент на «дикости» племен Пограничья. Это выверенный прием в духе конструктивистского подхода, так как, по мнению выдающегося социолога Федерика Барта, для восприятия своей идентичности народу необходимо осознание этнических границ внутри социума. Это одно из важнейших условий успешного формирования национального сознания. В свою очередь существование этнических границ, по мнению ученого, возможно лишь тогда, когда этническая общность наделяется значимыми, отличающими ее от остальных характеристиками, т. е. культурными особенностями¹³.

Интересный контекст прослеживается в повествовании об англо-саксонском завоевании Британии. Автор сообщает, что бритты уступали в мужестве и военной подготовке «диким» скоттам. По словам писателя, бритты оказались совершенно не способны самостоятельно отбиваться от варваров потому, что за время господства римлян они утратили силу и мужество¹⁴. Именно мужество и храбрость были этнической чертой горцев, позволившей сформировать «Я-концепцию», необходимый базисный компонент этнической идентичности.

Позиция В. Скотта относительно Нормандского завоевания вызывает особый интерес, так как раскрывает отношение писателя к происходящим социальным потрясениям в историческом прошлом его народа. Несмотря на то, что нормандцы несли смерть и разорение, автор объективно признает, что при них Англия стала более мощной страной. «И вы найдете много таких случаев в истории, дорогой ребенок, в которых порадовал промысел Божий, что

---

¹² См.: Глебов А. Г. Римская Британия в III–IV веках и ее падение // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 2. С. 89.

¹³ См.: Гражданская и религиозная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л. М. Дробижева. Л.; М., 2013. С. 243.

¹⁴ См.: Scott W. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. P. 7.

кажется на первый взгляд злом, приносит бесценную пользу»¹⁵. Автор в данном фрагменте делает отсылку и к событиям 1707 г., формируя у подрастающего поколения положительное отношение к случившемуся.

Образ национального героя, каким является Уильям Уоллес для Шотландии, также составляет неотъемлемую часть национального сознания. Трактовка образа всегда сосредоточена на востребованных характеристиках героя именно в современных социальных реалиях. Образ национального героя проходит процесс воссоздания образа и его мифологизацию. Особенно актуальным процесс мифологизации национальных героев становится при утрате этносом своего привычного мира и уклада, в период социальных и политических трансформаций¹⁶.

Уоллес, отмечает В. Скотт, как каждый пылкий шотландец, с великим возмущением смотрел на присвоение шотландской короны Эдуардом и оскорбления, наносимые английскими войсками его соотечественникам¹⁷. Образ Уильяма Уоллеса знаковый, так как является одной из основ национальной идентичности – мифологемы национального героя. Именно в критические периоды исторического развития наиболее полно проявляется исторический нарратив образа национального героя, поскольку он трактуется в соответствии с целями и задачами конкретного исторического периода.

В плеяду национальных героев в «Рассказах дедушки» входит также Роберт Брюсс. Значимыми чертами, говорящими о его «шотландском духе», были великодушие, обходительность, образованность¹⁸, т. е. качества, которые были наиболее актуальны именно для современников, читателей произведений В. Скотта. Хотя, упоминая о своих предках в ответ на просьбу Геральдической палаты набросать эскиз герба, сэр Скотт отмечал совершенно другие черты национального характера: «До Унии Королевств мои предки, подобно другим джентльменам Пограничного края, триста лет промышляли убийствами, кражами и разбоем...»¹⁹.

---

¹⁵ *Scott W. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. P. 15.*

¹⁶ См.: *Шнирельман В. А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1999. Вып. 2. С. 120.*

¹⁷ См.: *Scott W. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. P. 36.*

¹⁸ *Ibid. P. 61.*

¹⁹ *Scott W The Journal of Sir Walter Scott. Vol. 1 [1–3]. P. 5.*

Говоря о национальных особенностях шотландцев, Скотт пишет, что шотландец осторожный, бережливый, рачительный. У шотландцев встречаются великолепные идеи, требующие финансовой поддержки, а за неимением этой поддержки они, идеи, отдаются иностранцам. Именно преодоление экономической отсталости писатель видел целью объединения двух корон и подписания Унии 1707 г. Как пишет автор: «Лучше заключить соглашение на основе взаимных преимуществ, чем иметь риск вторжения... Шотландия станет частью империи и, совершенствуя промышленность, достигнет процветания... Английское правительство предложило отправить представителей Шотландии в английский парламент. Это даст возможность Шотландии продвигать свои торговые интересы»²⁰. Именно социально-экономические интересы Шотландии диктовали ту семиотику, тот исторический нарратив, который был воссоздан в «Рассказах Дедушки» при повествовании об Унии двух корон.

Таким образом, в исторических реалиях Шотландии конца XVIII – начала XIX вв., в период социально экономических трансформаций, на формирование национальной идентичности шотландцев особое влияние оказало творчество выдающегося писателя-романиста, историка, политического деятеля В. Скотта. Именно Скотт в духе протоконструктивизма, путем обращения к «истинной шотландскости» выстраивает дихотомию «Мы – они» – необходимый базисный элемент национальной идентичности. Также в своих работах писатель воссоздает семиологическую систему исторической памяти, прибегая к историческому нарративу. Народные баллады, национальные характеры, исторические события интерпретируются в соответствии со вкусами и запросами современной ему действительности – реалиями рубежа XVIII–XIX вв. Возросшая социальная активность шотландцев и их роль в экономической и общественно-политической жизни Соединенного Королевства диктовала необходимость формирования национального сознания – залога успеха и процветания в Британском содружестве.

---

²⁰ Scott W. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. P. 66.

О. К. Рыбалко (Саратов)

E-mail: rybalkook@gmail.com

ВЕРНЫЕ ВРАГИ ИЛИ ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ: ОБРАЗЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье анализируется роль образа врага в современных российско-американских отношениях. Освещаются причины устойчивости образов, сформированных в период холодной войны. Приводятся примеры эксплуатации данных конструктов и обосновывается некорректность их использования в реалиях постбиполярного мира.

Ключевые слова: российско-американские отношения, образ врага, холодная война, политический дискурс.

Для любого народа и государства существование враждебного другого не просто закономерно, но и жизненно необходимо. С точки зрения конструктивизма, в основе формирования национальной и государственной идентичностей лежит оформление бинарной оппозиции «свой – чужой», закрепляемой в общественном сознании¹.

Использование образа врага в процессе осуществления политики того или иного государства может служить различным целям, наиболее очевидными из которых являются патриотическая консолидация граждан и мобилизация общества перед лицом внешней угрозы, а также популяризация и обеспечение поддержки принимаемых верховной властью решений. Так, для России это одно из средств заполнения идеологического вакуума и сплочения населения в условиях отсутствия четко сформулированной национальной идеи. Для США – дополнительный инструмент для оправдания вмешательства в дела суверенных государств, наращивания военного потенциала, расширения НАТО и т. д.

Современные политологи, разделяющие взгляды К. Шмитта, утверждают, что сама политическая природа государства толкает

---

¹ См.: *Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review. 1994. Vol. 88. № 2. P. 384–396.*

его к постоянному поиску антагониста². Таким образом, для обеспечения своего существования государство должно противостоять либо реально существующей, либо мнимой угрозе. С этой позиции конфронтация США и России, наблюдаемая сегодня, является пример активной эксплуатации образа врага, хорошо знакомого со времен холодной войны.

В период биполярного противостояния институты пропаганды США и СССР приложили максимум усилий, чтобы их граждане знали врага в лицо. Сформированный образ противника был четким, детализированным, легкоузнаваемым и легко воспроизводимым. Созданные враждебные образы оказались настолько устойчивыми, что пережили слом прежней системы международных отношений и распад Советского Союза и перекочевали в новую эпоху, несмотря на то, что новые реалии российско-американских отношений значительно отличались по своим базовым характеристикам. Противостояние времен холодной войны базировалось на противоборстве непримиримых идеологических концепций и различии экономических систем. Новая Россия отказалась от коммунистической идеологии и приняла рыночную модель экономики.

На короткий срок Соединенные Штаты оказались лишены антагониста. После терактов 11 сентября 2001 г. этот вакуум ненадолго заполнил новый враг – международный терроризм, объявленный также врагом номер один и Россией. Однако уже к началу 2003 г., в связи с инициированием США вторжения в Ирак, стала заметна тенденция к новому похолоданию в российско-американских отношениях. С каждым годом эта тенденция становилась все очевиднее. Информационный фон двустороннего взаимодействия принимал все более конфронтационную окраску. Риторика официальных лиц и стиль освещения происходящих событий в СМИ возвращали память о холодной войне и вместе с ней – вызвали к жизни не успевший потускнеть образ врага – авторитарного «медведя»³, душителя свобод, с одной стороны, и империали-

---

² См.: Тюкаркина О. М. Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государства // Мир и политика. Октябрь 2013. С. 181–194; Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.

³ См., напр.: Sands D. R. Under Putin, bear reasserts primacy over 'near abroad' Soviet legacy lingers in new Russia // The Washington Times. February 8, 2004.

стического «волка», который «знает, кого кушать» и при этом «никого не слушает»⁴, с другой.

По объективным причинам исламский радикализм и международный терроризм – гораздо более опасный, непредсказуемый и жестокий враг для США (и для всего человечества), чем Россия. Это борьба на уровне конфликта цивилизаций. Говоря о войне с террором, есть основания настаивать на наличии между сторонами непреодолимых противоречий, которые необходимо решать военными методами. Тем не менее, с 2007 г.⁵ до сегодняшнего дня в качестве основного антагониста США все чаще называют Россию, на которую проецируется образ врага, наделенного хорошо знакомыми чертами и характеристиками.

Есть основания полагать, что именно стабильность, проработанность и привычность враждебного образа России делает его в глазах части американской политической элиты столь привлекательным и удобным для эксплуатации. Государству необходим такой враг, которого потенциально можно победить – примерно равный по силе, понятный, узнаваемый, желательно персонифицированный. Международный терроризм в этом отношении слишком аморфен и культурно чужд. У него нет лица – у него тысяча лиц. Он непредсказуем, а его восприятие обыденным общественным сознанием возможно лишь через максимальное упрощение до категории абсолютного зла. Это очень мощный образ, вызывающий в обществе панику и работающий на краткосрочную перспективу. При активном его использовании, на волне страха американцев перед новой атакой террористов, якобы обладающих оружием массового уничтожения, Соединенные Штаты, обойдя решение ООН, развязали войну в Ираке. Однако на долгосрочную перспективу этот образ работать не может – постоянно держать общество в состоянии паники невозможно. Кроме того, оказалось, что возможность быстрой триумфальной победы США в войне с террором крайне сомнительна.

---

⁴ См.: Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 10 мая 2006 года [электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23577> (дата обращения: 01.09.2017).

⁵ Символической стала знаменитая «Мюнхенская речь» В. В. Путина на Конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. По мнению многих аналитиков, она знаменовала начало «новой холодной войны». С этого момента российско-американские отношения неуклонно ухудшались. Провал политики «перезагрузки» Б. Обамы стал подтверждением устойчивости негативного вектора.

Россия в образе врага для Америки гораздо ближе, более предсказуема, «роднее». Этот образ, с одной стороны, знаком и персонафицирован, с другой – в отличие от международного терроризма, многоцветен, противоречив, обладает массой нюансов и оттенков. И, что немаловажно, снабжен четкой инструкцией по его эксплуатации – комплексом приемов и механизмов воздействия. Наиболее популярным приемом, напоминающим о холодной войне, является ассоциация с Россией с Советским Союзом. Большой резонанс в 2012 г. вызвала предвыборная кампания Митта Ромни, сделавшего гвоздем своей внешнеполитической программы возвращение «советской угрозы». В одном из своих выступлений Ромни, позже извинившись за оговорку, заявил, что президент Обама «заключил с Советским Союзом» договор СНВ-III⁶. Подобные «оговорки» допускали и советники кандидата. В частности, Джон Леман, при Р. Рейгане занимавший пост министра ВМС, высказал озабоченность тем, что, пока Обама отстранился от поддержания стабильности в мире, «Советский Союз захватывает Арктику безо всякого ответа со стороны США»⁷

В качестве примера можно также привести публикации в американских СМИ, освещающих Олимпиаду-2014 в Сочи. Ряд изданий, включая Time, поместили на обложку иллюстрации, сходные с теми, что использовались в 1980 г., когда США бойкотировали Олимпиаду в Москве – мрачные медведи в ушанках, олимпийские кольца в виде наручников и колючей проволоки и т. п.⁸

Примеров спекуляций на теме холодной войны множество с обеих сторон. Российские политики и СМИ также активно оперируют термином «холодная война». В очередной раз тезис о том, что Россия и Запад «скатились во времена новой холодной войны», прозвучал на Мюнхенской конференции в феврале 2016 г. от

---

⁶ См.: *Gehrke J.* Romney: Obama taking “free economy” from America [electronic resource] // Washington Examiner. April 20, 2012. URL: <http://www.washingtonexaminer.com/romney-obama-taking-free-economy-from-america/article/1242771> (date of access: 01.09.2017).

⁷ Romney’s campaign brings up “Soviet” threat [electronic resource] // CNN Political Unit. April 26, 2012. URL: <http://politicalticker.blogs.cnn.com/2012/04/26/romneys-campaign-brings-up-soviet-threat/> (date of access: 01.09.2017).

⁸ См.: В кампании против Олимпиады в Сочи используются образы 30-летней давности [электронный ресурс] // RT на русском. 12 февраля 2014. URL: <https://russian.rt.com/article/22110> (дата обращения: 01.09.2017).

Д. А. Медведева⁹. В большинстве случаев подобные высказывания появляются в ответ на недружественные заявления и действия американской стороны, как то шаги по расширению НАТО, введение санкций или раздувание «шпионских» скандалов. Однако существуют примеры того, как конфронтационная, враждебная риторика строится по инерции, действительно возвращая политический процесс в русло былой вражды.

Показателен в этом отношении факт настойчивого использования представителями российской военной и политической элиты фальшивой цитаты, приписанной все тому же Митту Ромни. В сокращенном виде цитата выглядит так: «Наша задача – заставить Россию пожрать себя изнутри, внося смуту и раздор в общество этой страны... Мы заставим русских взяться за оружие. Мы настроим чеченцев, татар, башкир против русских. Мы обязаны заставить их драться друг с другом. Мы обязаны умножить действия, направленные на дискредитацию Православной церкви в России... Мы разрушили СССР – разрушим и Россию». Этот текст был сгенерирован и опубликован в сентябре 2012 г. на сатирическом портале Fognews, специализирующемся на ложных новостях с целью «высмеивания глупости и абсурда»¹⁰. Сам Ромни, хоть и называвший в пылу предвыборных дебатов Россию «геополитическим противником № 1 для Америки»¹¹, к сентенции, откровенно стилизованной и выдержанной в духе «Плана Даллеса», отношения не имел. Тем не менее, эта новость после ее опубликования была подхвачена и растиражирована рядом российских новостных сайтов¹². В сентябре 2016 г. цитата была использована в выступлении начальника Академии Генштаба российских Вооруженных сил на форуме «Армия-

---

⁹ См.: Выступление Дмитрий Медведева на Мюнхенской конференции. Полный текст [электронный ресурс] // Тасс. Информационное агентство России. 13 февраля 2016 г. URL: <http://tass.ru/politika/2665688> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁰ *Coalson R.* Did Mitt Romney Really Say He Intends To “Destroy Russia”? [electronic resource] // Radio Free Europe. September 07, 2016 URL: <https://www.rferl.org/a/russia-general-uses-fake-romney-quote/27973801.html> (date of access: 01.09.2017).

¹¹ *Goodenough P.* Romney Blasted in Moscow for Calling Russia “Our № 1 Geopolitical Foe” [electronic resource] // CNSNews.com. March 28, 2012 (date of access: 01.09.2017).

¹² См.: *Насонов Ю.* Митт Ромни не исключил войны с Россией [электронный ресурс] // Newsland. 19.09.2012. URL: <https://newsland.com/user/4297698449/content/mitt-romni-ne-iskliuchil-voiny-s-rossiei/4393567>; Митт Ромни не исключил войны с Россией [электронный ресурс] // Око планеты. 21.09.2012. URL: <https://oko-planet.su/politik/politikmir/139195-mitt-romni-ne-isklyuchil-voyny-s-rossiey.html> (дата обращения: 01.09.2017).

2016»¹³, а в августе 2017 г. снова выдавалась за квинтэссенцию стратегии США лидером КПРФ Г. А. Зюгановым¹⁴.

Следует отметить, что концепт «холодная война» сам по себе максимально ассоциативен и эмоционально определен, нагружен смыслами. Будучи воспроизведен, он моментально вызывает в общественном сознании набор образов, сюжетов, символов. Даже использованный в контексте его отрицания, в призывах «отбросить мышление эпохи холодной войны» или «не допустить новой холодной войны», он приводит общество в тревожное состояние боевой готовности.

При этом и концепт, и образ врага, вызываемый им, очень категоричны. Враг – это носитель непримиримой, имманентно враждебной позиции, несущий угрозу существованию. Война – это крайняя стадия разрешения конфликта. Подобные категории, были уместны в отношениях СССР и США в период противостояния двух сверхдержав, когда наличие крайних, полярных позиций и угроза гарантированного взаимного уничтожения служила основой стабильности миропорядка. Картина мира сегодня значительно усложнилась. Постбиполярный мир представляет собой сложную динамику партнерства и соперничества, кооперации и противоборства. При невозможности полного исключения конфронтации из области межгосударственных отношений вообще и из сферы российско-американского взаимодействия, в частности, видится необходимым преодоление опасной инерции холодной войны через трансформацию политического и академического дискурсов, через замещение образа врага на конструкты, более соответствующие современным реалиям. Не всякое конфликтное восприятие предполагает вражду. Кроме крайней позиции «друг – враг», существует множество промежуточных состояний – оппонент, соперник, противник. Эти понятия предполагают несогласие, расхождение позиций, споры, соперничество, борьбу, но не вражду и не военное противостояние.

---

¹³ См.: *Coalson R.* Did Mitt Romney Really Say He Intends To “Destroy Russia”? [electronic resource] // Radio Free Europe. September 07, 2016 URL: <https://www.rferl.org/a/russia-general-uses-fake-romney-quote/27973801.html> (date of access: 01.09.2017).

¹⁴ См.: «10 шагов к достойной жизни». Экономическая программа КПРФ. [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. 21.08.2017. URL: <http://www.vestifinance.ru/videos/35603> (дата обращения: 01.09.2017).

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ: РЕАЛИИ И ОБРАЗЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XIX–XX ВВ.

А. Н. Поздняков (Саратов)

E-mail: alnikpoz@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА АЛЕКСАНДРА I ПО ОТЧЕТАМ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (1802–1804 гг.)

Аннотация. В статье показана деятельность по переустройству системы образования в первые годы реализации образовательной реформы Александра I. Основным источником являются отчеты министра народного просвещения П. В. Завадовского за 1802–1804 гг. Данный период был наиболее важным в процессе реформирования образования. Именно тогда была разработана концепция реформы, заложена ее нормативная база. Эта деятельность сопровождалась изучением положения дел на местах. Полученные сведения во многом определяли направления работы по разработке реформы, ее реализации.

Ключевые слова: образовательная реформа; министерство народного просвещения; учебные округа; народные училища; гимназии; университеты.

В число важнейших результатов правления императора Александра I вошли качественные изменения в сфере образования страны, создание стройной, взаимосвязанной, обладавшей своей особой логикой образовательной системы. Осуществлявшаяся образовательная реформа стала предметом исследования российских ученых еще в XIX – начале XX вв. Тогда был издан ряд крупных работ, посвященных периоду правления Александра I. Достаточно большое внимание в них было уделено проблемам развития народного образования. Особое место среди этих изданий заняли труды М. И. Богдановича¹, Н. К. Шильдера², С. В. Рождественского³

---

¹ См.: *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время: В 6 т. СПб., 1869–1871. Т. 1. СПб., 1869.

² См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1896–1898. Т. 2. СПб., 1897.

и др. Сохраняется научный интерес к образовательной реформе Александра I и в современных условиях. Среди опубликованных статей можно назвать работы Е. А. Калининой⁴, Ю. Е. Грачевой⁵, А. Н. Позднякова⁶.

В настоящей статье делается попытка показать образовательную реформу Александра I через призму взглядов и оценок тогдашнего министра народного просвещения графа П. В. Завадовского. Основой для их изучения явились его отчеты императору.

В числе первых шагов, положивших начало реформированию системы образования, было создание Министерства народного просвещения. Важно подчеркнуть, что, появившись в соответствии с Высочайшим указом от 8 сентября 1802 г., образовательное ведомство находилось среди восьми вновь созданных министерств. Одно их перечисление свидетельствовало о той значимости, которая придавалась народному просвещению в тот период. Создавались министерства: «1. Военных сухопутных, 2. Морских сил, 3. Иностранных дел...; 4. ...Юстиции, 5. Внутренних дел; 6. Финансов, 7. Коммерции, и 8. Народного просвещения»⁷. Одновременно с созданием министерств была установлена обязанность министров ежегодно представлять императору отчетные доклады. «Каждый из министров, – говорилось в статье XII Высочайшего манифеста, – в конце года должен подавать Нам чрез Правительствующий Сенат письменный отчет в управлении всех вверенных ему частей...»⁸.

Министром народного просвещения был назначен граф П. В. Завадовский. Он уже имел опыт руководства образовательной

---

³ См.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.

⁴ См.: *Калинина Е. А.* Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 года // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 192–202.

⁵ См.: *Грачева Ю. Е.* История возникновения Министерства народного просвещения в отечественной историографии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 4 (65). С. 58–69.

⁶ См.: *Поздняков А. Н.* Образовательная реформа Александра I: некоторые суждения и оценки в русской историографии XIX – начала XX вв. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 5–10.

⁷ Об учреждении министерств. Манифест от 8 сентября 1802 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: В 45 т. Т. 27. СПб., 1830. С. 244.

⁸ Об учреждении министерств. Манифест от 8 сентября 1802 года // Там же. С. 247.

сферой в период правления императрицы Екатерины II. Как характеризовал П. В. Завадовского автор изданного еще в начале XX в. «Исторического обзора деятельности Министерства народного просвещения» С. В. Рождественский, тот был типичным представителем «вельможной среды» второй половины XVIII в. Однако, «не обладая творческим умом и энергией, он не испортил... ни одного крупного дела, которым руководил: в деятельности... Министерства народного просвещения под управлением Завадовского нельзя указать таких пробелов и промахов, в которых можно было бы обвинить лично его»⁹.

Наиболее важным периодом в процессе реформирования системы образования являлись 1803–1804 гг. Это было время наиболее горячей работы министерства: создавались центральные учреждения, формировались учебные округа, разрабатывались уставы учебных заведений. Не случайно ежегодные всеподданнейшие отчеты министра П. В. Завадовского, относившиеся именно к указанному периоду, были включены в изданный в 1902 г. «Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения»¹⁰.

В отчетах П. В. Завадовского в качестве одного из первых мероприятий вновь созданного министерства называлось изучение реального положения дел в сфере народного образования, «дабы заметить степень прежнего просвещения и тем удобнее предпринять меры к возвышению оно»¹¹. Анализ полученных сведений с мест позволил министерству выявить главные проблемы, которые, по утверждению П. В. Завадовского, мешали развитию образования. Они состояли «в недостатке» единства в управлении, в слабом внимании «местного начальства» к училищам и лицам, «коим вверено образование юношества», в неуважительном отношении к ним, ничем не ободряемых «к служению тщательнейшему».

Одновременно с этим, по отзывам «визитаторов», посещавших губернии, местные жители были «более или менее наклонны к

---

⁹ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. С. 38.

¹⁰ См. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения: В 4 т. СПб., 1893–1902. Т. 4. Вып. 1. СПб., 1902.

¹¹ Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1802 год // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 4. Вып. I. Стб. 2.

учению». Сформировавшиеся у них предубеждения относились не к «самому учению», а к тому, как оно было организовано в имевшихся училищах. Сами училища чаще всего представляли собой жалкий вид. Так, в Новгородской и Псковской областях, по оценкам «визитаров», «училищные дома» были «езде почти в худом состоянии, ветхи, тесны и не опрятны»¹². «Также и малое число вообще учащихся в народных училищных заведениях, – писал П. В. Завадовский, – не должно быть мерою понятия о наклонностях народа к просвещению; ибо самих заведений сих весьма недостаточно»¹³. Так, в Московском учебном округе из 138 городов, посадов и «знатнейших сел» народные училища имелись только в 83-х. В Санкт-Петербурге срочно требовалось, «по невмещению великого числа желающих учиться», открытие трех народных училищ, а также губернской гимназии.

Тревогу вызывало и положение дел в ранее благополучных областях. Характеризуя ситуацию в Виленском учебном округе, П. В. Завадовский отмечал, что по 1799 г. здесь существовала «взаимная связь» между учебными заведениями. Однако в силу различных обстоятельств, которые министр не счел нужным подробно «изъяснять», эта связь была разрушена. В результате П. В. Завадовский вынужден был констатировать, что «уменьшение успехов в тамошних училищах произошло наипаче от того, что нижние училища, перестав быть подчиненными вышним, поручены разным начальствам, не имеющим между собою взаимной связи»¹⁴.

Обсуждение возможных мер по изменению существовавшего положения дел в области народного просвещения привело к осознанию необходимости создания новой системы образования. При этом принималась во внимание необходимость обеспечения уровня образования, «приличного каждому». В связи с этим предполагалось учредить «четыре рода училищ». «Училища первой степени, – отмечалось П. В. Завадовским, – в селах и приходах; второй – для состояния имеющих нужду в высшем пред поселянами просвеще-

---

¹² Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1803 год // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 4. Вып. I. Стб. 162.

¹³ Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1803 год. Стб. 125.

¹⁴ Там же. Стб. 141.

нии, в каждом уездном городе; третьей – для желающих иметь обширнейшие познания в каждом губернском городе под именем гимназий; а для тех, которые совершенно посвящают себя наукам, ...прибавить к существующим университетам еще три оных: в Санкт-Петербургском округе, в Харькове и Казани; а со временем в Киеве, в Устюге Великом и в Тобольске»¹⁵. Взаимосвязанная система этих четырех типов учебных заведений должна была обеспечить для каждого социального слоя соответствующий уровень образования.

Разработанный план был представлен императору. Как отмечал П. В. Завадовский, «по Высочайшем рассмотрении оногo» «состоялись» «Предварительные правила народного просвещения»¹⁶, Указ Правительствующему Сенату о назначении попечителей каждому Университетскому округу с причислением к ним «некоторого числа губерний»¹⁷.

В результате реализации названных указов территория страны была поделена на 6 учебных округов, во главе которых стояли попечители. В округах создавалась система образования, представлявшая собой взаимосвязанную сеть учебных заведений. В каждом церковном приходе или двух вместе необходимо было иметь, по крайней мере, одно приходское училище, в каждом уездном городе – одно уездное училище, а в каждом губернском городе, «сверх нижних училищ», гимназию. Центральное место должны были занять соответствующие университеты. Во главе учебного округа становился попечитель.

П. В. Завадовский констатировал, что все, установленное императорскими указами, «самым естественным образом устроило постепенную зависимость училищ одного от другого, привело в действие учреждение училищных округов с их университетами и назначение каждому таковому округу попечителя, который бы имел ближайшее на оный влияние и благоразумною деятельно-

---

¹⁵ Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1802 год. Стб. 4.

¹⁶ См.: Об устройстве училищ. Именной указ, данный Сенату, от 24 января 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 27. С. 437–442.

¹⁷ См.: Об учреждении учебных округов с назначением для каждого особых губерний. Именной указ, данный Сенату, от 24 января 1803 года // Там же. С. 442.

стью своею одушевлял бы весь состав вверенного ему отделения...»¹⁸.

Формирование в округах образовательных систем, а в конечном итоге единой общероссийской системы образования, требовало дальнейшей работы по формированию соответствующей нормативной базы. П. В. Завадовский подчеркивал, что работа над реализацией этой задачи активно осуществлялась. Созданное при Министерстве народного просвещения Главное правление училищ, как отмечал он, пришло к выводу, что «наилучшим образом в том успеет», разработав прежде общий устав, который мог бы служить образцом для уставов частных. Для этого, члены Правления «разделили между собою труд сей», а затем, вновь объединившись, написали «постановления университетам и подведомым им училищам».

П. В. Завадовский подчеркивал, что разработанные проекты «были собранием зрелых и на опыте основанных познаний, приобретенных в просвещеннейших странах Европы, и, служа надежной нитью в частных постановлениях, с большею либо меньшею разностью были применяемы к местным обстоятельствам учебных заведений»¹⁹. В результате были составлены «грамоты, уставы и штаты» университетов Московского, Харьковского и Казанского а также устав гимназий, уездных и приходских училищ, «подведомых университетам»²⁰.

Особенностью осуществлявшихся преобразований в сфере народного просвещения являлось активное участие в них различных слоев населения. Это получило отражение и в отчетах министра П. В. Завадовского. Так, он отмечал, что в Пензе главное народное училище было преобразовано в гимназию, «на содержание коей

---

¹⁸ Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1802 год. Стб. 5–6.

¹⁹ Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1803 год. Стб. 106.

²⁰ См.: Устав Императорского Московского университета. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 28. СПб., 1830. С. 570–589; Устав Императорского Харьковского университета. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 года // Там же. С. 589–607; Устав Императорского Казанского университета. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 года // Там же. С. 607–626; Устав учебных заведений, подведомых университетам. Высочайше утвержден 5 ноября 1804 г. // Там же. С. 626–647.

тамошнее дворянство положило ежегодно от своих доходов вносить в дополнение к сумме по штату... три тысячи рублей»²¹.

«Великие пожертвования от тамошнего дворянства» в размере 400 тыс. рублей, – писал П. В. Завадовский, – получил Харьковский университет. Харьковская городская дума представили список купцов, пожелавших в течение 10 лет вносить в пользу университета «по одному проценту с четвертью с объявленного им капитала». Сверх того «купечество и гражданство» пообещало на это же «половину откупной винной суммы, в пользу городов пожалованной». Свои пожертвования внесли и «прочих же городов купечество и гражданство».

Так выглядела, судя по официальным отчетам министра народного просвещения графа П. В. Завадовского, деятельность по развитию системы образования страны, осуществлявшаяся в первые годы реализации образовательной реформы. Это были очень важные, однако, только первые шаги по пути создания новой системы образования России. Как писал еще в 1902 г. историк русского образования С. В. Рождественский, преобразования не замедлили «встретиться с очень серьезными препятствиями»²². Среди них он называл недостаток «педагогического персонала», скудость материальных средств, недоверие общества к новой системе просвещения. Например, преобразование старых народных училищ и открытие новых должно было совершаться «под ближайшим руководством» директоров гимназий и смотрителей уездных училищ, однако кадровый состав тех и других в начале реформы «совершенно не соответствовал» важности возлагаемой на них задачи. Еще более серьезным препятствием на пути успешного проведения реформы был «крайний недостаток» в учителях. Материальная необеспеченность и низкое социальное положение учителя «отвращали» учащуюся молодежь от педагогической деятельности. Этот труд менее чем какой-либо другой «встречал сочувствие» со стороны сословных традиций общества. На устранение этих и других препятствий и была направлена последующая деятельность Министерства народного просвещения.

---

²¹ Всеподданнейший отчет по Министерству народного просвещения за 1804 год // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 4. Вып. I. Стб. 419.

²² *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. С. 67.

В. М. Аникин (Саратов)

E-mail: AnikinVM@yandex.ru

К 100-ЛЕТИЮ ВЫСШЕГО ФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВЕ

Аннотация. В статье приводятся краткие сведения о событиях и биографиях людей, с которыми связано возникновение и последующее развитие физической науки и образования в Саратовском университете.

Ключевые слова: П. Н. Лебедев, В. Д. Зёрнов, А. А. Мануйлов, Н. Н. Семёнов, Саратовский университет, физический факультет.

Годы 2016 и 2017 отмечены солидными юбилейными датами из истории российской физики и Саратовского университета. 100 лет назад, 1 июля 1917 г., Временным правительством было принято решение об открытии в Саратовском университете физико-математического факультета¹.

А. А. Мануйлов. Пост министра народного просвещения в действовавшем в то время первом составе Временного правительства занимал профессор Александр Аполлонович Мануйлов (1861–1929)². К истории Саратовского университета он причастен не только своей министерской подписью. Находясь в 1909 г. на посту ректора Московского университета, Мануйлов направил приветствие «новорожденному брату» – Саратовскому университету, в котором, в частности, говорилось: «Открытие Саратовского Университета – великое торжество, не только местное, но и национальное, праздник русской высшей науки, подчиняющей своему непосредственному воздействию новый обширный район Русского Государства»³.

Ректорство Мануйлова пришлось на сложный период политических волнений российского студенчества. В 1911 г., в отличие от руководства Петербургского университета, Мануйлов не стал ис-

---

¹ См.: Аврус А. И., Гапоненко А. А., Данилов В. Н. История Саратовского университета. 1909–2009: В 2 т. Т. 1. 1909–1945. Саратов, 2009. С. 222.

² См.: Хотеев В. «Уравновешенная натура духовного европейца» (министр народного просвещения А. А. Мануйлов) // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 118–132.

³ Аврус А. И., Гапоненко А. А., Данилов В. Н. История Саратовского университета. 1909–2009. Т. 1. С. 264.

кать дипломатических путей для сглаживания конфликтов между митингующими студентами и полицией, выполнявшей распоряжение правительства о недопущении на территории учебных заведений собраний студентов, не связанных с учебной и научной деятельностью, а подал прошение об отставке. Это прошение было удовлетворено «с избытком»: приказом министра Л. А. Кассо ректор А. А. Мануйлов, его помощник М. А. Мензбир и проректор П. А. Минаков были уволены из университета. Это послужило «стартом» (в знак солидарности с университетским руководством) к исходу части профессоров и доцентов из Московского университета в другие высшие учебные заведения Москвы, главным образом в Московский народный университет, созданный на средства мецената А. Л. Шанявского.

Обращает на себя внимание тот факт, что, став в 1917 г. министром, Мануйлов издал приказ о восстановлении ушедших из Московского университета профессоров на прежние должности и об ... увольнении занявших их места, что, впрочем, привело к кадровому обогащению провинциальных университетов. В частности, в Саратов приехал будущий член-корреспондент Академии наук СССР, выдающийся химик Владимир Васильевич Челинцев⁴.

Для сравнения можно отметить, что студенческие волнения в Киевском политехническом институте начале 1900-х гг. вызвали иную «воспитательную» реакцию тогдашнего министра финансов России С. Ю. Витте (в его ведомстве находился этот институт), которую можно рассматривать с позиции государственного подхода к высшему образованию: всех пропустивших занятия студентов ... оставили на второй год. Вот что писал (в воспоминаниях о Д. И. Менделееве) уроженец Хвалынска, будущий физикохимик и крупный специалист в области силикатной и цементной промышленности, член-корреспондент Академии строительства и архитектуры СССР И. Ф. Пономарев(1882–1982): «В феврале 1903 года в Киевском политехническом институте в торжественной обстановке защищал дипломные работы первый выпуск инженеров-механиков, строителей, химиков-технологов, а также агрономов, поступивших в институт в 1898 году... Государственная экзамена-

---

⁴ См.: Аврус А. И., Саунин И. В., Соломонов В. А. Саратовцы – академики и члены-корреспонденты Российской академии наук: Биобиблиографические очерки. Саратов, 2005. С. 323.

ционная комиссия, председателем которой был великий химик Д. И. Менделеев, работала не в обычное время. Интересна, например, такая деталь. В соответствии с учебным планом в политехническом институте был установлен четырехгодичный срок обучения. Первый выпуск инженеров и агрономов должен был произойти не в феврале 1903, а в мае 1902 года. Но в 1901–1902 учебном году в Киевском политехническом институте происходили частые студенческие волнения, сопровождавшиеся забастовками. На них ушло около 12 учебных недель (из 28 по плану).

Министр С. Ю. Витте издал приказ: «В течение учебного года господа студенты длительное время не занимались. Поэтому они не могут хорошо подготовиться к экзаменам. Приказываю оставить всех студентов на второй год»⁵.

Отставкой закончилась деятельность А. А. Мануйлова и на посту министра Временного правительства. Управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков отмечал: «Специальная его деятельность в качестве министра народного просвещения не отличалась той авторитетностью, которой можно было от него ожидать. Очень возможно, что это была не его вина, не вина его личных качеств. При других, более, нормальных условиях эти качества сделали бы из него образцового министра просвещения, так как не может быть сомнения ни в его широких взглядах, ни в его больших знаниях, ни в общих положительных сторонах его как политика и администратора. Но, по существу, он не был боевой натурой, борцом. Он и раньше главным методом борьбы избирал подачу в отставку. Это, может быть, было правильно при Кассо, но здесь, в данный момент, требовалось что-то другое. Мануйлов, быть может, оказался бы вполне подходящим на посту министра земледелия, хотя мне представляется, что он вообще не подходил по своему темпераменту, по настроению к данному революционному моменту. Он не импонировал никому. И вместе с тем его уравновешенной натуре духовного европейца глубоко претила та атмосфера безудержного демагогического радикализма»⁶.

П. Н. Лебедев и В. Д. Зёрнов. 5 сентября 1917 г. первым деканом физико-математического факультета был избран экстраор-

---

⁵ Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. М., 1973. С. 143–145.

⁶ Набоков В. Д. Временное правительство // Наше наследие. 1990. № 6. С. 69–70.

динарный профессор Саратовского университета Владимир Дмитриевич Зёрнов (1878–1946). К тому времени уже функционировали возглавляемые им кафедра физики и Физический институт, специальный корпус для которого был построен в 1914 г. (надпись в старой орфографии «Физический институтъ» и по сей день украшает фронтон третьего корпуса СГУ).

Защитивший в Московском университете в 1909 г. магистерскую диссертацию под руководством великого русского физика-экспериментатора Петра Николаевича Лебедева (1866–1912), Зёрнов, несомненно, обладал ярко выраженными организаторскими способностями. За короткое время он, курируя строительство физического корпуса, смог оснастить его лаборатории, приобрести учебно-научную литературу и сформировать первую группу высококвалифицированных сотрудников (Н. П. Неклепаев, В. Е. Сребницкий, И. М. Серебряков, К. А. Леонтьев), входивших в научную школу П. Н. Лебедева – П. П. Лазарева.

Зёрнов был назначен профессором в Саратовский университет непосредственно по рекомендации Лебедева⁷. При этом, решая «самосогласованную» задачу строительства здания Физического института, оснащения его научным и демонстрационным оборудованием, библиотекой, Зёрнов постоянно советовался с Петром Николаевичем (в Музее физических приборов и лекционных демонстраций хранится записная книжка, подаренная Зёрнову Лебедевым с его «подсказками»), а также, пользуясь его рекомендательными письмами, совершил поездку по университетам Европы, перенимая опыт организации учебного процесса⁸. В день открытия Саратовского университета 6 (19) декабря 1909 г. Лебедев прислал Зёрнову поздравительную телеграмму, которая ныне хранится в созданном Зёрновым музее физических приборов⁹.

Лебедев создал собственную эффективную систему подготовки научных кадров¹⁰. Из научной школы П. Н. Лебедева и его ученика,

---

⁷ См.: Научное наследство. М., 1990. Т. 15: Научная переписка П. Н. Лебедева / Сост. и авт. коммент. Е. И. Погребысская; отв. ред. В. А. Фабрикант. Письмо 35б.

⁸ См.: Зёрнов В. Д. Записки русского интеллигента / Публ., вступ. ст., коммент. и указ. имен В. А. Соломонова; под ред. А. Е. Иванова. М., 2005.

⁹ См.: Аникин В. М. «Фабрика молодых физиков» П. Н. Лебедева и Саратовский университет // Успехи физических наук. 2016. Т. 186, вып. 2. С. 169–173.

¹⁰ См.: Феномен научной школы: история, типология получения и передачи знаний, психология коммуникаций / В. М. Аникин, Б. Н. Пойзнер, Э. А. Соснин, А. В. Шувалов; под общ. ред. В. М. Аникина. Саратов, 2015.

коллеги и друга П. П. Лазарева вышли, в частности, шесть академиков (в том числе будущий Президент Академии наук СССР С. И. Вавилов), пять членов-корреспондентов Академии наук, десятки докторов наук.

Главные составляющие лебедевской стратегии подготовки ученых: тщательное продумывание заданий студентам-практикантам (немного утрированно говоря, буквально вплоть до указаний, где и кого взять молоток и гвозди, в каком месте забить гвоздь и с какой силой ударять молотком!), терпимость и всесторонняя помощь, выразившаяся, в частности, в написании за учеников на немецком языке статей от их имени для публикации в зарубежных журналах, освобождение учеников от рутинных заданий.

150-летие со дня рождения Петра Николаевича Лебедева отмечалось в 2016 г.

Н. Н. Семёнов. 2016 г. был насыщен юбилейными датами, связанными с биографией уроженца Саратова, лауреата Нобелевской премии по химии за открытие цепных разветвленных реакций, академика Николая Николаевича Семёнова (1896–1986): 120 лет со дня рождения, 60 лет присуждения Нобелевской премии, открытие парного памятника с интересной композицией Н. Н. Семёнову и его сподвижнику Ф. И. Дубовицкому в наукограде Черноголовка. Академик Н. Н. Семёнов с 1930-х гг. активно участвовал в формировании в Саратовском университете учебно-образовательных направлений в области химической физики¹¹.

Есть один общий замечательный момент в биографиях великих русских физиков Петра Николаевича Лебедева и Николая Николаевича Семёнова: оба «загорелись» физикой после встречи с увлеченными людьми. А интерес – это ведь базовый двигатель прогресса в образовании и науке. Знакомый семьи Лебедевых инженер Александр Николаевич Бекнев показал 12-летнему Пете Лебедеву опыты с электричеством, которые, по словам Лебедева, произвели в его мирозерцании «колоссальный переворот». А 16-летнего Николая Семёнова в выпускном классе училища потряс своей увлеченностью и эрудицией молодой преподаватель физики Владимир Иванович Кармилов (1889–1954), выпускник Казанского университета, выходец из многодетной семьи сельского школьного

---

¹¹ См.: *Аникин В. М.* Николай Николаевич Семёнов: фрагменты научной биографии. Саратов, 2017.

учителя Аткарского уезда Саратовской губернии, работы которого в середине прошлого столетия стимулировали волну интереса к проблемам магнитотерапии в нашей стране¹².

Для характеристики значимости научной школы Н. Н. Семёнова достаточно назвать такие имена: Я. Б. Зельдович, В. Н. Кондратьев, Ю. Б. Харитон, К. И. Щелкин, Н. М. Эммануэль, А. Е. Шиллов, Д. А. Франк-Каменецкий и др.

Одной из удивительных особенностей Николая Николаевича Семенова было необыкновенно быстрое проникновение в научный материал. И зрелые ученые, и аспиранты старались представить ему материалы своих исследований, оправданно рассчитывая на его объективную оценку и видение направлений будущей работы.

Многие годы Н. Н. Семёнов поддерживал развитие научных исследований в открытой им новой области науки – химической физики на физическом факультете Саратовского университета, выпускники которого (всегда радушно встречаемые им) проходили практику в Институте химической физики (ИХФ) и на возглавлявшейся Семёновым кафедре химической кинетики МГУ, а впоследствии плодотворно трудились, в частности, и в ИХФ (В. П. Балахин, В. И. Веденеев, Е. Е. Никитин, А. М. Чайкин и др.).

В 1983 г. Н. Н. Семёнов с небольшой делегацией Института химической физики побывал на своей родине – Саратове и встретился со студентами и преподавателями физического и химического факультетов университета.

Лебедева и Семёнова объединяет еще одно свойство – они никогда не ставили в числе авторов своих имен в статьях своих учеников. Культивируемая ими научная этика и научный авторитет не позволяли им делать это.

70-летие физического факультета. Большой этап развития физического образования и науки в Саратовском университете «обрамляют» два незаурядных события, которые могут рассматриваться как факты признания достижений саратовских физиков. В 1928 г. в Большой физической аудитории третьего корпуса СГУ прошло выездное заседание VI Всесоюзного съезда физиков, в

---

¹² См.: Аникин В. М. Физик-инноватор, земляк, учитель и друг Н. Н. Семёнова Владимир Иванович Кармилов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Физика. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 44–54 (вариант статьи доступен на сайте журнала «Успехи физических наук» в разделе «Трибуна УФН». URL: <https://ufn.ru/tribune/trib128.pdf>).

котором приняли участие пять будущих нобелевских лауреатов¹³. А в 2012 г. в той же аудитории состоялся XX Международный симпозиум «Наноструктуры: физика и технологии» под руководством лауреата Нобелевской премии академика Ж. И. Алферова¹⁴.

В 1945 г. был образован самостоятельный физический факультет, в праздновании 70-летия которого в феврале 2016 г. приняли участие многие его выпускники, в том числе академики и члены-корреспонденты РАН, представители научных и научно-производственных организаций России, с которыми физический факультет поддерживает многолетние связи¹⁵.

---

¹³ См.: *Аникин В. М.* «Приобретать умение делать физические измерения и исследования»: к 100-летию физического образования и физической науки в Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Физика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 53–58.

¹⁴ См.: *Усанов Д. А., Аникин В. М.* Саратовские научные и педагогические школы по физике (к 80-летию образования Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Физика. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 178–190.

¹⁵ См.: *Аникин В. М.* Послесловие к юбилею физического факультета СГУ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Физика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 248–252.

И. В. Артамонова (Москва)

E-mail: littleby@mail.ru

ПЕТР I И НАПОЛЕОН В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. С. ПУШКИНА: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится сопоставление Петра Великого и Наполеона как ключевых исторических фигур, причем, характеризуя их друг через друга, А. С. Пушкин выводит определенные ретроспективные формулы, позволяющие открыть и дополнить общепринятые исторические закономерности. Объектом исследования является не только корпус поэтического наследия А. С. Пушкина, но и его критические статьи. Автор использует биографический и интертекстуальный методы исследования.

Ключевые слова: Петр I, Наполеон, историческое сближение, историзм, деспотизм.

Обращение к историческим фигурам для А. С. Пушкина и в целом для русской классической литературы представляет собой явление достаточно частое и изученное (напр., «Историзм Пушкина» Б. В. Томашевского). Российская история, переходящая с полей сражений и из дворцов в художественное пространство, трансформируется в субъективно ориентированное повествование с мифологическими элементами. Таковыми для Пушкина являются Петр I и Наполеон как ключевые персоналии европейской истории.

Трагизм отвергнутого и непонятого поколением гения относится и к образам Наполеона и Петра I, имеющих у Пушкина форму культа¹. Его интерес к Петру I также объясняется, по мнению В. С. Непомнящего, личностной потребностью поэта в самоидентификации в историческом пространстве и определения собственной роли в нём. Творческий и созидательный гений русского царя-реформатора прежде всего дал А. С. Пушкину мощную платформу для становления и формирования идей поэта².

---

¹ См.: Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М., 1990. С. 396–422. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/pfk/pfk-396-.htm> (дата обращения: 14.04.2016).

² См.: Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. М., 1999. С. 146.

Сравнение Наполеона и Петра встречается у А. С. Пушкина неоднократно. Так, в 1822 г. в статье «По смерти Петра I...» ряд исследователей³ отмечает, что соседство великих людей подразумевает романтизацию и индивидуализацию героя и возможность их сближения. Здесь дается конкретная характеристика обоих государственных деятелей через деспотизм и самовластие: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон»⁴.

Вместе с тем, невозможно обойти вниманием другую формулировку А. С. Пушкина в критической статье «О дворянстве»: «Средства, которыми совершают переворот, не те, которыми его укрепляют. – Петр I одновременно Робеспьер и Наполеон. (Воплощенная революция)»⁵ (*подл. по-франц.*).

Также необходимо упомянуть, что Ю. М. Лотман в статье «Об отношении Пушкина в годы южной ссылки к Робеспьеру»⁶ говорит о психологической связи рисунков в одесских черновиках поэта – профиль знаменитого революционера соседствует с портретами Мирабо и Наполеона (стихотворение «Кинжал» 1821 г.), тогда как в 1823 г. в черновиках изображения те же, однако, с некоторыми изменениями – Робеспьера А. С. Пушкин заменяет Данте⁷. Причем, по мнению Ю. М. Лотмана, А. С. Пушкин, находящийся в эти годы в кризисном состоянии, видел в торжестве реакции преобладание «корыстолюбия и эгоистических страстей над героическим аскетизмом революции»⁸.

---

³ См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979; Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. XIV. С. 5–32; Томашевский Б. В. Пушкин: В 2 кн. Кн. 1. М.; Л., 1956. С. 573.

⁴ Цит. по: ФЭБ: Русская литература и фольклор. URL: http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ise/ise-0053.htm?cmd=i!&tree_path=undefined (дата обращения: 18.04.2016).

⁵ Пушкин А. С. О дворянстве // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 12: Критика. Автобиография. М.; Л., 1949. С. 205.

⁶ См.: Лотман Ю. М. Об отношении Пушкина в годы южной ссылки к Робеспьеру // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; "Евгений Онегин": Комментарий. СПб., 1995. С. 322–324.

⁷ См.: Meunieux I. La France dans les dessins de Puškin // Revue des études slaves. 1987. Vol. 59. №1. P. 65–74.

⁸ Лотман Ю. М. Об отношении Пушкина в годы южной ссылки к Робеспьеру. С. 324.

И. Фейнберг отмечает, что поэт относился негативно к революционному террору Робеспьера, а деятельность французского императора оценивал критически, не отрицая его величие. Такое двойное сравнение характеризовало деятельность Петра I амбивалентно: он использовал «наполеоновские» методы в «робеспьеровских» преобразованиях⁹, что потом найдет отражение в «Стансах» (1826 г.), где русский царь-реформатор изображен революционером на троне¹⁰.

Деспотизм, осуждаемый А. С. Пушкиным, определяется им достаточно лаконично («О дворянстве»): «жесткость законов, либерализм нравов» <пер. с франц. наш – И. А.>

В поэме «Медный всадник» (1833 г.) российский император представлен так:

В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне¹¹.

Остановимся подробнее на значении слова «кумир»: языческий божок, статуя, идол, а также предмет восхищения, поклонения¹². Таким образом, мы можем говорить о генетическом родстве этих строк с описанием деревенского кабинета Онегина (1827–1828 гг.), где представлены властители умов не только главного героя, но и современников Пушкина:

И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом¹³.

Примечательно, что в обоих описаниях присутствует указание на достаточно эмоциональный и насыщенный жест героя: если Петр простирает руку, то Наполеон, наоборот, руки сжимает. Оба

---

⁹ См.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8: История Петра I / Прим. И. Фейнберга. М., 1962. С. 430.

¹⁰ См.: Томашевский Б. В. Историзм Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин: работы разных лет. М., 1990. С. 154.

¹¹ Пушкин А. С. Медный всадник: Петербургская повесть, 1833 // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 5: Поэмы. М.; Л., 1948. С. 142.

¹² См.: Кумир // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 314.

¹³ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 6: Евгений Онегин. М.; Л., 1937. С. 147.

правителя расположены на определенном постаменте – для Петра это знаменитый Гром-камень, для Наполеона – «столбик».

Рассмотрим еще одну примечательную деталь. «На бронзовом коне» восседает *медный* всадник, и этот феномен становился предметом изучения советских специалистов¹⁴. Если обратиться к черновикам романа, то «столбик с куклою чугуной» ранее звучал как «кукла медная герою»¹⁵. Звонкая медь как символ вечности и славы в «наполеоновском» ключе переходит в неподвижный и тяжеловесный чугун. Вместе с тем В. Василик представляет данный образ «куклы» как переходный этап в процессе мифологизирования исторической личности – романтический герой-бунтарь трансформируется в прагматичного игрока, бросившего вызов судьбе¹⁶.

Победа над судьбой, над стихией присуща и образу Петра-демиурга в «Медном всаднике». Идея строительства города на болоте выглядит как авантюра, граничащая с безумием, и тем самым он посягает на стихию не только природную, но и метафизическую.

Таким образом, ретроспективный исторический взгляд А. С. Пушкина ставит Петра и Наполеона рядом как воплощение не только деспотической формы правления («...нравы укротил наукой»¹⁷), но и героя, достойного быть прекрасным примером для потомков:

Во всем будь пращуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен¹⁸.

---

¹⁴ См.: Хаев Е. С. Эпитет «медный» в поэме «Медный всадник» // Временник Пушкинской комиссии, 1981. Л., 1985. С. 180–184.

¹⁵ Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы // «Мятежной вольности наследник и убийца» (Наполеоновский «миф» Пушкина и Стендаля). URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/articles/volpert-pushkin/myatezhnoj-volnosti-naslednik.htm> (дата обращения: 25.04.2016).

¹⁶ См.: Василик В. Образ Наполеона-антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX века. URL: <http://www.pravoslavie.ru/34380.html>, <http://pravoslavie.ru/34419.html> (дата обращения: 25.04.2016).

¹⁷ Пушкин А. С. Стансы («В надежде славы и добра...») // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3, кн. 1. М.; Л., 1948. С. 40.

¹⁸ Там же.

М. В. Царенко (Саратов)

E-mail: marina-tsarenko@mail.ru

САНИТАРНОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ В. В. КРЕСТОВСКОГО)

Аннотация. В статье рассматривается санитарное и хозяйственное обеспечение русской армии в 1877–1878 гг., в ходе русско-турецкой войны. Исследование основывается на труде военного корреспондента и известного публициста В. В. Крестовского «Двадцать месяцев в действующей армии».

Ключевые слова: действующая армия, санитарное и хозяйственное состояние, госпиталь, В. В. Крестовский.

Творчество В. В. Крестовского до сих пор привлекало внимание лишь историков литературы и филологов. Между тем значительный корпус опубликованных и архивных источников позволяет реконструировать многообразные аспекты его общественно-политической деятельности в качестве военного корреспондента и публициста второй половины XIX в.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. выходили военные печатные издания под руководством Морского и Военного министерств («Военный сборник, «Морской сборник»»), а также частные издания («Разведчик», «Чтение для солдат», «Русский инвалид», «Листок конторы и склада Березовского»). На фронтах войны принимало участие большое количество русских корреспондентов. Яркими их представителями являются В. В. Крестовский, В. И. Немирович-Данченко, Н. В. Максимов.

В. В. Крестовский с начала русско-турецкой войны попал в штаб действующей Дунайской армии уже как редактор армейской газеты «Правительственный вестник». Свои отчеты он писал непосредственно с мест боев, находясь в гуще событий. В отличие от других корреспондентов, он был известным писателем и профессиональным военным. В своих «Письмах» В. В. Крестовский достаточно подробно описал саму кампанию, останавливаясь на различных подробностях: состоянии госпиталей, почты, корреспондентов.

ции, армии. Описывал В. В. Крестовский и военные действия, в которых принимал непосредственное участие как наблюдатель или о которых узнал из других источников. Однако большую часть его наблюдений занимала деятельность августейших особ и верховное командование.

В конце русско-турецкой войны Крестовским были написаны два тома очерков «Двадцать месяцев в действующей армии», вышедшие отдельным изданием в 1879 г. Крестовский мастерски передал в них атмосферу, настроение действующей армии.

Санитарное и хозяйственное положение русской армии описано Крестовским в нескольких главах I тома. Эта тема составляла предмет, интересующий русское общество. Население России получало сведения из заграничной печати о будто бы ужасном санитарном и хозяйственном состоянии армии. В этих сведениях четко просматривается стремление иностранных авторов выдать обществу сенсацию и исказить действительное положение дел в армии. Крестовский отмечает: «Русское общество слишком близко заинтересовано состоянием русской армии, чтобы не тревожиться и не возмущаться при получении из заграничных газет известий о том, что в Кишиневе свирепствует тифозная эпидемия, что вся армия страдает от дизентерии, что лихорадка бессарабская вырывает из строя чуть ли не две трети личного состава армии, что, наконец, даже сам великий князь главнокомандующий, при всех своих удобствах его обстановки, не избежал действия вредных влияний местного климата. Всё это естественно волнует и смущает наше общество, которое получает с разных сторон из-за границы неточные и отрывочные вести мрачного характера и, не встречая с русской стороны отпора и разоблачения, волей-неволей приходит к убеждению, что санитарно-хозяйственное состояние нашей армии крайне печально»¹.

По указанию государя и приказанию главнокомандующего были собраны сведения и получены достоверные цифры о санитарно-хозяйственном состоянии действующей армии. Крестовский приводит точные статистические данные в своей книге. Так, он пишет: «В распоряжении главнокомандующего действующей армии имеется следующее количество госпиталей: постоянных 2 –

---

¹ Крестовский В. В. Двадцать месяцев в Действующей армии. СПб., 1878. С. 1.

1) тираспольский на 415 мест и 2) бендерский на 207 мест. 30 военно-временных лагерей, каждый на 630 мест. Кишинёвский местный лазарет на 200 и глазная санитарная станция тоже на 200 мест. Итого имеется 34 госпиталя на 19922 места»². Помимо всех госпиталей, при каждой отдельной воинской части находились еще так называемые «околодки», куда поступали на короткое время люди с легкими заболеваниями. Оттуда в случае надобности они переходили уже в госпитали.

Эпидемических болезней во всем районе расположения действующей армии зафиксировано не было. Смертных же случаев во всех госпиталях со времени их открытия было только семь. Крестовский приводит довольно точные данные о количестве заболевших различными болезнями, и на основании этих цифр можно увидеть, что больше всего было зараженных сифилисом.

С учетом всех госпиталей и «околодков» число заболевших в 180-тысячной действующей армии составляло менее полутора процентов. При этом следует напомнить, что в мирное время при соблюдении всех гигиенических условий хорошим результатом считалось, если число заболевших не превышает 2%. Таким образом, во время русско-турецкой войны нельзя было пожаловаться на ужасающее состояние армии.

Полевая инспекция, созданная по инициативе государя, следила за состоянием дел в госпиталях. Тщательный уход за больными, внимательное отношение к ним со стороны молодых врачей и медицинских сестер послужили важным фактором столь ничтожного числа смертных случаев в госпиталях. Крестовский пишет о взгляде иностранного корреспондента на русских врачей: «Изумляясь их самоотвержению и хладнокровию, с которым они, на глазах его, подавали под неприятельским огнем помощь раненым, он выразился следующим образом: "Я был под Маджентой, был при Гравелоте, но нигде не встречал ничего подобного. На моих глазах убило осколком санитаря, помогавшего врачу перевязывать раненого; но сам врач при этом, делая лигатуру, не выпустил даже пинцета из рук и продолжал, как ни в чем не бывало, доканчивать свое дело"»³.

---

² Крестовский В. В. Двадцать месяцев в Действующей армии. С. 2.

³ Там же. С. 357.

Рассмотрим причины, влиявшие на состояние здоровья в армии.

Во-первых, это образцово устроенное снабжение продовольствием: люди, кроме обыкновенной казенной порции, получали по две копейки в сутки на дополнительные расходы.

Во-вторых, санитарное состояние армии находилось в прямой зависимости от способа размещения людей в казармах, причем, всегда принималось в расчет количество кубических метров воздуха, необходимое для человека. Кроме того, во всех частях начальство наблюдало за соблюдением молодыми солдатами здорового образа жизни и режима дня.

Следует отметить, что санитарное и хозяйственное обслуживание армии во время войны всегда находилось под контролем государя и его семьи. Члены царской семьи постоянно посещали доступные госпитали, жертвовали на пользу раненых денежные средства, подарки, оказывали моральную и материальную помощь нуждающимся раненым, беседовали с ними. Сам государь любое посещение военных позиций начинал с госпиталей и перевязочных пунктов. Он узнавал о состоянии здоровья у самих раненых, опрашивал медработников, а также командиров дивизий и частей, старался поддержать раненых словами благодарности, денежным вознаграждением, а особо выдающихся – орденами.

Одно из таких посещений описано Крестовским: «16-го июня раненые, находившиеся на главном перевязочном пункте, были посещены сперва Его Высочеством Главнокомандующим, а затем, спустя часа два, и Государем Императором. Его Величество изволил осматривать шатры вместе с Государем Наследником Цесаревичем и Великими Князьями Алексеем и Сергием Александровичами, в сопровождении военного министра и многочисленной свиты. Августейшие посетители не пропустили без внимания ни одного раненого, причём врачи лично докладывали Государю о свойстве и степени опасности каждой раны. Его Величество подходил к каждому из раненых и останавливался дольше около троих, получивших до восьми и более ран, расспрашивая их, как с каждым было дело. Профессор Бергман рассказывает, что один солдат, эстонец, отвечал Государю, как умел, плохо по-русски: «Ваше Величе-

ство, сперва я турка колол, а потом другой подбежал и меня колол»⁴.

Подводя итоги, можно заметить, что санитарное и хозяйственное оснащение русской армии было на достаточно хорошем уровне. На эти цели выделялись немалые средств, а контроль осуществлялся на самом высоком уровне.

---

⁴ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев в Действующей армии. С. 355.

В. В. Назаров (Балашов)
E-mail: vladilen.nazarov.75@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ НАРОДНИЧЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО)

Аннотация. В статье исследуется эволюция идеологии народничества в 80–90-е гг. XIX в. Одну из ключевых ролей в процессе формирования нового революционного мировоззрения сыграл выдающийся отечественный публицист и общественный деятель Н. К. Михайловский.

Ключевые слова: идеология, народничество, марксизм, либерализм, общественная мысль, освободительное движение.

80–90-е гг. XIX в. занимают особое место в истории общественной мысли России. После убийства Александра II, разгрома властями «Народной воли» начался поиск новых идей, тактики революционной борьбы. На эти годы приходится пик творческой деятельности и общественной популярности Н. К. Михайловского. Биография, научные и политические взгляды выдающегося российского социолога, публициста, литературного критика, идеолога народничества нашли отражение в исследованиях отечественных историков¹.

В 80-е гг. XIX в. народничество утрачивает свой революционный потенциал. Михайловскому это десятилетие представляется периодом упадка, духовного кризиса, на фоне которого все большее распространение получает марксистская идеология.

---

¹ См.: Горев Б. И. Николай Константинович Михайловский: Его жизнь, литературная деятельность и миросозерцание. Л., 1931; Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997; Блохин В. В. На переломе 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века: исторические этюды. М., 2003; Он же. Правительство лишило общество участия в государственной жизни...»: эволюция политических взглядов Н. К. Михайловского в 80–90-е гг. XIX в. // Вестник РУДН. История России. 2004. №3. С. 37–46; Он же. Новейшая историография Н. К. Михайловского: проблемы и тенденции // История и историография правого народничества: Сб. ст / Отв. ред. Г. Н. Мокшин. Воронеж, 2014. С. 27–37.

1890-е гг. отмечены острыми дискуссиями, спорами между народниками и марксистами. На политическую сцену выходят новые лидеры, чьи аргументы некоторым казались более убедительными. Но народники не сдавали позиции.

Вопрос о способах модернизации страны был одним из центральных в политических дискуссиях 80–90-х гг. Наряду с народничеством и марксизмом в общественное сознание все более настойчиво входят либеральные идеи. Народничество и либерализм, несмотря на всю их несхожесть, находили точки соприкосновения на пути к общей цели – ликвидации абсолютизма.

В 1870–80-е гг. Михайловский выступал противником либерализма, но со временем он несколько изменил свое отношение к нему. В 1880–90-е гг. народничество и либерализм в каком-то смысле дополняли друг друга. В этот период Михайловский сотрудничает с журналом либерального направления «Русская мысль». Это было связано не только с закрытием «Отечественных записок», в которых он опубликовал много своих работ, но и отражает его идейные поиски.

Михайловский перестал публиковаться в «Русской мысли» из-за конфликта с редактором журнала В. М. Лавровым. Тем не менее, даже непродолжительный период сотрудничества публициста с журналом либерального направления говорит о некоторой эволюции его взглядов. Михайловский осознает необходимость объединения оппозиционных сил в борьбе за демократические свободы. Народническая тематика в его публицистике постепенно вытесняется более широкими демократическими идеалами².

В 90-е гг. XIX в. в публицистике и социологии стали широко использоваться понятия, введенные в научный оборот Н. К. Михайловским. Так, например, им впервые было использовано понятие «кающийся дворянин», которым обозначались деятели общественного движения 1860–70-х гг., выходцы из дворян, обладавшие комплексом вины и чувства «личной ответственности за свое общественное положение», за свою принадлежность к сословию, долгие годы угнетавшему крестьян. «Кающимся дворянам» публицист

---

² См.: Мокшин Г. Н., Назаров В. В. Эволюция политической программы Н. К. Михайловского в 80–90-е гг. XIX в. // Н. К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. Н. Мокшин. Воронеж, 2017. С. 233–242.

противопоставляет разночинцев, которые собственным трудом зарабатывали себе средства на жизнь и отстаивали интересы простого народа. Характерной чертой «кающегося дворянина» Михайловский считает обостренное чувство совести, для разночинца – чувство чести. В его последующих работах эти понятия будут постоянно использоваться.

Сближение Михайловского в 1880–90-е гг. с либералами (именно сближение, а не полный переход на либеральные позиции) было связано с его участием в многочисленных кружках, которые стали, говоря современным языком, дискуссионными площадками, сближавшими представителей различных оппозиционных самодержавию сил. Разногласия уступали место консолидации. Достижение идеалов было возможно только в процессе совместной борьбы за политическую свободу.

Идейная эволюция Михайловского заставляет его по-новому расставлять акценты в публицистике. В 1890-е гг. центральной темой в его общественно-политических взглядах становится идея введения в России конституции. В прокламации «Свободное слово», опубликованной в январе 1892 г., Михайловский сожалел по поводу отхода правительства от реформ, начатых Александром II. Критикуя внутривнутриполитический курс Александра III, он указывал на неэффективность управления экономическими процессами в стране, доведение населения до тяжелого голода 1891–1892 гг. Михайловский говорил о необходимости смены правящей элиты, создания законодательного органа власти.

В основе политического идеала Н. К. Михайловского лежит теория борьбы за индивидуальность, суть которой заключается в том, что каждая система стремится к усложнению своих структур и подавлению ими других. Он предлагает ввести в научный оборот понятие «индивидуальность», что соответствует определенной системе: человеку, семье, общине, государству. Каждая такая индивидуальность стремится к целостности, при этом подавляются интересы и потребности отдельных структурных элементов этой системы, что приводит к соблюдению лишь тех интересов личности, которые соответствуют интересам государства³. В итоге происходит подавление личности государством. Н. К. Михайловский пытался

---

³ См.: Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1.

обогащать либеральные представления о государстве социалистическими идеями, привнести в них гуманистическое начало.

80–90-е гг. XIX в. – это период, когда общественное движение в России находилось на распутье. Разгром «Народной воли», разочарование в терроре требовали новых идей, поиска новых парадигм общественного развития. В сложившейся ситуации были нужны новые лидеры, «властители дум», пользующиеся доверием и популярностью в широких демократических кругах. Таким духовным лидером и выступил Н. К. Михайловский.

Е. Н. Морозова (Саратов)

E-mail: morozovaen@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ДЕМОНА РЕВОЛЮЦИИ»:
Л. Д. ТРОЦКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДРУГА ЮНОСТИ
Г. А. ЗИВА**

Аннотация. Статья посвящена формированию образа Л. Д. Троцкого в воспоминаниях друга его юности – врача, левого эсера Г. А. Зива. Этот труд вышел в Нью-Йорке, в издательстве «Народоправство» (1921 г.) В этой небольшой, неровно написанной книге, бывший друг юности Лейбы Бронштейна пытается воссоздать образ человека, оказавшего огромное влияние на становление постреволюционной России. Достоинство этой публикации заключается в характеристике ранних этапов жизни и деятельности Троцкого. За «словесной вязью» Г. А. Зива, казалось бы, можно увидеть попытку создания объективного портрета этого политического деятеля. Однако через многочисленные повторы в 12 главах мемуаров возникает образ Мефистофеля, «демона» зла, разрушения, алчного, беспринципного, малообразованного, жестокого и беспощадного человека, залившего кровью Россию.

Ключевые слова: Троцкий, Г. А. Зив, революция, большевики, народники, меньшевики.

Прошло 100 лет с начала Великой Русской революции. Многие ее деятели полузабыты, другие – и вовсе канули в Лету. Но остались имена, которые до сих пор на слуху, имена, которые знают не только специалисты, но и широкая общественность. Имя Льва Давидовича Троцкого уже стало мифологемой, которая для части людей воплощает ужас красного террора, одним из инициаторов которого являлся «Красный Бонапарт», истинный «Демон революции», «даровитый дегенерат»¹, «предавший и продавший Россию» в период Брест-Литовских переговоров; для других – являет образ общественного и государственного деятеля Советской России, занимавшего важнейшие посты в силовых структурах молодого государства (Председателя Реввоенсовета, создателя РККА, победившей в Гражданской войне), человека, павшего от руки своего давнего политического соперника и оппонента – И. В. Сталина.

---

¹ Алданов М. Предисловие к мемуарам Г. А. Зива // Зив Г. А. Троцкий (по личным воспоминаниям). Нью-Йорк: Книгоиздательство «Народоправство», 1921. С. 3.

О демоническом образе Л. Д. Троцкого писали современники. В воспоминаниях К. И. Чуковского представлен карикатурный образ человека, воплощавшего «дешевый провинциальный демонизм», и являвшего «смесь Мефистофеля с присяжным поверенным»². В таком же водевильном духе представлен Л. Д. Троцкий в произведениях Дона-Аминадо: «Хрипеть, командовать, грозить / И так вздымать и нос и профиль, / Чтоб каждый мог сообразить, / Что это явный Мефистофель»³. Но в дневниках и беллетристике М. А. Булгакова встает другой образ – образ Демона апокалипсического. «Ни одна из зловещих фигур того времени, – пишет В. И. Лосев в своих комментариях к произведениям Булгакова, – не отмечена так значительно и высоко, как Троцкий. Для Булгакова это был не только наместник дьявола на земле, но и существо, от которого зависела судьба России. Страшное, чудовищное, всеильное, магическое, неукротимое существо, несомненно, пропущенное сверху за грехи великие»⁴.

О Л. Д. Троцком существует обширнейшая литература, насчитывающая сотни статей и монографий, написанных как отечественными, так и зарубежными историками⁵. В ряду этих многочисленных работ трудно заметить небольшую публикацию мемуарного характера, написанную другом юности Троцкого, врачом по образованию Г. А. Зивом.

Мемуары Г. А. Зива разделены на 12 глав в соответствии с хронологией его знакомства с Троцким (автор сам признается, что он заполнял «неизбежные пробелы некоторыми фактами, хотя достоверно известными... но не из личных воспоминаний»)⁶ В целом это произведение не производит цельного впечатления. Может быть поэтому ряд исследователей относят работу Зива к недостоверным источникам. Однако это собрание «пестрых глав» не вполне последовательно, но формирует определенный образ Л. Д. Троцкого, на-

---

² Платонов О. А. Под властью зверя. М., 2004. С. 105.

³ *Дон-Аминадо*. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. В. И. Коровина. М., 1994. С. 276.

⁴ *Булгаков М.* Собр. соч.: В 8 т. / Предисл. и коммент. В. И. Лосева. Т. 2. Белая гвардия. Гражданская война в России. СПб., 2002. С. 681.

⁵ См.: *Фокс М.* Троцкий и его критики о природе СССР при Сталине // Вопросы истории. 1992. № 11–12; *Емельянов Ю. В.* Троцкий. Мифы и личность. М., 2003; *Волкогонов Д. А.* Троцкий «Демон революции». М., 2011; *Чернявский Г.* Лев Троцкий. М., 2011.

⁶ *Зив Г. А.* Троцкий (по личным воспоминаниям). С. 5–6.

чиная с юности. Г. А. Зив пытается в меру своих способностей выяснить вопрос: как Лейба Бронштейн стал Л. Д. Троцким?

С юным Лёвой (Лейбой) Бронштейном, учеником последнего класса реального училища Николаева, студент-медик Г. А. Зив встретился в 1896 г., в так называемом «салоне» чеха-садовника Франца Швиговского, куда, как «мотыльки на огонь», слеталась радикально-социалистическая молодежь (большинство принадлежало к народникам), которая вела нескончаемые споры о том, возможен ли в России капитализм, суждено ли стране в своем развитии пойти вслед за Западной Европой, или же ей уготованы особые пути. Марксисткой себя считала только одна барышня, Соколовская, будущая жена Троцкого⁷. Но, в целом, как и в любом провинциальном салоне, поверхностные политические споры сопровождались пением, игрой на рояле, танцами, легким флиртом.

Чтение воспоминаний Г. А. Зива оставляет двойственное чувство. С одной стороны, эти мемуары подкупают своей безыскусностью, попыткой разобраться в сложном характере, мотивах поступков тогда еще юноши Троцкого, в его метаниях между народничеством, меньшевизмом и большевизмом: «Большевик по натуре, – пишет Г. А. Зив, – Троцкий стал меньшевиком по необходимости»⁸. Сам Л. Д. Троцкий говорил о своих тогдашних взглядах: «Я считал себя противником Маркса, книг которого, правда, не читал» и судил о нем по произведениям Н. Михайловского⁹.

С другой стороны, в работе множество абсолютно противоречивых сведений и характеристик Льва Троцкого: их можно набрать десятки («слепой подражатель Шопенгауэра», «стремящийся к железным силлогизмам», «сухой логике», человек с абсолютным нежеланием повышать свой интеллектуальный уровень¹⁰, с непревзойденной разговорной и печатной развязностью; и одновременно – блестящий оратор, искрометный памфлетист). «Слушая его, – с восхищением отмечает Г. А. Зив, – я испытывал истинное эстети-

---

⁷ См.: Зив Г. А. Троцкий (по личным воспоминаниям). С. 7–9.

⁸ Там же. С. 53.

⁹ См.: Артизов А. Н., Черноус В. Н. 1937 год. Институт красной профессуры // История СССР. № 2. С. 145.

¹⁰ Д. А. Волкогонов, напротив, утверждает, что Лейба Бронштейн, с легкостью заняв место первого ученика, несмотря на обучение в реальном училище, где, в соответствии с программами, существовал сокращенный курс гуманитарных наук, сумел прочитать многое из Толстого, Шекспира, Некрасова, Диккенса, Вересаева, Успенского и т.д. См.: Волкогонов Д. А. Троцкий «Демон революции». С. 81.

ческое наслаждение, цельное, несмотря на то, что я решительно отвергал всю идею, на которой она была построена. Это был образец ораторского искусства»¹¹.

В предлагаемых мемуарах есть еще несколько любопытных пассажей, которые могут привлечь внимание читателей. Речь идет о появлении основного псевдонима Л. Д. Бронштейна. Г. А. Зив был уверен в двух вещах: герой его мемуаров стыдился своего происхождения и фамилия «Троцкий» была им позаимствована у «старшего надзирателя одесской тюрьмы, величественно опирающегося на свою длинную саблю и из своего центра держащего в руках всю тысячную толпу... Сильная и властная фигура Троцкого несомненно произвела глубокое впечатление на Бронштейна... И чем более я знакомился с деятельностью Бронштейна впоследствии, тем больше росла во мне уверенность, что Бронштейн свою новую фамилию позаимствовал у царька одесской тюрьмы»¹². Но к чести автора нужно сказать, что он приводит и другую версию происхождения этого псевдонима: Бронштейн, бежав из ссылки, прихватил с собой чужой паспорт. Однако автор мемуаров уверен: каково бы ни было происхождение этого псевдонима, он представлялся как нельзя более удобным способом «отвязаться», наконец, от ненавистной еврейской фамилии и навсегда принять фамилию чисто русскую¹³.

Таким образом, уже в первых главах перед читателем предстанет человек крайне неприятный в общении, малообразованный, ужасный эгоцентрист, для которого родители были такими же чужими, как миллионы других «буржуа» и «не-революционеров»¹⁴. Но и к друзьям у Бронштейна превалировали специфические, весьма прагматические чувства. Зив сравнивал их с отношением крестьянина к лошади. Лева «будет искренно ласкать, холить ее, с радостью подвергать себя лишениям и опасности ради нее, он может даже проникнуться любовью к самой индивидуальности данной лошади, – пишет мемуарист. Лева мог быть чрезвычайно нежным и просто «засыпать ласками», но когда друг оказывался бесполезным, нежное чувство моментально отпадало; он, не задумы-

---

¹¹ Зив Г. А. Троцкий (по личным воспоминаниям). С. 10–11, 69.

¹² Там же. С. 26, 45–46.

¹³ Там же. С. 41, 46.

¹⁴ Там же. С. 12–13.

ваясь, отсылал вчерашнего друга на живодерню» так же, как делает крестьянин, когда лошадь станет неспособной к труду¹⁵. Эти колебания в настроениях Троцкого от сентиментальности до крайней жестокости Зив сравнивает с деспотическим характером императора Павла I¹⁶.

Г. А. Зив считал, что собственных принципиальных взглядов Троцкий не имел. В частности, он мог с легкостью использовать чужие идеи, выдавая их за свои, как это произошло со взглядами Шопенгауэра в молодости, и позже с теорией «перманентной революции» Парвуса¹⁷.

По мере чтения мемуаров читатель понимает, что Г. А. Зив нагнетает негативизм по отношению к своему герою, что особенно очевидно при характеристике поведения и взглядов Л. Д. Троцкого в период Первой мировой войны. Зив прямо обвиняет Троцкого в неприкрытом германофильстве, и такая защита германских интересов граничит с предательством¹⁸. Мемуарист уверял, что, изливая на союзников России потоки фанатической злобы, Троцкий «не оставял без придиричивых нападок самого малейшего действительного или мнимого промаха этих правительств, в то время, как самые возмутительные акты германского и австрийского правительств самым странным образом совершенно замалчивались им»¹⁹. Г. А. Зив был уверен, что «тщательно скрываемаемая от себя и других резервная идея германского завоевания из психических задворков Троцкого, начала, таким образом, выступать на передний план и принимать реальный облик»²⁰.

Целые страницы своих воспоминаний Г. А. Зив посвящает надменным манерам выступлений Льва Давидовича, которыми он отличался, будучи в США, где его выступления пользовались большим успехом. «Он, получив свою порцию триумфа, – язвительно замечает Зив, – сходил с кафедры; но не спускался в толпу, не сливался с нею, как старший любящий и любимый товарищ, а исчезал как-то в высь, в закулисные облака, окруженный атмосфе-

---

¹⁵ Зив Г. А. Троцкий (по личным воспоминаниям). С. 14–15, 58.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 11, 50.

¹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹ Там же. С. 62–63, 66.

²⁰ Там же. С. 78.

рой высокомерного холодного отчуждения²¹. Но именно подобная высокомерная и отчужденная манера выступлений, к удивлению мемуариста, вызывала у слушателей невольное благоговейное почтение.

Переход Троцкого в стан большевиков автор объясняет особенностями его личности: единственное значение революции для Бронштейна заключалось в активном проявлении своего «Я». «Действительная индивидуальность Бронштейна» заключалась не в «познании и не в чувстве, – отмечает автор воспоминаний, – а в воле». Активно проявлять свою волю, возвышаться над всеми, быть всюду и всегда первым – это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна»²². Однако первое место в среде большевиков было занято самим Лениным, а Троцкий никогда не принадлежал к тем людям, которые могут занимать второе место или даже терпеть кого-либо рядом с собой. «Он таскался со своим «складным стулом» и никак не мог найти места», где можно было бы его прочно поставить и эффектно усесться, – приводил Зив язвительное замечание Мартова²³.

Звездный час для Троцкого, по словам Зива, наступил после июльских событий, когда большевики были обвинены в подготовке антиправительственного заговора. В отсутствие Ленина и Зиновьева он занял приличествующее ему место, и с августа 1917 г. началось его возвышение²⁴.

Дальнейшая характеристика Л. Д. Троцкого представляет собой ужасающий набор примеров действий «безответственного властителя». Уже 29 октября на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов он показал, как понимает отмену смертной казни, объявив врагам большевизма «беспощадную месть» и «беспощадный расстрел». Слово «беспощадный» отныне стало одним из наиболее излюбленных в его лексиконе.

К какому же выводу приходит мемуарист? На протяжении своей книги и, особенно, в последних главах он пытается представить своего героя психически нездоровым человеком. Со всей строгостью врача-психиатра Зиф ставит медицинский диагноз Троцкому:

---

²¹ Зив Г. А. Троцкий (по личным воспоминаниям). С. 74.

²² Там же. С.12, 19–20.

²³ Там же. С. 56.

²⁴ Там же. С. 84.

эпилептик, для которого свойственны «чрезмерное и болезненное самомнение, стремление к экстравагантности в речах, писаниях и поступках, известного рода придирчивый педантизм (пресловутая «логика»), проявляющейся даже в четком, аккуратном почерке». Более того, автор утверждает, что Троцкий от природы имел физиологический дефект – «нравственное помешательство», словом, «доктор Джекил и мистер Хайд живут рядом в одной и той же душе»²⁵.

Только до конца прочитав воспоминания Г. А. Зива, можно выявить ту цель, которую ставил перед собой автор: показать пути формирования «свирепого диктатора», безжалостно заковывающего в цепи самого тяжелого рабства население своей родины, готового, не моргнув глазом, погубить миллионы людей и даже целую страну ради исключительной цели сохранения во что бы то ни стало власти в руках кучки беззастенчивых авантюристов. По мнению Г. А. Зива, Ленин воплощал теорию большевизма, а Троцкий – его практику²⁶.

Но в целом мемуары Г. А. Зива могут представлять интерес для современного читателя, ибо они являют собой одну из первых работ, вышедших в эмиграции, посвященных Л. Д. Троцкому, когда только завершалась кровавая Гражданская война. Безусловно, автор мемуаров, будучи медиком, не мог охарактеризовать с теоретической точки зрения причины возникновения общественной мысли, которая на ранних этапах была тесно связана с революционным романтизмом, но затем явила себя в создании радикальных революционных партий, основанных, казалось бы, на вере в лучшее будущее человечества. И как верно заметил М. А. Булгаков: «Кто увидит эти светлые дни? Мы? О нет! Наши дети, может быть, а может быть и внуки, ибо размах истории широк и десятилетия она так же легко «читает», как и отдельные годы. И мы, представители неудачливого поколения... вынуждены будем сказать нашим детям: Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»²⁷

---

²⁵ Зив Г. А. Троцкий (по личным воспоминаниям). С. 33, 92, 95.

²⁶ Там же. С. 83–84.

²⁷ Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 2. С. 22.

Э. В. Костяев (Саратов)

E-mail: edikost@bk.ru

**СОВЕТСКИЕ «ИЗВЕСТИЯ» В 1917 Г.:
ИНТЕЛЛИГЕНТ Ю. М. СТЕКЛОВ ВО ГЛАВЕ РАБОЧЕ-
СОЛДАТСКОЙ ГАЗЕТЫ**

Аннотация. Февральская революция 1917 г. привела к смене в России властной элиты и появлению новых органов управления – Временного правительства и Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Исполкома Петросовета). Органом Совета, являвшегося в первые месяцы после Февральской революции более влиятельной властной структурой, чем Временное правительство, стали «Известия», а возглавил эту рабоче-солдатскую газету представитель социал-демократической интеллигенции Юрий Михайлович Стеклов.

Ключевые слова: Февральская революция, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, газета «Известия», редакционная политика.

В 2017 г. отмечался 100-летний юбилей «Известий» и, памятуя о том, что в последние десятилетия существования СССР ее, в отличие от главного органа Коммунистической партии Советского Союза «Правды», называли газетой советской интеллигенции, стоит напомнить об исторической подоплеке, некоторым образом указывающей на обоснованность такого определения. Дело в том, что в марте–мае 1917 г., а затем и с октября 1917 до июня 1925 г. во главе «Известий», несмотря на то, что это был орган рабочих и солдат, стоял представитель социал-демократической интеллигенции (в 1916 г. этот выходец из зажиточной семьи закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета), член Исполкома Петросовета, внефракционный социал-демократ, а с октября 1917 г. большевик Юрий Михайлович Стеклов (Овший Моисеевич Нахамкис) (1873–1941).

Первый номер газеты вышел 28 февраля 1917 г. с заголовком «Известия Петроградского Совета Рабочих Депутатов», а с № 3 от 2 марта она стала выходить как орган Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов под соответствующим расширенным названием. Многие выдающиеся деятели революции сходились во мнении, что велась газета не очень удачно. Меншевик Н. Суханов

(Гиммер), например, пренебрежительно называл ее «бестолковыми стекловскими "Известиями"»¹. Другой меньшевик В. Войтинский тоже характеризовал их органом «никуда не годным», уточняя при этом: «Но недостатки его проистекали не из "неумелости" его руководителей, а из того, что "Известия" неслись по жизненному морю без руля и без ветрил, как плыл в то время по волнам революции и сам Исполнительный комитет Петроградского совета. Отсутствие же ясной политики у руководителей Петроградского совета зависело не от их личных свойств, а от того, что революционная волна подняла их на свой гребень в тот момент, когда сами народные массы еще не осознали своих стремлений, когда ни одна группа населения и, во всяком случае, ни одна группа демократии не могла точно формулировать свою волю»².

Энес В. Станкевич указывал на то, что во многих случаях содержание публикаций в газете расходилось с политикой большинства Исполкома Петросовета: «В общем тоне статей «Известий», — писал он, — в подборе хроники, в том, что помещалось и что не помещалось, в опечатках, наконец, — везде чувствовалась рука редактора и его помощников, проводящих свои взгляды, но отнюдь не взгляды комитета. И громадным большинством комитета "Известия" воспринимались как нечто чужое, как безобразие. Но некому было об этом подумать, и некому было приискать какой-нибудь выход из положения. Но когда я составил формальное заявление с протестом против всего направления "Известий", то под ним подписались сразу все лидеры комитета до Суханова включительно, и Стеклов был без сожаления смещён»³.

Когда было создано первое коалиционное Временное правительство с участием представителей Совета, ему нужен был официальный печатный орган. Тяготевший к большевикам Стеклов на роль его редактора уже не подходил. 12 мая 1917 г. на заседании Исполкома Петросовета была избрана новая редакция в составе Ф. Дана, В. Войтинского, И. Чернышева, А. Гоца и И. Гольденберга: «Правительственный официоз был создан, — писал Н. Суханов. — Фактически "Известия" редактировали с этого времени Дан и Вой-

---

¹ Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991. С. 257.

² Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 53–54.

³ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 43–44.

тинский. Курс их стал отныне вполне определенным. Но нельзя сказать, чтобы этот орган был интересной газетой. Его тираж неудержимо падал — не только в связи с переменой в настроении масс»⁴.

Помимо фракционной принадлежности, были и другие причины устранения Стеклова от редакторства «Известий» в мае 1917 г. В частности, его «политическая бесплодность» и «мелочность политической мысли»⁵. Г. Плеханов считал, что «сделаться серьезным революционным писателем и работником» Стеклову мешало «непомерное тщеславие»⁶. И. Церетели также вспоминал о роли Стеклова в первые месяцы после Февральской революции: «Он был очень деятелен, принимал самое активное участие в приёмах делегаций, в прениях в Исполнительном Комитете, и тут же писал статьи для "Известий". Он был из тех, кто наиболее желчно говорили о Временном Правительстве. В нём нетрудно было узнать автора статей: "Ставка — центр контрреволюции", "Генералы-мятежники — вне закона". Им владела идея, что контрреволюция приютилась всюду — и в штабах армий, и во Временном Правительстве, и в подполье, — и любимая фраза его была: "Совет не сложит оружия, пока не добьёт контрреволюции". Некоторые военные делегаты приходили в Исполнительный Комитет после того, как они побывали во Временном Правительстве, — и когда они называли имена Гучкова или Милюкова, Стеклов весь настораживался и ловил указания, которые могли бы навести его на след контрреволюционных интриг. Казалось бы, при таком умонастроении он должен был находиться на крайней левой Исполнительного Комитета, стоять за разрыв с буржуазией и за революционную диктатуру Совета. На самом же деле предметом гордости Стеклова было то, что он в первые дни революции способствовал соглашению между Советом и Думским Комитетом об образовании Временного Правительства. Он при первой же беседе рассказал мне о том, как после заключения этого соглашения он поцеловался с Милюковым. Когда при объяснениях с делегациями Стеклов хватал через край,

---

⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 192.

⁵ Там же. Т. 1. С. 182.

⁶ Цит. по: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 9. С. 82.

вмешивались Богданов, Филипповский или кто-нибудь другой и, избегая прямой полемики, смягчали это впечатление»⁷.

Однако, несмотря на указанные недостатки и издержки руководства Ю. М. Стекловым редакцией советских «Известий» в 1917 г., трудно все же отрицать, что газета оставалась одним из наиболее информативных и читаемых органов революционного Петрограда в первые месяцы после победы Февральской революции.

---

⁷ *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Париж, 1963. С. 39.

И. И. Шульга (Саратов)

E-mail: IgorShulga@yandex.ru

**ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ
К «УКРАИНИЗАЦИИ» В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
(1923–1933 гг.)**

Аннотация. Статья посвящена процессу украинизации в нижеволжских губерниях и АССР НП. Автор рассматривает проводимую украинизацию в 1923–1928 гг. исключительно как инструмент решения политических проблем, имевших место между союзным и украинским партийным руководством. Объявленная украинизация в РСФСР для центрального руководства являлась декларацией ничем не подкрепленной, что позволяло региональным функционерам, не заинтересованным в украинизации, фактически ее дискредитировать. В результате возникший первоначально интерес к украинизации со стороны украинского населения к середине 1920-х гг. пропал. Повторная волна украинизации, прошедшая в 1928–1933 гг., преследовала цель привлечения украинского населения к реализации задач центрального партийного руководства. Несмотря на достигнутые результаты проводимых мероприятий, национально-культурные нужды населения зачастую оставались без внимания партийного руководства или становились фоном для решения все тех же политических задач.

Ключевые слова: украинизация, украинцы в России, национальная политика, национальное меньшинство, региональная политика.

Решение национального вопроса являлось программным направлением большевиков в советской России. Одним из направлений национальной политики в 1920–1930-х гг. была «украинизация», которая декларировалась как форма удовлетворения национально-культурных потребностей населения Украины. В начале 1920-х гг., когда стало очевидно, что Украина не войдет в РСФСР в качестве составной части, вопрос украинизации вышел за пределы Украины и затронул ареалы компактного расселения украинцев на территории РСФСР. К числу таких территорий относилось и Нижнее Поволжье.

В ходе дискуссии между российскими и украинскими коммунистами тема украинизации в РСФСР приобретает яркую политическую окраску. Накануне XII съезда РКП(б) заведующий украин-

ским бюро Совнацмена НКП РСФСР обратился с докладной запиской к члену ЦИК СССР тов. Скрышнику, в которой просил заострить внимание делегатов съезда на сложившуюся тяжелую ситуацию, в которой оказались украинцы в России. Характеризуя положение украинцев в России, заведующий отмечал: «... работа среди украинцев России встречается как в партийных кругах, а еще больше в беспартийном советском аппарате, – неизменное, если в целом не враждебное отношение, которое очень часто приобретает характер систематического пренебрежения программ нашей партии, или непонимание правильного подхода в национальном вопросе со стороны партийных товарищей (в украинском вопросе в частности), а тем больше со стороны великодержавно настроенных ответственных беспартийных работников соваппарата»¹. Автором записки приводилось множество примеров негативного отношения местных партийных и советских органов к украинизации. В частности, руководство Царицынской губернии считало, что украинизация в Нижнем Поволжье «Не нужна и нецелесообразна»². Пример работы саратовских коммунистов и советских работников на протяжении двух лет свидетельствовал о враждебном отношении в ходе практической работы по организации школ с украинским языком преподавания. В Камышинском и Балашовском уездах отмечалось, что «даже зав УНО абсолютно «индифферентно» относится к украинскому вопросу, а в некоторых случаях становятся явно во враждебные отношения»³.

Причину такого отношения партийных и советских руководителей к украинизации Наркомпрос РСФСР видел в сохранившемся отношении к нацменьшинствам как «иностранцам», живущим в среде великодержавной и националистической традиции⁴. Украинский педагогический техникум в ст. Ново-Аннинской Царицынской губернии местные власти считали «гнездом национализма и контрреволюции». Взаимоотношения власти и администрации техникума были доведены до абсурда. За организацию мероприятий празднования Октябрьской Революции в 1922 г. местная власть наложила штраф на администрацию техникума. Свои действия

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Д. 75. Л. 3 об.

⁴ Там же. Д. 52. Л. 7.

власть мотивировала тем, что празднование годовщины Октябрьской Революции в техникуме повредило общему празднованию в ст. Ново-Аннинской⁵.

Выжидательную позицию избрало руководство АССР НП. Являясь национальной автономией, где численность украинского населения составляла 12%, партийное и советское руководство республики открыто не заявляло о нецелесообразности украинизации, в то же время предпринимать реальные шаги и финансировать мероприятия в рамках украинизации не желало.

Накануне XII съезде РКП(б) в Москве состоялось совещание учителей украинских школ РСФСР. Наиболее острой частью совещания стали доклады учителей с регионов. В числе первых с докладом выступила учительница из Саратова – Вальченко, которая обратила внимание на тяжелое состояние культурной и политико-просветительной работы. Сложившаяся ситуация объяснялась отсутствием ответственного работника по украинской линии как в Саратовском Губкоме, Губнаробразе, так и Наркомпросе АССР НП. Кроме этого, некоторые заведующие УОНО, например, Камышинским и Балашовским, «не только абсолютно индифферентно относятся к культурно-просветительной работе, а в некоторых случаях становятся явно во враждебные отношения»⁶. Несмотря на это, выступающая отметила большое желание украинского населения иметь школу на родном языке. Это желание было подтверждено постановлениями сельсоветов и общих собраний крестьян. В целом работа, хотя и незначительного количества украинских школ, была оценена как хорошая, несмотря на малое количество учителей, недостаток учебников. Вальченко отмечала необходимость введения преподавания на украинском языке хотя бы в 50-60 школах 1-й ступени, поскольку украинская молодежь имела большое желание к поступлению в вузы и техникумы как РСФСР, так и Украины⁷. Положительное отношение украинского населения к украинизации и, в частности, к украинской школе отмечала и представительница от школьных работников Хоперского округа Царицынской губернии⁸. Однако, Хоперский округ в Царицынской губернии ско-

---

⁵ ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 52. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 75. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 3 об.

⁸ Там же. Л. 4 об.

рее всего был исключением, что обуславливалось наличием в ст. Ново-Аннинской украинского педагогического техникума, который являлся методическим центром для украинских школ округа.

О положительном отношении украинского населения к украинизации в нижеволжских губерниях также свидетельствовали донесения ответственных секретарей укрбюро при отделах Нацмен губкомов РКП(б). В докладах отмечалось, что украинцы с интересом восприняли планы украинизации и положительно отнеслись к переводу школ на украинский язык. Крестьяне Терновской волости Еланского уезда Саратовской губернии выступили с ходатайством перед губернским отделом народного образования об открытии украинского педтехникума⁹. К реализации планов украинизации активно привлекалась украинская студенческая молодежь.

На XII съезде РКП(б) центральное партийное руководство признало необходимость и актуальность работы среди национальных меньшинств России, в частности, важность проведения украинизации в РСФСР в местах компактного проживания украинцев. Несмотря на решение съезда, руководство Сталинградской, Саратовской губерний и АССР НП в 1925 г. развернуло дискуссию с Совнацменом НКП РСФСР о целесообразности проведения украинизации. Власти нижеволжских губерний, не получив финансирования и четких директивных указаний, взяли курс на негласное сворачивание украинизации, поясняя свои действия стремлением украинцев изучать русский язык. В частности, камышинские коммунисты заявляли, что «Знание великорусского языка украинское население считает необходимым, так как оно живет среди великорусского населения и на введение украинского языка в школах и учреждениях не только не предъявляет требования, но и не считает необходимым»¹⁰. А после того, как были ликвидированы украинские бюро при губкомах РКП(б), в Нижнем Поволжье местные партийные и советские власти совсем перестали обращать внимание на потребности украинского населения. Попытки Совнацмена Наркомпроса РСФСР активизировать работу в регионах наталкивались на откровенное игнорирование. В Совнацмен с мест пошли объяснения по поводу сворачивания украинизации следующего характе-

---

⁹ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 3. Д. 455. Л. 44.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 153. Л. 11.

ра: «... специальной работы среди украинского населения Саратовской губернии в настоящее время не ведется потому, что украинское население украинского языка не понимает. Потребность украинского населения в обслуживании его культурных запросов незаметна»¹¹. Специально созванное по украинскому вопросу всеуездное заседание Президиума Камышинского УКома РКП(б) от 15 сентября 1925 г. постановило: «При дальнейшей длительной агитационной работе по популяризации украинского языка, за счет великорусского, возбуждая национальные чувства украинцев, *которые сейчас уже выделяются среди великорусского населения* (выделено – И.Ш.), можно добиться такого положения, что украинское население согласится на введение украинского языка в школах и учреждениях, но от этого Президиум УКома иных результатов, кроме вреда, не видит»¹².

Середина 1920-х гг. стала периодом естественного угасания украинизации в значительной части регионов РСФСР. На наш взгляд, причиной такого состояния была позиция партийного руководства в Москве. Не будучи сторонником украинизации, все же центральное партийное руководство не могло дать указания на сворачивание украинизации в РСФСР, поскольку не желало идти на открытый конфликт с частью национально-ориентированных коммунистов Украины. А на региональном уровне местные партийные и советские функционеры в области национальных взаимоотношений заняли резко отрицательную позицию в отношении украинизации. Причиной такого положения стало опасение за свое карьерное продвижение на фоне заметной активности работников-украинцев, призванных реализовывать мероприятия по украинизации на местах. Как в Сталинграде, так и в Саратове руководители губернских Совнацмен НКП развернули кампанию по дискредитации своих коллег-украинцев. Попытки центрального руководства Совнацмена разрешить ситуацию на местах не имели успеха. В Саратов, Сталинград и Покровск неоднократно направлялись комиссии с целью определения степени «обрусения» нижеволжских украинцев. Несмотря на однозначность выводов комиссии, что большая часть украинского населения имеет разговорный язык ближе к литературному украинскому языку, чем к русскому, и не утратила свои быто-

---

¹¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1325. Л. 4.

¹² ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 153. Л. 11.

вые особенности¹³, тем не менее, местное руководство продолжало утверждать, что все украинцы обрусели и не желают проведения украинизации¹⁴. Партийные и советские руководители уровня уезда и волости стали «объяснять» пагубность украинизации для местных украинцев, прибегая при этом к откровенной лжи. К примеру, после отъезда представителя Совнацмена из Самойловки по слободе пошли разговоры, что «теперь русского языка в школе не услышишь и что теперь будут учить только по хахлацки и хахлов и москалив»¹⁵. Такие действия местного партийного руководства стали вызывать у местных украинцев недоверие к самой идее украинизации, в среде украинских крестьян стали раздаваться голоса: «... зачем нам украинская школа, когда все среднее и высшее, общее и специальное обучение ведется на русском языке. Нам при таком положении не будет "ходу". Раньше не давали ходу, а теперь опять придумали украинизацию, чтобы не давать ходу. Буде дурить»¹⁶.

Таким образом, к 1927 г. идея украинизации в Нижнем Поволжье была сведена на нет.

Вторая волна украинизации приходится на период реализации политики индустриализации и коллективизации крестьянских хозяйств. Центральное руководство дало указание местным руководителям использовать украинизацию как инструмент вовлечения украинцев РСФСР в процессы, происходившие в стране.

В начале 1929 г. на краевом партийном совещании, посвященном работе среди национальных меньшинств, было принято решение: «... в условиях наличия значительного количества украинцев (600 тыс.) и прибывающего большого количества переселенцев-украинцев с Украины ... краевое партсовещание считает немедленно начать проведение украинизации». Инструктор Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) тов. Сатаев (участник комиссии Саратовского губкома обследовавший украинский вопрос в 1926 г.) в докладной записке на имя бюро крайкома в 1929 г. отмечал: «... на самом деле товарищи, считающие украинцев обрусевшими – ошибаются, ибо они знают украинцев – верхушку: интеллигенцию, торговцев, кулаков или городских рабочих которые имеют больше об-

---

¹³ ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 149. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же. Д. 153. Л. 16.

¹⁶ Там же. Д. 124. Л. 3.

щения с окружающим русским населением. Но масса украинского населения, в особенности, женщины и дети совершенно плохо владеют русским языком; они общаются между собою исключительно на украинском языке. Комиссии приходилось наблюдать, как партиец-украинец, начав свою речь на русском языке, не выдерживал и сворачивал на свой язык. Установлены факты, когда вновь назначенная, не владеющая украинским языком учительница, не имеющая возможности объясниться с малышами, плакала и бежала из школы. Девушка, желающая поступить в комсомол, из-за плохого знания русского языка осмеивалась парнями и прямо на собрании отказывалась вступить в комсомол.

Выводы комиссии об украинизации 1926 г. были приняты во внимание руководством губоно и агитпропотделом Саратовского губкома, намечены практические меры по проведению украинизации, но из-за отрицательного отношения к этому делу уездных организаций решение осталось на бумаге»¹⁷.

Следует заметить, что мероприятия начавшейся второй волны украинизации были сориентированы не столько на национально-культурные потребности населения, сколько на достижение мероприятий с политико-классовым подходом. Всякая попытка притеснения или невыполнения указаний в отношении украинцев и украинизации расценивалась как проявление великодержавного шовинизма. На специальном совещании Совнацмена в Москве были рассмотрены «Очередные задачи работы среди украинцев Нижне-Волжского края», где отмечалось: «... украинизация должна проводиться на основе четкой классовой линии в нацвопросе, решительной борьбы как с недооценкой проблемы украинизации и великодержавного шовинизма, являющегося своеобразным проявлением правого уклона, так и с попытками украинского кулачества использовать процесс развертывания украинизации в своих классовых интересах». Партия обязала партийный и советский аппарат, работающий в украинских селах, перевести свою работу на украинский язык. На совещании также было указано, что отказ части украинцев-коммунистов от работы на родном языке населения или сокрытие ими своей народности должны рассматриваться как обман партии и сознательное препятствование с их стороны к проведению

---

¹⁷ ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 445. Л. 25.

правильной политики партии в национальном вопросе. Партийные и советские работники обязаны были вести решительную борьбу с русификацией всей политико-просветительной работы в украинских селах¹⁸.

1930 – конец 1932 гг. можно считать расцветом украинизации. В этот период в Нижне-Волжской области издаются украинские краевые газеты и журналы, открываются украинские библиотеки и готовятся учителя-украинцы, к началу 1933 г. планировалось обучение во всех школах в местности, где проживают украинцы, перевести на украинский язык. Однако, этот «золотой период» украинизации был недолгим. 16 декабря 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос «Об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР»¹⁹. На заседании было принято решение свернуть украинизацию, немедленно все украинские школы перевести на русский язык, украинские газеты и журналы закрыть. В дальнейшем любое национальное проявление расценивалось как проявление украинского национализма. Спустя некоторое время после декабрьского решения Политбюро ЦК ВКП(б) в отдельных школах преимущественно украинских районов были вскрыты характерные факты проникновения классово-враждебных влияний в школу, факты грубейшего нарушения принципов коммунистического воспитания²⁰.

Таким образом, приходится признать, что предпринятая партийным и советским руководством попытка провести украинизацию украинского населения Нижнего Поволжья являлась исключительным средством достижения политических целей. Украинизация не решала задач удовлетворения национально-культурных потребностей украинского населения. В конечном итоге, украинизация завершилась очередной волной русификации, которая только усилила ассимиляционные процессы среди украинского населения Нижнего Поволжья и повлияла на дальнейшую трансформацию их этнического самосознания.

---

¹⁸ ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 285. Л. 230.

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестка дня заседаний. 1919–1952: Каталог. Т. II. 1930–1939. М., 2001. С. 382.

²⁰ ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 545. Л. 11.

А. В. Лунатов (Волгоград)

E-mail: elita_lee@mail.ru

**ВЛАСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В СССР В 1953–1964 ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СТАЛИНГРАДА /
ВОЛГОГРАДА)**

Аннотация. В статье анализируются взаимоотношения между властью и деятелями культуры, определяются условия и векторы развития творческой работы по материалам Сталинграда (Волгограда).

Ключевые слова: Сталинград, Волгоград, советская власть, учреждения культуры, художественная интеллигенция, культура, советское искусство, хрущевская «оттепель».

За годы существования Советской власти в государстве сложилась сложная и многоуровневая система развития личности, воспитания гражданина и формирования официальной картины мира, мировоззрения и ценностных установок. На вершине этой системы были органы КПСС разного подчинения и компетентности, а дальше государственные органы культуры и образования и Советы народных депутатов. Централизованную иерархическую форму система управления культурой приобрела в 1953 г., когда было образовано Минкультуры СССР и подобные инстанции в союзных республиках.

Идеологические и пропагандистские цели властей пронизывали деятельность всех социальных институтов советского общества: от дошкольных до ВУЗов и послевузовских учреждений, от заводских клубов и красных уголков до Домов культуры, Домов политического просвещения и вплоть до посещения крупных культурно-массовых мероприятий.

В Сталинграде (Волгограде) и в области, как и во всех регионах СССР, также существовали однородные и типичные властные структуры по управлению культурными процессами. Во главе этой структуры стоял Обком, Горкомы и райкомы КПСС и их отделы, а также разного уровня исполкомы Советов. И несомненно, что в реализации политических и социокультурных целей власти ис-

пользовали художественный потенциал и творческий опыт художников, писателей, актеров театров и кино, музыкальных и вокально-инструментальных коллективов. Оглядываясь на решения партийных съездов КПСС (с 1956 по 1961 гг.), постановления, как, например, «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», и анализируя влияние властей на деятельность крупных журналов периода хрущевской «оттепели» «Коммунист», «Новый мир», становится понятно, что власти рассматривали художественную интеллигенцию как необходимого союзника в коммунистическом строительстве.

Годы хрущевской «оттепели» дали большой толчок для развития творческой активности. Так, в Сталинградской области в 1953–1964 гг. расширилась сеть учреждений культуры, активно развивалась самодеятельность рабочих коллективов и юных коммунистов, а в связи с восстановлением архитектурного облика Сталинграда росли его интернациональные связи. Весомую роль в художественной жизни Сталинграда и области играли местные деятели культуры, чьи силы и талант были скреплены рамками творческих союзов, членами которых они являлись.

В докладе секретаря Сталинградского обкома КПСС Д. П. Журавлева «XX съезд КПСС и задачи работников искусства и литературы» от 5 марта 1956 г., который был зачитан на областном совещании работников литературы и искусства, указано, что в «произведениях искусства и литературы необходимо широко и глубоко освещать роль народных масс в строительстве новой жизни, показывать роль КПСС как руководителя и организатора социалистического строительства и создания нового общества»¹. Поставленная местным функционером задача полностью отражала идеолого-политические установки XX съезда КПСС и задавала вектор для деятельности художественной интеллигенции.

Появляются картины на производственные темы, пронизанные глубоким созидательным смыслом о «светлом будущем» коммунистического общества, как, например, «Эстакада Сталинград-

---

¹ Доклад, стенограмма и выступления участников областного совещания работников литературы и искусства «XX съезд КПСС и задачи работников литературы и искусства». 5 марта 1956 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНОВО). Ф. 113. Сталинградский областной комитет КПСС. Отдел пропаганды и агитации. Оп. 52. Д. 119. Л. 24.

ской ГЭС» Г. Печенникова, «Нефть пошла» М. Павловского², «Огни Сталинградской ГЭС» И. Бирюкова, а также групповая скульптура «Смена» Н. Павловской³. Они становятся гордостью местных художников на выставках разного уровня и получают высокие награды и отзывы как со стороны художественной интеллигенции, так и со стороны властей.

Также положительную оценку получают труды местных писателей – романы «Казачка» Н. Сухова, «Лето в степи» Н. Нефедовой, «Начало дружбы» М. Тугана, цикл стихотворений о женщинах поэтессы М. Агашиной «Актриса», «Варя», «Юрка». Анализ произведений говорит об одном общем посыле для всех произведений советской культуры – Советская власть все делает для народа и во имя общего блага, и в стране Советов каждый человек живет легко, просто, честно и свободно. Эти идеи, поддерживаемые, государственной машиной и партийным контролем, сплачивали население и служили вдохновляющей силой для населения – строителей заводов, дорожных магистралей, трубопроводов, жилых домов и пр.

О том, что искусство и творческая деятельность были духовными ресурсами сплочения и единения населения, служит пример деятельности местных театров. Так, Областной драматический театр им. Горького в середине 1950-х гг., выполняя решение ЦК от 25 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах его улучшения», выпустил такие спектакли, как «Совесть», «Грозное оружие», «Большой шаг». Отметим, что в протоколах бюро Сталинградского Горкома КПСС от 1959 г. отмечено, что «положительной чертой в работе Сталинградских театров является стремление к расширению своего репертуара за счет произведений местных авторов»⁴. В связи с этим на сцене драматического театра появились спектакли «Звезды на крыльях» И. Волокитина и В. Костина, «На Волге широкой» В. Костина и Ф. Красина. В 1958г., к 15-летию со дня разгрома гитлеровцев под Сталинградом Н. Покровский поставил пьесу «Сыновья» А. Шейна.

Но, несмотря на импульс внутреннего развития в годы хрущевской «оттепели», цензура и партийный контроль продолжали су-

---

² См.: Сталинградская правда. 1959. 26 апреля.

³ См.: Молодой Ленинец. 1957. 25 мая.

⁴ Протоколы бюро Сталинградского Горкома КПСС от 1959 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. Сталинградский городской комитет КПСС. Оп. 32. Д. 14. Л. 7.

ществовать как фильтры для культуротворчества. Основу для художественной работы продолжали составлять принцип «партийности» и метод «социалистического реализма», которые служили практическим руководством для всей художественной интеллигенции.

Консервативная сторона хрущевской «оттепели» наиболее сильно отразилась не в столичных, республиканских и крупных городах СССР, а в регионах страны, где партийные структуры пытались соответствовать ожиданиям «центра».

Так, например, в материалах и протоколах заседаний Сталинградского бюро Обкома КПСС от 1958 г. отмечено, что в большинстве местных картин, посвященных строительству Волжской ГЭС, Волго-Донского судоходного канала им. В. И. Ленина и восстанавливаемого Сталинграда, не отражают героику труда и трудовых будней⁵. Местные писатели также подвергались критике за малое количество выступлений с очерками о лучших передовиках производства города и села на страницах областных газет; они не создают «высокоидейных, полноценных в художественном отношении произведений о героике трудовых будней, о величии дел простых советских людей»⁶.

Также и местные театры, актеры и режиссеры, по мнению партийных работников, «не создали ни одного произведения, в которых бы глубоко и ярко была отображена жизнь советского народа, рабочего класса, колхозного крестьянства, творческий труд интеллигенции»⁷.

Несмотря на определенную либерализацию общественных отношений, заметно, что художественная интеллигенция испытывала субъективность оценок, административный контроль со стороны идеологических и властных структур, а сами произведения должны были отвечать общим целям развития советского общества.

Прослеживая опыт взаимодействия власти и региональной художественной интеллигенции, можно отметить предел творческой свободы и истинный смысл «оттепели» в духовной жизни советского общества.

---

⁵ См.: *Липатов А. В.* Власть и деятели культуры Сталинграда в период «оттепели» // *Власть и общество в России: проблемы взаимодействия в прошлом и настоящем: сб. науч. тр.* Волгоград, 2009. С. 101.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же. С. 103.

В период хрущевской «оттепели» была заложена глобальная цель для государства и всего общества – построение коммунистического общества, а это было возможно не только через повышение благосостояния граждан, но и через воспитание людей в духе морального кодекса коммуниста. Последнее и определяло вектор развития советского искусства. Заметно, что искусство в советском государстве носило отпечаток существующей в обществе идеологии и полностью подчинялось происходящим в стране экономическим, социально-политическим и культурным изменениям.

А. А. Гуменюк (Саратов)

E-mail: GumenukAA@rambler.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ГОСУДАРСТВА КАЛМЫЦКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В ПЕРИОД ВОССОЗДАНИЯ АВТОНОМИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ, ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-х – НАЧАЛО 1960-х гг.).

Аннотация. В статье воспроизводится механизм реализации основных направлений социальной помощи Советского государства калмыкам в 1958–1960 гг., а также трудности повседневного быта переселенцев. На примере анализа конкретного исторического сюжета доказывается, что внутренняя политика в СССР в эти годы приобретает ярко выраженную социальную направленность. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, периодической печати, опубликованных источников и данных новейших исследований.

Ключевые слова: жалоба, жилищные условия, здравоохранение, калмыки, кредит, продукты, социальное обеспечение, ссуда, товары.

Развернувшаяся в СССР после XX съезда КПСС реабилитация затронула не только крупных политических деятелей, военных и иных политических заключенных, но и целые народы. В их перечне оказались и калмыки. Проблема воссоздания калмыцкой национальной автономии в последние годы весьма активно исследуется, однако рассматривается она преимущественно в контексте общей истории региона¹. В данной же публикации основной акцент

---

¹ См.: *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. Элиста, 1991; *Запариванный Р. И.* Восстановление национальной автономии калмыцкого народа 1953–1958 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2006; *Убушаев К. В.* Преобразование Калмыцкой автономной области в автономную республику в июле 1958 г. // Вестн. ин-та: науч. изд. Элиста. 2006. № 2. С. 24–31; *Он же.* Деятельность оргкомитета Калмыцкой области по восстановлению национальной автономии калмыков // Вестн. ин-та: науч. изд. Элиста. 2007. № 1. С. 107–112; *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение, 1943–1959 гг. Элиста, 2007; *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т.* Элиста, 2009. Т. 2–3; *Судацков Н. Д.* Калмыкия в составе Ставропольского края в период восстановления Калмыцкого народа (1957–1958 гг.) // Вестн. Калмыц. ин-та гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 15–19; *Янова М. В.* К вопросу об истории восстановления автономии калмыцкого народа: по документам центральных архивов // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение. Философия. История. Социология. Юриспруденция. Политология. Культурология. 2011. Вып. 2. С. 117–122; *Басхаев А. И.* История Калмыкии и калмыцкого народа с древнейших времен до конца XX века. Элиста,

сделан на социальной составляющей деятельности центральных и местных властей по восстановлению автономии калмыцкого народа в составе РСФСР.

Обвиненный в измене родине, этот народ, как и другие народы СССР (балкарцы, чеченцы, ингуши и т. д.), в конце 1943 г. был депортирован с территории Калмыцкой АССР в районы Урала, Сибири, Средней Азии. Сама же АССР была упразднена, а ее территория разделена между Сталинградской, Ростовской, Астраханской областями и Ставропольским краем². Только во второй половине 1950-х гг. в жизни калмыков стали происходить судьбоносные перемены. Точкой отсчета в этом процессе следует считать постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского, ингушского народов», которым руководство страны сочло необходимым «... исправить допущенную по отношению к [указанным – Г. А.] народам несправедливость и восстановить их национальную автономию»³. В конце того же месяца Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края», утвержденный 8 декабря 1956 г. соответствующим постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР⁴. Наконец, 28 июля 1958 г. Верховный Совет СССР утвердил произведенное в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июля 1958 г. преобразование Калмыцкой автономной области в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику⁵. Этими законодательными актами оговаривался также и процесс организационного возвращения калмыков на историческую родину, для чего в воссозданной автономной области создавался специальный организационный коми-

---

2012; *Убушев К. В.* Восстановление национальной автономии калмыцкого народа в составе РСФСР // *Вестн. Калмыц. ун-та.* 2017. № 33(1). С. 68–73 и др.

² См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Оп. 61. Д. 11. Л. 1–3.

³ Там же. Д. 13. Л. 1–4. Соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР был утвержден шестой сессией четвертого созыва высшего органа государственной власти страны 11 февраля 1957 г. (см.: Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва, шестая сессия (5–12 февраля 1957 г.): стенографический отчет. М., 1957. С. 743).

⁴ См.: РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 18. Л. 6, 7; Ф. 89. Оп. 61. Д. 13. Л. 8.

⁵ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1958. № 8. Ст. 401; Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 17. Ст. 292; Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва, вторая сессия (22–25 декабря 1958 г.): стенографический отчет. М., 1959. С. 692.

тет в составе представителей Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР, местных партийных и советских органов. В его обязанности главным образом входило оказание всевозможной помощи в хозяйственном обустройстве прибывающего на территорию автономии населения⁶.

Социальную компоненту деятельности указанного оргкомитета можно условно разделить на несколько направлений: меры по обеспечению для прибывающего населения режима товарно-продуктовой безопасности; создание относительно комфортных жилищных условий; восстановление на территории возрожденной автономии социальной инфраструктуры (учреждений здравоохранения, социального обеспечения, предприятий сферы обслуживания, детских дошкольных учреждений и т. д.).

Первостепенной по важности социальной проблемой для возвращавшихся на родину калмыков являлась проблема жилья. Для ее решения центральными и местными властями была выработана определенная социальная программа, включавшая в себя расширение производства и заготовки местных строительных материалов, обеспечение переселенцев сборными щитовыми домами, выдачу кредитов на постройку и ремонт жилья. На строительство домов с надворными постройками выделялся кредит в размере до 10 тыс. руб. на семью с погашением его в течение десяти лет, начиная с третьего года после вселения в построенный дом. Только в период с 1 декабря 1957 г. по 20 сентября 1958 г. сумма кредитов возросла на 18998288 руб., за счет чего все прибывшие на территорию АССР 5868 семей были обеспечены жилой площадью. За 1959–1960 гг. в Элисте и райцентрах, рабочих поселках и совхозах на государственные ссуды рабочими и служащими республики было построено 5300 домов.

Необходимость возведения в столь короткие сроки большого количества жилой площади обусловило широкое использование местного строительного материала, компенсирующего нехватку кирпича и бытового камня. Помимо этого велась заготовка строительного материала и за пределами автономии, в первую очередь строительного леса, который на местах практически отсутствовал. Поэтому на эти цели Калмыкии выделялось больше средств из

---

⁶ См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 61. Д. 13. Л. 5–7.

бюджета РСФСР, чем другим автономным областям, входившим в состав Ставропольского края.. Например, если в 1957 г. Карачаево-Черкесская автономная область получила только 30 тыс. куб. леса, то Калмыкия – 50 тыс. В результате в 1959 г. государственный жилищный фонд республики превысил уровень 1956 г. в 2,5 раза. Об эффективности обеспечения переселенцев жилой площадью свидетельствует факт поступления в приемную председателя Президиума Верховного Совета РСФСР в 1960 г. всего трех жалоб от населения АССР. Индивидуальное жилищное строительство продолжало практиковаться и в начале 1960-х гг., хотя массовое переселение калмыков в свои родные места было завершено в 1959 г.⁷

Не менее актуальной для населения возрожденной Калмыцкой автономной республики являлась проблема создания стабильной системы питания и обеспечения ее граждан товарами первой необходимости. Если продуктами пищевой промышленности население этой автономии снабжалось в основном за счет завоза из соседних областей и краев⁸, то различные товары первой необходимости (мыло, спички, обувь, ламповое стекло, инструменты и т. д.) калмыки получали в рамках программы социальной помощи. С 1957 г. по 1959 г. за счет предоставленных государством кредитов в размере 18,5 млн. руб. вернувшиеся на родину калмыки (18158 калмыцких семей в составе 72665 чел.) сумели приобрести 10323 головы крупного рогатого скота и 6730 овец и коз⁹.

Если трудоспособное население по приезду в родные края устраивалось на работу и, получая заработную плату, имело стабильный источник дохода, то пожилые люди, матери-одиночки, воспитывающие несовершеннолетних детей, инвалиды и ветераны вой-

---

⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 42. Д. 1959. Л. 20, 22, 27. Ф. А-385. Оп. 25. Д. 157. Л. 19; Национальный архив республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 3. Л. 14, 52, 53. Д. 7. Л. 13. Д. 11. Л. 29. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2. Л. 2. Д. 3. Л. 5, 110, 174. Д. 4. Л. 49–50. Д. 5. Л. 28. Д. 40. Л. 1, 12, 20, 32–33, 37, 50. Д. 54. Л. 1, 3, 11–12, 14, 26–27. Д. 72. Л. 20. Д. 110. Л. 27, 45, 49, 57, 63, 64. Д. 119. Л. 20; Ф. 1. Оп. 4. Д. 3. Л. 146–148. Д. 4. Л. 13, 24. Д. 39. Л. 8. Д. 61. Л. 10, 39, 77–78, 151. Д. 89. Л. 159, 184; Советская Калмыкия. 1957. 15. 11. Л. 3. 11. 08. Л. 3; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва. Третья сессия (22 июля 1959 г.). Стенографический отчет. Элиста, 1959. С. 53; *Убушаев В. Б., Убушаев К. Б.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение, 1943–1959 гг. С. 409; История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 622, 631.

⁸ См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3. Л. 177–178. Д. 61. Л. 183; Советская Калмыкия. 1957. 19, 27. 04. Л. 3. 13. 06. Л. 3. 21. 06. Л. 3. 4. 09. Л. 3. 8. 12. Л. 3. 1959. 11. 12. Л. 3.

⁹ См.: История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 630; НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 61. Л. 77.

ны и труда могли рассчитывать только на помощь государства. Поэтому важнейшим направлением в деятельности указанного выше оргкомитета являлось налаживание эффективной работы на территории автономии органов социального обеспечения, поскольку съезжавшиеся со всей страны на территорию автономной республики калмыки нуждались в самой разнообразной помощи. Совет Министров выделил в 1957–1958 гг. 1,5 млн. руб. для оказания единовременной безвозвратной помощи остро нуждающимся семьям калмыков, 100 тыс. руб. на орграсходы по переселению калмыцкого населения и 3 млн. руб. на строительство жилья для инвалидов войны и труда. Выделенные средства осваивались весьма динамично. Например, если к концу 1957 г. на строительство жилья инвалидам было израсходовано только 734 тыс. руб., то к 25 октября 1958 г. – уже 2635 тыс. Наиболее эффективно освоение отпущенных ассигнований наблюдалось в Каспийском, Юстинском, Западном, Яшалыйнском районах республики¹⁰.

Среди важнейших ценностей, обеспечивающих высокое качество жизни людей, одно из лидирующих мест принадлежит здоровью. Поэтому в программе социальной помощи калмыцкому населению большое внимание также уделялось восстановлению и модернизации органов здравоохранения. Только со 2 сентября 1957 г. по 1 июля 1958 г. для лечебных учреждений этой области было приобретено медицинского оборудования и различного инвентаря на 431,4 тыс. руб.¹¹ К 1960 г. объемы финансирования сферы здравоохранения этой республики достигли 34,3 млн. руб., превысив уровень 1957 г. в 2,1 раза. За счет этих средств число больничных учреждений в этом территориальном образовании возросло с 40 единиц в 1955 г. до 54 к началу 1960 г., а коечный фонд вырос за этот период с 655 до 1,2 тыс. Численность медицинского персонала увеличилась с 666 в 1956 г. до 1339 к началу 1961 г.¹² В целом расходы государства на развитие различных сегментов сферы обслужи-

---

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 1959. Л. 19–20. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 3044. Л. 176–177; НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 24; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва. Первая сессия (28 октября 1958 г.). Стенографический отчет. Элиста, 1958. С. 40.

¹¹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 1959. Л. 29.

¹² См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 60. Д. 61. Л. 81–82. Д. 89. Л. 159, 190. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 7. Л. 13. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 4. Л. 24. Д. 102. Л. 10–11. Д. 208. Л. 22; Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970. С. 358; Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. Статистический ежегодник. М., 1961. С. 521, 532, 536.

вания республики только в 1959 г. составили 230 млрд. руб., превысив уровень 1958 г. на 7%¹³.

В то же время следует отметить, что помощь возвращавшиеся на родину калмыкам могла быть и более существенной, если бы чиновники ряда министерств подходили к решению этого вопроса не формально, а со знанием дела. К сожалению, например, в министерстве социального обеспечения не всегда принимались в расчет реальные потребности республики. Многие работники этого ведомства вообще не имели представления о существовании Калмыцкой АССР. Поэтому краевой отдел социального обеспечения испытывал значительные трудности в обеспечении нуждающихся жилплощадью, санаторными путевками, протезами, мотоколясками, расширении сети домов инвалидов.

Повинны были в этом и ведомственные барьеры, которые являлись причинами жалоб прибывающего в республику населения на волокиту в городских отделах социального обеспечения и районных ВТЭК¹⁴. Возвращавшиеся в родные края калмыки жаловались и на проявления бюрократизма при оформлении ссуд на приобретение строительных материалов, а также на факты нарушений при выдаче комплектов для сборных домов, когда одни детали были в избытке, а другие в недостатке. Поэтому чабаны этой республики вынуждены были жить в тесных полуразвалившихся землянках. План жилищного строительства по республике к концу 1957 г. был выполнен только на 79,5%, ассигнованные на эти цели средства были израсходованы лишь на 77%¹⁵.

Позитивный эффект, полученный населением республики от социальной помощи государства, был значительно снижен также в силу того, что в целом в СССР с 1958 г. стало постепенно ухудшаться экономическое положение, достигнув своего максимума в 1964 г. Наиболее рельефно это ощущалось жителями сельской местности.

---

¹³ См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 61. Л. 38.

¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 3044. Л. 178–182; НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 61. Л. 83; Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 5. Л. 13, 23–24. Д. 6. Л. 30. Д. 52. Л. 3, 4; Советская Калмыкия. 1957. 7. 04. Л. 1. 30. 08. Л. 3; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва (28 октября 1958 г.). С. 40.

¹⁵ См.: НАРК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 4. Л. 15–16. Д. 5. Л. 12, 17, 20–22, 33–35, 37, 39, 57, 60, Д. 6. Л. 3, 16. Д. 72. Л. 17. Д. 94. Л. 2. Д. 110. Л. 51–52; Д. 119. Л. 7; Ф. 1. Оп. 4. Д. 3. Л. 103, 118, 146, 148, 191–192. Д. 4. Л. 14, 24, 41; Советская Калмыкия. 1957. 17. 07. Л. 1. 24. 07. Л. 3. 26. 07. Л. 3. 14. 08. Л. 3; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва (28 октября 1958 г.). С. 31.

Например, в Юстинском районе Калмыцкой АССР в 1960 г. 50% чабанов проживало в землянках или вообще под открытым небом. Наказы об улучшении жилищных условий поступали и от населения других районов республики, поскольку многие из них, как и прежде, под жилые помещения использовали землянки, медпункты, классные комнаты в школах, бывшие скотобойни и даже кабины автомобилей¹⁶. Жители Элисты в своих наказах депутатам настаивали на замене существовавших проектов многоквартирных домов более усовершенствованными. Только в период с февраля 1963 г. по февраль 1966 г. в Калмыцкий обком КПСС поступили 1333 письма и заявления от трудящихся с просьбами об улучшении жилищных условий¹⁷. Значительный процент писем, получаемых редакционной почтой местной прессы Калмыцкой АССР, также составляли жалобы на низкое качество и несоблюдение сроков выполнения заказов предприятиями республиканского управления бытового обслуживания. Если в 1963 г. депутаты Верховного Совета этой республики получили 1,2% наказов избирателей по этому вопросу, то в 1967 г. – уже 1,6%¹⁸. Не менее сложной в республике была ситуация с обеспечением населения медицинской помощью.

Претензии калмыков к властям были вполне обоснованными, поскольку в 1962 г. на строительство больниц и поликлиник в республике было израсходовано всего лишь 42,2% капиталовложений, а за 10 месяцев 1963 г. – 69%. Из-за неудовлетворительных условий труда и быта из 70 направленных в этот субъект РСФСР в 1963 г. врачей убыли 54¹⁹. В Калмыцкой АССР в 1964 г. произошло и незначительное уменьшение числа врачебных и акушерских мест для беременных и рожениц: с 333 до 326. Количество фельдшерско-

---

¹⁶ См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 89. Л. 269. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 185. Л. 3. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 11. Л. 30. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 119. Л. 7. Д. 147. Л. 24, 27. Д. 208. Л. 8.

¹⁷ См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 228. Л. 42, 43, 112, 162, 201–202, 221. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 185. Л. 7. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 22. Л. 25; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва (22 июля 1959 г.). С. 55; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва. Первая сессия (16 марта 1963 г.). Стенографический отчет. Элиста, 1963. С. 19.

¹⁸ Подсчитано по данным: НАРК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 175, 226.

¹⁹ См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 89. Л. 190–191. Д. 141. Л. 82. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 176. Л. 20. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–2, 9–10, 27, 67, 68, 70–71, 85–86. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 16. Л. 30, 31, 81; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва. Третья сессия (19 июля 1964 г.). Стенографический отчет. Элиста, 1964. С. 7, 8, 12, 20, 24, 52. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 594.

акушерских пунктов к 1 января 1964 г. сократилось по сравнению с началом 1961 г. на 60 единиц²⁰.

Развитие дошкольных учреждений в Калмыкии в начале 1960-х гг. отставало от существующих нормативов на 6520 мест. Поэтому от жителей этого субъекта РСФСР поступало немало жалоб по поводу дефицита сети детских садов, яслей, молочных кухонь и неудовлетворительного состояния функционировавших²¹.

О нарастании кризисных явлений говорит и ухудшение демографических показателей. В республике высокая смертность новорожденных детей в начале 1960-х гг. наблюдалась особенно в Приозерном, Черноземельском и Целинном районах²². В целом, по сравнению со своими соседями по Нижнему Поволжью, развитие социальной сферы в Калмыкии характеризовалось наихудшими показателями. Тем не менее, в начале 1960-х гг. население республики благодаря повышенной социальной заботе государства все же было обеспечено базовым благосостоянием (крыша над головой, необходимый набор продуктов и товаров и т. д.).

Проанализированная модель государственной социальной стратегии в отношении отдельно взятого региона служит доказательством осознания руководством страны примата социальных функций государства. Представленный в статье материал убеждает в том, что советское руководство было способно поставить на первый план во внутренней политике реализацию насущных социальных задач, создав для этого необходимый экономический потенциал. К сожалению, распространить охарактеризованный выше экономический механизм, обслуживающий, прежде всего, социальные запросы общества, на другие регионы и всю страну в целом так и не удалось в силу дефицита экономических возможностей для реализации поставленных государством целей социальной политики.

---

²⁰ См.: НАРК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 176. Л. 22. Д. 227. Л. 36. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 208. Л. 16, 17, 32–34, 64, 66; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва (19 июля 1964 г.). С. 13; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. Статистический ежегодник. М., 1963. С. 548; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Стенографический ежегодник. М., 1965. С. 477.

²¹ См.: НАРК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 176. Л. 40, 44. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 16. Л. 31, 80–82. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 208. Л. 4–6, 12, 23, 74, 87; Советская Калмыкия. 1961. 21. 11. Л. 2. 1963. 8. 02. Л. 3; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва (16 марта 1963 г.). С. 24; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва (19 июля 1964 г.). С. 14.

²² См.: НАРК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 16. Л. 80, 82.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникин Валерий Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, декан физического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Артамонова Ирина Валерьевна, аспирант Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова, г. Москва.

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Кныжова Зарина Закиевна, магистр истории, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории, политологии, социологии и сервиса, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов.

Костяев Эдуард Валентинович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Отечества и культуры, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., г. Саратов.

Креленко Наталия Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский националь-

ный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Левин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, г. Балашов.

Липатов Александр Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград.

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Назаров Владилен Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского», г. Балашов.

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной и научной работе Института дополнительного профессионального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Рыбалко Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Сабитова Лилия Равильевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры английского языка и методики его преподавания, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Тельменко Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь.

Федорова Татьяна Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара.

Царенко Марина Владимировна, аспирант кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Шульга Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества и культуры, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., г. Саратов.

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

<i>Данилов В. Н.</i> (Саратов) Становление исторической науки в Саратове: столичные стандарты и местные традиции	3
<i>Майорова А. С.</i> (Саратов) Исторические исследования как элемент культурных новаций в Саратовском Поволжье в первой половине XIX века	15
<i>Левин С. В.</i> (Балашов) Историческое образование в Балашовском институте (филиале) СГУ: становление и развитие	27

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ, ОБРАЗЫ ИСТОРИИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЗАПАД ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Кныжова З. З.</i> (Саратов) Элевсинские мистерии как фактор мировоззренческой трансформации античного общества	33
<i>Галямичев А. Н.</i> (Саратов) На перекрестке тропинок исторической памяти (эпизод из творческой биографии И. И. Шишкина)	41
<i>Чернова Л. Н.</i> (Саратов) Социальная действительность Англии XIV века в «Картуляриях» лондонских купцов	47
<i>Тельменко Е. П.</i> (Ставрополь) Власть и проповедник (к вопросу о взаимоотношениях Лоренцо Медичи и Джироламо Савонаролы)	63
<i>Многолетняя Е. Н.</i> (Саратов) У истоков периодической печати в Чехии («noviny» XVI века)	72

<i>Киясов С. Е.</i> (Саратов)	
Французская революция и национальное масонство: ожидания и реальность	76
<i>Сабитова Л. Р.</i> (Саратов)	
Тулонский фронт в средиземноморской стратегии Великобритании 1793 г.: «проблема коалиции»	81
<i>Креленко Н. С.</i> (Саратов)	
Образы истории и политические процессы в Европе XIX века	89
<i>Федорова Т. А.</i> (Самара)	
Исторический нарратив как способ формирования шотландской национальной идентичности в творчестве Вальтера Скотта	94
<i>Рыбалко О. К.</i> (Саратов)	
Верные враги или заклятые друзья: образы холодной войны в современных российско-американских отношениях	102

**ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ:
РЕАЛИИ И ОБРАЗЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XIX–XX ВВ.**

<i>Поздняков А. Н.</i> (Саратов)	
Образовательная реформа Александра I по отчетам министра народного просвещения (1802–1804 гг.)	108
<i>Аникин В. М.</i> (Саратов)	
К 100-летию высшего физического образования в Саратове	115
<i>Артамонова И. В.</i> (Москва)	
Петр I и Наполеон в творческом наследии А. С. Пушкина: опыт исторического сближения	122
<i>Царенко М. В.</i> (Саратов)	
Санитарное и хозяйственное обслуживание русской армии во время русско-турецкой войны (по материалам В. В. Крестовского)	126
<i>Назаров В. В.</i> (Балашов)	
Эволюция идеологии народничества (по материалам публицистики Н. К. Михайловского)	131
<i>Морозова Е. Н.</i> (Саратов)	
Формирование образа «демона революции»: Л. Д. Троцкий в воспоминаниях друга юности Г. А. Зива	135

<i>Костяев Э. В.</i> (Саратов) Советские «Известия» в 1917 г.: интеллигент Ю. М. Стеклов во главе рабоче-солдатской газеты	142
<i>Шульга И. И.</i> (Саратов) Отношение общества и власти к «украинизации» в Нижнем Поволжье (1923–1933 гг.)	146
<i>Липатов А. В.</i> (Волгоград) Власть и художественная интеллигенция в СССР в 1953–1964 гг.: региональный аспект взаимодействия (на материалах Сталинграда / Волгограда)	154
<i>Гуменюк А. А.</i> (Саратов) Социальная помощь государства калмыцкому населению в период воссоздания автономии: реализация, повседневные практики (вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг.)	159
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	167
СОДЕРЖАНИЕ	170

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ**

Сборник научных статей

Работы выходят в авторской редакции

Ответственная за выпуск *Л. Н. Чернова*

ISBN 978-5-9500428-8-1

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Джорджия. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,06 (9,75). Уч.-изд. л. 7,27. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Техно-Декор»
Саратов, Московская, 160, тел.: (8452) 263-848.
sar-print.ru